ДЕПЕРТАМЕНТ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА И КИНО
АДМИНИСТРАЦИИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
"НАСЛЕДИЕ"
АСТРАХАНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЁННЫЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

АРХЕОЛОГИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

материалы Всероссийской научно-практической конференции

Издательство Астраханского педагогического университета

ББК 63.4 (2Р354)

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного педагогического университета

Рецензенты: Н.М. Ушаков – декан исторического факультета Астраханского государственного педагогического университета, профессор;
Лыжина С.Б. – заместитель директора государственного объединённого историко-архитектурного музея-заповедника по науке

Редакционная коллегия: Е.В. Шнайдштейн, Т.Ю. Гречкина, Д.В. Кутуков

Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы всероссийской научно-практической конференции. - Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2001.-123 с.

Конференция посвящена основным проблемам археологии юго-востока европейской части России. Материалы, представленные в сборнике, охватывают значительный хронологический интервал: от каменного века до позднего средневековья. Особое внимание уделено археологии нижневолжского региона. Специальный раздел представляет материалы по этнографии Астраханского края, которые способствуют более полному пониманию процессов его истории как в древности, так и в наше время. Сборник представляет интерес для археологов, этнографов, историков, краеведов, всех интересующихся отечественной историей.

ISBN 5-88200-583-3

© Изд-во АГПУ, 2001

Гречкина Т.Ю., Шнайдштейн Е.В. (Астрахань)

АРХЕОЛОГИЯ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

В настоящее время Астраханская область является наименее исследованным в археологическом плане регионом в Поволжье, где на государственной охране состоит всего 95 памятников археологии.

В Енотаевском, Черноярском, Ахтубинском районах на охране не стоит ни один археологический объект, а в Наримановском и Харабалинском их всего по два, что совершенно не реально для региона с такой богатой историей.

В 1999 году на территории области проводили работы лишь 3 экспедиции. В 2000 – уже 6. Но по сравнению с другими областями Нижневолжского региона и прилегающих к ним областей и республик это самый низкий показатель по масштабам археологических исследований. Для примера можно назвать Волгоградскую область, где известно около 20 тысяч памятников археологии.

Тем не менее, история археологических исследований в Астраханском крае довольно богатая. Она связана с именами астраханского губернатора В.Н.Татищева, академика Самуила Георга Гмелина. В созданном в 1872 году Петровском обществе исследователей Астраханского края археологическими исследованиями занимаются П.А.Русаков, А.А.Синицин, И.А.Житецкий. В 20-30 годах XX века в Нижнем Поволжье работают Ф.П.Рыков, И.В.Синицын.

Широкомасштабные работы начинаются в Нижнем Поволжье только после войны. В середине 50-х гг. проводились регулярные разведки экспедицией Астраханского краеведческого музея, возглавляемой его директором В.А. Филипченко. Ленинградскими учеными Белецким В.Д. в 1956-1958 годах составляется карта археологических памятников различных эпох на территории Астраханского края; Мелентьевым А.Н. в 1967-69 и 1972 годах в Северном Прикаспии собран обширный материал, охватывающий огромный хронологический период от эпохи мезолита до средневековья. В 1960-х гг. многолетние раскопки курганов в Черноярском и Енотаевском районах производила экспедиция под руководством директора Ленинградского отделения Института археологии АН СССР В.П. Шилова. С1966 года начинаются исследования Сарая-Бату (Селитренного городища) Поволжской Археологической Экспедицией, основанной в 1959 году Смирновым А.П. и Федоровым-Давыдовым Г.А.

В 70-80-е гг. работала археологическая экспедиция Астраханского педагогического института под руководством Е.В.Шнайдштейн, открывшая ряд памятников в различных районах области: средневековое городище на окраине Астрахани (Мошаик), Ахтубинский могильник, Успенский могильник, поселение Тумак-Тюбе, комплекс обжигательных горнов на бугре Кан-Тюбе, Красноярское городище. Хронологический диапазон памятников довольно широк: от эпохи бронзы до позднего средневековья.

С начала 80-х годов в Астраханской области начали работу экспедиция Куйбышевского педагогического института под руководством И.Б. Васильева. Их работы в песчаных массивах левобережья Волги позволили выявить в ныне пустынной зоне до сотни памятников мезолита, неолита, бронзы.

С середины 80-х годов в окрестностях поселка Аксарайский начала работу экспедиция Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника под руководством В.В.Плахова. В 1987 году был исследован мавзолей X1У века и могильник у поселка “Комсомольский”. На территории самого поселка исследовались остатки крупного золотоордынского города Орду-Муаззам (городище Ахтубинское).

Памятники археологии, известные в настоящее время в Астраханской области, охватывают огромный хронологический период. Если о времени заселения Европейской или Азиатской территории имеются самые противоречивые данные, то время заселения Астраханского края известно довольно точно: оно произошло после завершения позднехвалынской трансгрессии с наступлением мангышлакской регрессии Каспия. С этого времени, т.е. 11500 лет назад, начинается континентальное развитие территории североприкаспийской низменности и заселение ее первобытными мезолитическими племенами.

В настоящее время, благодаря работам археологической экспедиции Куйбышевского государственного педагогического института, для эпохи мезолита-неолита известно около сотни памятников, четыре из которых имеют сохранившийся культурный слой. Среди памятников с подъемным материалом выделяются «условно закрытые»: Же-Калган II, Каир-Шак V, Жол-тюбе и др. Анализ материальной культуры памятников мезолита позволяет выделить для этого периода две самостоятельных культуры – жекалганскую и истайскую, которые входят в северо-прикаспийскую культурную область, названную в свое время Мелентьевым А.Н. сероглазовской культурой. Жекалганская и истайская культуры мезолита становятся субстратом для сложения единой неолитической культуры Северного Прикаспия. Выявленная ситуация явилась исходной точкой для разрешения проблем стоящих перед первобытной археологией края. Какие племена играли ведущую роль в освоении прикаспийского региона – кавказские, европейские или азиатские; насколько интенсивно происходил процесс культурного смешения; в каком направлении перемещались первобытные племена с прикаспийской низменности в периоды неоднократных экологических катастроф; всегда ли именно изменение природно-климатических условий было причиной миграций. Чтобы получить ответы на эти вопросы, необходимо продолжить исследование этой территории в ближайшем будущем, т.к. районы расположения первобытных памятников совпадают с районами освоения новых нефтяных и газовых месторождений, а, следовательно, ставят их под реальную угрозу уничтожения.

Для эпохи неолита на территории Астраханского края известна только одна каиршакская археологическая культура представленная рядом памятников, располагающихся на юго-востоке области, которая сменяется хвалынской энеолитической культурой, пришедшей с Устюрта (памятники Комбак-Тэ, Тентек-Сор). Как свидетельствуют результаты археологических исследований сопредельных территорий, процесс развития неолитических и энеолитических культур здесь идет довольно интенсивно. Поэтому, можно предположить, что исследования северо-западной и северной части области на предмет обнаружения неолитических и энеолитических памятников может дать интересные результаты.

События эпохи бронзы могут быть реконструированы по таким памятникам как курганные группы на Кривой Луке и курганная группа «Соленое займище» (Черноярский район), Маячный бугор (Красноярский район), бугор «Дачный» в Икрянинском районе, бугор «Сасыкколь-Тобе» в Приволжском районе и др.

Памятники эпохи бронзы в своем большинстве принадлежат носителям срубной культуры, которая часто отождествляется с племенами ариев. Более редко, но, тем не менее, также встречаются в пределах Астраханского края памятники ямной, катакомбной и полтавкинской культур эпохи бронзы и энеолита. Не смотря на довольно богатый материал, имеющийся для этих периодов, он до сих пор не получил достойного освещения в научной литературе. Пока мы имеем только отдельные публикации в виде полевых отчетов, хотя никто не сомневается в его значимости для решения хотя бы небезызвестной арийской проблемы. Каким бы путем не двигались эти народы, они не могли обойти территории Северного Прикаспия – естественной зоны контакта азиатского и европейского мира. Тщательный анализ материальной культуры срубников и других культур позволит более обосновано говорить о причастности населения Нижней Волги к знаменательным для истории всего человечества событиям, уточнить время и направление движения арийских племен.

Железный век знаменуется распространением савроматских памятников, представленных преимущественно могильниками: Кривая Лука, у пос. Комсомольский, грунтовый могильник у с. Косика в Енотаевском районе. Роль савроматов в событиях 7-4 вв. до н.э. на Нижней Волге до настоящего времени не совсем понятна. Не смотря на то, что для этого времени уже имеются письменные источники, например, свидетельства греческого историка Геродота, который делит скифов на несколько групп, говорить о четкой принадлежности археологических памятников носителям отдельных племен не представляется возможным. Материальная культура племен скифо-сарматского мира имеет так мало отличительных признаков, что очень трудно по археологическим источникам решить вопрос о том, единичные племена обитали на территории нашего края или все население было савроматским. Бесспорно только, что именно междуречье Волги и Дона служило границей между европейским и азиатским скифским миром. Памятники, располагающиеся западнее и восточнее Северного Прикаспия, при всем своем единстве отличаются по таким элементам материальной культуры как украшения, оружие, предметы конской упряжи. Именно с этими племенами связаны мифы античных авторов об амазонках, которые именно так понимали роль женщин в скифском обществе.

Ираноязычные кочевники – сарматы (4 в. до н.э. – 4 в. н. э.) оставили заметный след в истории нашей страны. Они подчинили огромную территорию от Урала до Дуная, превратившись на многие столетия в ведущую политическую силу и вплоть до появления в Северном Причерноморье готов в середине Ш века, безраздельно господствовали в евразийских степях. Сарматский этнический компонент принял участие в формировании ряда народностей Северного Кавказа, Восточной Европы, Средней Азии. Поэтому при изучении этнокультурных процессов в отмеченных регионах невозможно обойти историю сармат, их роль в различных исторических событиях. С выделением Азиатской Сарматии в ее состав входят левобережье Нижнего и Среднего Дона, Нижнее и частью Среднее Поволжье, Западный Казахстан и Южное Приуралье. С Ш века до нашей эры Нижнее Поволжье начинает играть особую роль в истории сарматов. Здесь сосредотачивается значительная часть сарматских курганных могильников. Поиск сарматских поселений практически не дал никаких результатов. Эта ситуация привела к появлению теории о том, что в сарматском мире Нижняя Волга превратилась в особый культовый регион - «Страну мёртвых». В настоящее время на территории Астраханского края известны такие курганные и грунтовые могильники как Маячный бугор, Косика, Кривая Лука, курганный могильник «Успенский», могильник у пос. Комсомольский, Лбище. Соответствует ли действительности предположение о «стране мертвых»? На этот вопрос, да и на многие другие, можно будет ответить только после тщательных археологических исследований песчаных массивов на левобережье Ахтубы. Здесь, на песчаных выдувах, можно встретить разрушенные участки культурного слоя, содержащие остатки материальной культуры сарматских и савроматских племен. К сожалению, и этот материал плохо известен в науке.

Скопление значительных масс сарматов на Нижней Волге, как считает А.С.Скрипкин, привело к тому, что этот «регион стал своеобразным генератором сарматской экспансии. Здесь формировались многие племенные союзы, которые потом направлялись на юго-запад в Предкавказье или в Среднюю Азию». Поздние сарматы известны уже как аланы. Образование аланской конфедерации имеет непосредственную связь с процессом зарождения государственности на этой территории.

Гунны оставили едва различимый след своего присутствия в Северном Прикаспии. Археологических памятников, содержащих материальную культуру этих племен очень мало. Вероятнее всего, они прошли территорию Нижней Волги очень быстро, лет за 20 (первая половина – середина 4 в. н.э.). Один из бесспорных памятников этого времени - погребение на бугре «Лисий» в Приволжском районе, обнаруженное в 1994 году. Второе было обнаружено на Хошеутовском грунтовом могильнике В.В. Дворниченко в 2000 году. Возможно, что

выделение собственно гуннских памятников затрудняется из-за их стремительного прохождения через Нижнее Поволжье.

Одно из крупнейших государственных объединений – Хазарский Каганат отождествляют с салтово-маяцкой археологической культурой. Она занимает значительный регион, частью которого было и Нижнее Поволжье. Пока в качестве отличительной черты этой культуры в нашем регионе можно назвать ее полную неизученность. Тем не менее, такие памятники как курганные группы «Кривая Лука», «Косика», «Солёное Займище», грунтовый могильник «Лбище» в Володарском районе, а также керамика, которая встречается в переотложенном состоянии в песках на левобережье Ахтубы, свидетельствуют о широком распространении памятников хазарской эпохи в Северном Прикаспии. Более того, как свидетельствуют письменные источники, именно в дельте Волги располагалась и столица Хазарского городища - легендарный Итиль. Исследование хазарских памятников позволит решить и проблему выделения компонента оседлого населения в нижневолжском варианте хазарской культуры и его роли в ее развитии.

За последние десять лет астраханскими археологами накоплен значительный материал, который либо прямо датируется раннесредневековым периодом, либо несёт на себе отпечаток материальной культуры, более древней, чем золотоордынская, связанный с такими племенами как печенеги, торки, половцы. Это, прежде всего, могильник "Маячный бугор", являющийся городским некрополем золотоордынского Красноярского городища. На северной и северо-восточной периферии могильника была выявлена группа погребений, датировавшихся по монетам концом XIII – первой половиной XIV века и отличавшихся специфическими чертами (южная и восточная, реже - северная ориентировка погребённых, практически полное отсутствие оружия, сбруи, наличие семян культурных растений и т.д.). Очень нехарактерно для золотоордынских захоронений наличие в составе сопровождающего инвентаря кожаных ремней с поясными наборами, а также захоронения в сосудах кальцинированных человеческих костей или засыпки их в захоронения с трупоположениями.

Поскольку общий антураж вещевого материала имел половецкий облик, то можно предположить, что часть кыпчакско-половецкого населения городища, осевшая на землю, сохраняла свои погребальные традиции, сопротивляясь влиянию ислама, в течение долгого времени.

С накоплением археологического материала с данного могильника и постепенным осмыслением проблемы исламизации Орды становилось всё более понятно, что население, оставившее погребения с южной и восточной ориентировкой, должно было иметь серьёзную основу для сопротивления насильственной исламизации во времена ханов Узбека и Джанибека, ведь наиболее быстро этот процесс прошёл именно в городах, где он зачастую принимал черты экономической дискриминации по отношению к горожанам - немусульманам.

В этом же могильнике было выявлено чисто кочевническое кыпчакское захоронение, которое датируется XII-XIII вв. и показывает, что в описываемый период в окрестностях Красноярского городища сосуществовали два типа погребального обряда. Таким образом, можно предположить наличие в составе населения золотоордынского Красноярского городища компактной группы людей, обладающей достаточно давними традициями оседлости, продолжающимися ещё с домонгольского времени и связанных друг с другом узами этнического родства, которое консервировало старинные обычаи и не давало распространиться исламу в данной локальной группе населения.

Захоронения с южной ориентировкой, обнаруженные на могильнике "Маячный бугор", позволили по-новому взглянуть на проблему Саксина. Предположение Г.А. Фёдорова-Давыдова о том, что Саксин – это не только город, но и целая область, населённая единой этнокультурной общностью нашла еще одно подтверждение, поскольку материальная культура указанной группы населения имеет следы влияния салтово-маяцкой культуры, что выделяет её из кыпчакско-половецкого кочевого окружения.

Ещё один памятник - городище Мошаик, расположенное на юго-восточной окраине Астрахани, дал интересный материал. Керамика, обнаруженная на Мошаике, очень часто встречается на памятниках X века в Северном Хорезме, огромное количество аналогичной керамики обнаружено в Саркеле. В Астраханской области подобные находки известны на Самосдельском городище. В результате исследования могильника городища Мошаик, располагавшегося на останце бэровского бугра, обнаружено три погребения, которые по вещевому набору можно отнести к X – XII вв. Об этнической идентификации говорить пока рано, ясно только, что данные захоронения связаны с населением, имевшим корни в салтово-маяцкой культуре и в эпохе позднего Хазарского каганата. Керамический материал, собранный с поверхности и из раскопов Самосдельского городища, расположенного в самом центре дельты Волги, дает возможность датировать его IX – XII веком. Он находит аналогии среди материалов многих памятников эпохи позднего Хазарского каганата – Саркела - Белой Вежи, Маяцкого археологического комплекса, Муромского городка, Булгара, Биляра, Андрейаульского городища и многих других.

Таким образом, три памятника (могильник "Маячный бугор", городища Самосдельское и Мошаик) объединены принадлежностью носителям одной культуры, а именно – домонгольскому населению низовий Волги, которое может быть отождествлено с саксинами. Это подтверждает существующее в историографии выделение компонентов, из которых складывалась культура саксин – остатки хазар, аланы, булгары и гузы, а также констатировать на материалах Маячного бугра, что в XI-XII вв. к ним добавился половецко-кыпчакский элемент. Причём, на поселении Мошаик и на Самосдельском городище мы видим начало сложения культуры саксин и её расцвет, а на могильнике "Маячный бугор" прослеживается процесс растворения самобытной культуры саксин в мусульманизированной культуре золотоордынского города.

Печенежские захоронения известны на грунтовом могильнике на бугре «Лбище», 3 погребения известны из курганной группы «Косика», отдельные захоронения встречаются в песках.

Половецкие и кыпчакские захоронения встречаются практически во всех курганных группах Нижнего Поволжья. Причем, на левом берегу Волги преобладало кыпчакское население, что отразилось и в топонимике региона - степь «Дешт-и-Кыпчак», на правом – половецкое - (Дикое поле половецкое).

В эпоху Золотой Орды Нижнее Поволжье очень быстро становится одним из самых урбанизированных районов. Он превращается в столичный регион, личный ханский домен. По мнению Егорова В.Л. здесь образуется зона сплошной оседлости. Города левобережья Ахтубы располагаются через каждые 30-40 км (дневной переход каравана) – на караванном пути из Средней Азии и Хорезма вверх по Волге и на запад, к Чёрному морю. В дельте – «Чёртово городище» в Икрянинском районе, Самосдельское городище в Камызякском районе. Поселения Хан-Тюбе и Тумак-Тюбе в Приволжском районе становятся крупными ремесленными центрами. На северо-восточной окраине дельты возникает город, настоящее название которого до сих пор не известно, для археологов оно существует как Красноярское городище, т.к. располагается на территории райцентра Красный Яр. К северу от него, через 40 км вырастает городище Ахтубинское у поселка Комсомольский, ещё через 10 км – поселение Лапас, где располагаются ханские усыпальницы-мавзолеи и собственно городище. Ещё через 40 км уже означенное Селитренное городище, столица Золотой Орды. Севернее него территория практически не исследована, кроме небольшого поселения и могильника «301-й км». В пойме Волги на севере области известно поселение «Шишка», которое совершенно не исследовалось археологами.

На северной окраине Дельты располагаются городище Хаджи-Тархан (старая Астрахань) и поселение Мошаик.. На правом берегу Волги возвышаются остатки совершенно неизученного городища Енотаевского, занимающего территорию напротив Селитренного

городища. Многочисленные могильники вокруг этих городищ, а также курганные группы свидетельствуют о довольно плотной заселенности района. Наиболее плотно заселены были левобережье Ахтубы и дельта. Приоритетные памятники, которые нуждаются в скорейшем изучении - Хаджи-Тархан, бугор «Маячный», пос. Мошаик, «Чёртово городище», городище у пос. Комсомольский, мавзолеи и городище у пос. Лапас, Селитренное городище, Самосдельское городище. Исследования могут вестись по нескольким направлениям: 1 - исследование памятников, расположенных на караванной дороге между главными городскими центрами Орды, как части Великого Шелкового пути; 2 – изучение процессов взаимодействия кочевого и оседлого миров; 3 – изучение собственно городской культуры Золотой Орды, а именно дельтового ее варианта, который возникает на основе культуры доордынского времени (Мошаик, Самосдельское городище, Красный Яр).

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В ДРЕВНОСТИ

Ремизов С.О. (Волгоград)

НОВАЯ СТОЯНКА КАМЕННОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Местонахождение Фроловское было обнаружено краеведом-любителем Е. Н. Хюппененом в начале 80-х годов XX века. Оно находится в одиннадцати километрах к юго-западу от г. Фролово и в 125 км к северо-западу от Волгограда. Стоянка расположена на крутой излучине левого берега балки Паника, примерно в 25 км от левого берега Дона.

2. В русле балки имеются выходы лапушинской свиты верхнего карбона, содержащей трещиноватый, с включениями окаменелостей, однородный по цвету кремень. Форма желваков уплощенная. Подобные желваки служили древним людям сырьем для изготовления орудий. В качестве примера можно привести местонахождение Шлях, находящееся в 10,5 км ниже по руслу балки Паника. Возраст его 46 тысяч лет.

3. Балка Паника представляет собой пересохшее русло левого притока балки Паницкой, наполняющееся водой во время таяния снега весной или после сильных дождей. Местонахождение Фроловское находится на левом, ориентированном на север, берегу балки. Находки встречаются на поверхности и в современной (голоценовой) почве: в почвенном горизонте А, единичные - в горизонте В.

4. Коллекция находок, хранящаяся в краеведческом музее г. Фролово, состоит из 172 предметов. Сырьем в большинстве служил местный светло-серый, темно-серый и коричневатый плитчатый кремень. Два предмета изготовлены из серого тонкозернистого кварцита, происходящего из балочного аллювия, подстилающего четвертичные отложения и перекрывающего карбоновые глины и находящиеся под ними известняки.

5. Среди находок 22 орудия (скребло, скребки, резец, проколки, фрагмент двустороннеобработанного орудия, отщепы с ретушью), 1 нуклеус. Остальное - сколы, нуклевидные, осколки и обломки.

6. Судя по типологии имеющегося набора, орудий возраст местонахождения не может быть древнее верхнего палеолита. Однако условия залегания артефактов - в голценовой почве и на ее поверхности – свидетельствуют о более позднем, чем верхний палеолит, времени.

7. Памятники эпохи мезолита на территории Волгоградской области на сегодняшний день практически неизвестны (за редким исключением). Характерные особенности каменного инвентаря этих памятников - наличие пластинчатых форм, среди отщепов много широких и плоских экземпляров.

8. Неолит в Волгоградской области представлен гораздо большим числом памятников. Общими признаками для них являются геометрические микролиты, микролитические орудия, лепная керамика с примесью толченой ракушки в тесте.

9. При сравнении каменного инвентаря Фроловского местонахождения с коллекциями местонахождений эпох мезолита и неолита, хранящихся в фондах ИИМК РАН (Кременская, Ютаевка), Волгоградского областного краеведческого музея (Пятиморская, Приморская) можно в качестве предположения возраст нового местонахождения определить как мезолитический. Однако более точное определение будет возможно только после проведения раскопок и комплексного изучения памятника.

Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев,
Ю. Е. Мусатов (Санкт-Петербург)

НОВЫЕ ПОИСКИ ПАЛЕОЛИТА В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1998-2000 гг. Среднедонская палеолитическая экспедиция возобновила поиски палеолита в Волгоградской обл., прерванные в 1991 г. Тогда было обследовано правобережье Дона у станиц Новогригорьевской и Кременской и обнаружена верхнепалеолитическая стоянка и местонахождение каменных изделий неясного возраста.

Как и прежде, работы носили кратковременный характер и проводились в том же районе. Экспедиция провела обследование как обнажений террас Дона от хут. Мелологовского (Клетский р-н) до хут. Яблонского (Иловлинский р-н), так и ряда логов, балок и оврагов, выходящих в пойму, на протяжении, в некоторых случаях, до 10 км. Особое внимание в ходе поисков обращалось на наличие выходов кремня.

Долина Дона в исследуемом районе имеет четкое дисимметричное строение (поперечный профиль): правый берег — крутой и обрывистый, левый — широкий и пологий. Чётко выражены 2 пойменные и 3 надпойменные террасы.

Ширина низкой поймы достигает 3-х км, относительная высота — 4-6 м. Высокая пойма развита прерывистыми участками. Первая надпойменная терраса шириной 1-1,5 км хорошо выражена, с чётким уступом, с относительной высотой 10-12 м. Возраст ее устанавливается как мологошекснинско-осташковский. Вторая надпойменная терраса развита не повсеместно, выражена нечетко, является, как и первая надпойменная терраса, аккумулятивной, высота ее над урезом воды составляет 18-20 м, возраст — микулинско-калининский. Третья надпойменная терраса также плохо выражена, поверхность ее переработана эоловыми процессами, абсолютные высоты составляют 80-100 м, возраст среднечетвертичный, московский. Четвёртая надпойменная терраса среднечетвертичного, одинцовско-московского, возраста расположена на абсолютных отметках 110-130 м. Поверхность ее представляет собой современные водораздельные склоны и перекрыта толщей "покровных суглинков".

Обследованный район приурочен к сводовой части Арчединско-Донского вала, расположенного в пределах Доно-Медведицкого мегавала. Арчединско-Донской вал имеет меридиональное простирание размерами 200 км по длинной оси и 30 км — по короткой. Он четко фиксируется выходами на поверхность современного денудационного среза отложений верхнего карбона, а также рядом геоморфологических признаков, характерных для положительных структур. В его пределах отмечается большое количество локальных поднятий, четко фиксирующихся сокращенными мощностями неоген-четвертичных отложений.

Видимый разрез коренных пород района работ относится к среднему и верхнему отделам каменноугольной системы. Выходы отложений данного возраста известны на правобережье Дона между станицами Сиротинской на востоке и Перекопской на западе, в районе станиц Кременской и Новогригорьевской, то есть в осевой части Доно-Медведицкого мегавала (Донского купола). К западу и к востоку палеозойские отложения погружаются под мезозойские образования — на размытой кровле карбона залегают породы юрской системы.

Разрез верхнего карбона состоит из трех свит: паникской (C_3pn), представленной кремньсодержащими тонкослоистыми известняками, шляховской (C_3shl) — переслаивающимися пестроцветными глинами и лапушинской (C_3lp), сложенной раздробленными перекристаллизованными известняками с многочисленными включениями кремней. Все три свиты верхнего карбона вскрываются в многочисленных обнажениях по бортам балки Селезнева на правобережье Дона в 5-6 км южнее станицы Кременской, а также в оврагах, впадающих в нее.

Таким образом, приуроченность территории к осевой части Арчединско-Донского ва-

ла (Донского купола) обуславливает как сокращенные мощности новейших отложений, так и выходы на поверхности современного денудационного среза отложений каменноугольной системы. Поэтому, обследованная территория, имеющая минимальные мощности четвертичных отложений и выходы на поверхность каменноугольных пород, содержащих кремень, является весьма перспективной для поиска палеолитических памятников, в первую очередь типа мастерских. Именно в этом районе можно ожидать существование выходов на поверхность разрушенной лапушинской свиты, сложенной перекристаллизованными интенсивно раздробленными известняками с большим количеством конкреций кремня, извлечённых из этих известняков, и являвшейся оптимальным источником кремнёвого сырья в палеолитическое время.

Однако, несмотря на столь благоприятный геологический прогноз, не удалось найти новых достоверных памятников эпохи палеолита, но были существенно пополнены коллекции с уже известных стоянок.

Селезнёвское местонахождение расположено в 6 км к югу от станицы Кременской в верховьях балки Селезнева на ее правом берегу. Подъемный материал в своем подавляющем большинстве приурочен не к склону борта балки, выбитому скотом до суглинка, а к верхней горизонтальной поверхности берега в 50 м выше пруда. Общая площадь распространения находок — примерно 120 х 30 м вдоль русла (относительная высота около 10 м). Обнаружено два новых пункта местонахождения: на противоположном берегу балки, также на поверхности, а не на склоне, и на правом борту оврага, впадающего в балку слева, в 100-150 м от места его впадения.

Коллекция пополнена 769 предметами (в 1990-91 гг. было найдено только 107 кремней), в том числе: изделий со вторичной обработкой — 43, нуклеусов и нуклевидных изделий — 44, сколов без ретуши — 437, трудноопределимых обломков и осколков — 162, чешуек и мелких (менее 1 см) обломков — 82, галька-отбойник — 1. В качестве сырья использовался главным образом кремень (95% всех находок) и в значительно меньшей степени кварцит (5%). Источником кремня служила лапушинская свита верхнего карбона, прорезанная в этих местах балкой и оврагом. Кварцит в виде галек изредка встречается в русле балки.

Изделия со вторичной обработкой включают семь скребков, в том числе один двойной, три скребла (два двойных и одно поперечное зубчатое), шесть заготовок бифасиальных орудий, представленных четырьмя целыми экземплярами и двумя обломками, два выемчатых изделия (выемки оформлены ретушью), двадцать четыре отщепа и обломка с ретушью и одну ретушированную пластину. Все орудия, за исключением двух отщепов с ретушью, из кремня.

Нуклеусы представлены в основном обломками, а также пробными или, наоборот, сильно сработанными изделиями. Кроме того, в коллекции имеются выразительные призматические ядрища, ядрища близкие к торцово-клиновидным и нуклеусы параллельного скалывания для пластин с выпуклым фронтом. Лишь один нуклеус кварцитовый, остальные кремневые.

Среди неретушированных сколов доминируют отщепы: их 417, в том числе 397 кремневых и 19 кварцитовых. Пластин и пластинок всего 20, причем среди них лишь одна кварцитовая, и представлены они почти исключительно фрагментами. Особняком стоит кремневый реберчатый скол, послуживший для инициирования процесса снятия пластин со специально подготовленного нуклеуса.

Как количественный состав и характер материала, так и приуроченность памятника к выходам сырья, указывают на то, что местонахождение использовалось, прежде всего, как мастерская. Именно этим можно объяснить тот факт, что, несмотря на довольно большое общее количество находок, выразительные орудия среди них единичны, а бифасиальные формы представлены лишь заготовками и не встречены в завершенном виде. Такому выводу о характере памятника соответствует и преобладание среди продуктов раскалывания техни-

ческих сколов, обломков и осколков.

Новые материалы позволяют уточнить возраст местонахождения. Судя по облику бифасиальных изделий, а также двух скребков на тонких параллельно ограненных пластинках и присутствию фрагментов отжимных пластинок, он должен быть определен как послепалеолитический (ранее допускался и верхнепалеолитический возраст). Более точная оценка в настоящее время вряд ли возможна, хотя отсутствие на местонахождении неолитической керамики указывает на то, что не исключена принадлежность памятника к мезолиту. Следует отметить, что до сих пор мезолитические памятники на правобережье Дона Волгоградской обл. не были известны.

Новогригорьевская верхнепалеолитическая стоянка находится у северной окраины ст. Новогригорьевской и расположена на первой надпойменной террасе Дона, изрезанной по кромке небольшими овражками. Поверхность террасы почти горизонтальная, со слабым повышением к водоразделу. Терраса выходит к широкой низкой пойме Дона. Других террасовых уровней не прослеживается. Примечательно нестандартное расположение стоянки — обычной в таких случаях приуроченности к мысу, логу, крутому склону или выходам сырья не наблюдается. В настоящее время стоянка прорезается небольшим оврагом и, возможно, значительная её часть уже уничтожена.

На памятнике было заложено две зачистки и собран подъёмный материал, что существенно пополнило коллекцию орудиями, ранее представленными типологически невыразительными образцами.

Культурный слой мощностью 15-20 см залегает на глубине 1,3-1,4 м от современной поверхности в светло-коричневом пылеватом суглинке, совершенно не содержащим обломочного материала. Поскольку других уровней залегания культурных остатков не найдено, подъёмный материал представляет собой единый комплекс с материалами из зачисток. Культурный слой по цвету не выделяется: золы, охры, угольков, костей, и т.п. не обнаружено. Каменные изделия залегают с разными углами наклона, часто вертикально, иногда встречаются скоплениями; найдено много чешуек и мельчайших осколков. Материал хорошей сохранности, только небольшое количество предметов из кварцита покрыто лёгкой белой патиной на одной из сторон; кремнёвые изделия не патинизированы. Можно сделать вывод, что первичное залегание культурного слоя нарушено естественными процессами, но в целом слой не переотложен.

Новая коллекция включает 858 предметов (ранее найдено 2195 шт., однако, из них 1596 чешуек). Большая часть материала — 518 вещей — происходит из зачистки 3, зачистка 4 дала 128 находок, и еще 212 каменных изделий были обнаружены в ходе сборов подъемного материала. В среднем материал более крупных размеров по сравнению с найденным ранее, содержит меньше чешуек и больше орудий, т.е. прослеживается явная локальная неоднородность распределения, что свидетельствует в пользу непереотложенности находок. Представлены два вида сырья: кварцит светло-серого, иногда розоватого и желтоватого оттенков (709 предметов или 82,6% всех находок) и кремень неоднородного серого цвета (149 предметов или 17,4%). В ходе работ так и не удалось установить источник сырья. Обследование соседних балок, логов и оврагов показало наличие изредка встречающихся кусков кварцита, причём, наиболее часто в овраге Ранском расположенном в 5 км от стоянки ниже по течению Дона.

Состав коллекции следующий: орудия — 30 (26/4: в числителе — кварцит, в знаменателе — кремень), нуклеусы и нуклевидные — 4 (1/3), пластины — 100 (92/8), резцовые сколы — 4 (3/1), отщепы и осколки — 274 (225/49), мелкие отщепы, чешуйки и осколки — 395 (312/83), куски и обломки без видимых следов обработки — 51 (50/1). Последняя категория предметов также включена в состав коллекции, поскольку суглинок, вмещающий каменные изделия не содержит никакого обломочного материала, т.е. все каменные предметы являются следствием человеческой деятельности, к тому же следы искусственного раскалывания зна-

чительно менее выражены на кварците по сравнению с кремнем.

Среди изделий со вторичной обработкой наиболее многочисленны резцы — их 12. Еще в одном случае резец представлен на комбинированном орудии (скребок-резец). Преобладают ретушные резцы (7), есть также угловые (3), срединный (1) и плоский (1). Скребков 3, а еще 2 орудия можно назвать скребковидными. Рабочий край одного из скребков оформлен брюшковой ретушью. Последний прием вообще, видимо, характерен для индустрии Новогригорьевки, поскольку он использован также для оформления всех пластин с ретушью (их 3, и они не включены в общее число пластин), и проколок (2). Кроме названных форм, в коллекции также есть два отщепа с ретушью.

Ядрища единичны. Нуклеусов в собственном смысле лишь 2, оба они кремневые, оба были найдены на поверхности и могут быть определены как подпризматические. Один из них одноплощадочный, второй имеет две противолежащих площадки, а поверхность скалывания захватывает торец.

Пластины, хотя и многочисленны, но представлены преимущественно обломками. Целых пластин лишь 5 (3/2). Интересно, что среди обломков пластин более половины составляют медиальные фрагменты. На одном из кремневых проксимальных фрагментов четко фиксируется пришлифовка края площадки.

Условия залегания археологического материала в суглинке первой террасы Дона, типология орудий и характер технических приёмов снятия сколов-заготовок чётко указывают на верхнепалеолитический возраст стоянки.

Культурная принадлежность памятника пока не определена, поскольку даже типологически выразительные орудия, в целом, достаточно обычны для стоянок верхнего палеолита. Однако стоянка интересна сама по себе уже тем, что хоть немного закрывает огромный территориальный пробел в изучении палеолита конца верхнего плейстоцена: ближайшие стоянки той же эпохи известны в 300-400 км выше по течению Дона (Костёнковская группа) или примерно столько же ниже и/или южнее (памятники Цимлянского водохранилища и Ростовской обл.).

П. Е. Нехорошев, Л. Б. Вишняцкий, В. В. Герник,
Ю. Е. Мусатов, Т. В. Сапелко (Санкт-Петербург)

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ШЛЯХ

Памятник Шлях открыт в 1988 г. краеведом-любителем В. И. Куфенко (г. Волжский Волгоградской обл.). Его обнаружению способствовали вскрышные карьерные работы, которые, однако, уничтожили значительную часть памятника. Стоянка находится во Фроловском районе Волгоградской области в 112 км к северу от Волгограда. Расположена на крутой излучине левого берега балки Паники в 2,5 км выше по руслу от хутора Шляховского и примерно в 14 км от Дона.

В 1990-91 гг. Среднедонская палеолитическая экспедиция ИИМК РАН провела полевые исследования на стоянке. В результате работ было установлено, что кремнёвые изделия встречаются по южной, западной и северной стенкам карьера на протяжении более 320 м и залегают в различных литологических слоях. Всего было описано 12 слоёв, в восьми из которых был обнаружен каменный материал (около 4 тыс. предметов). Кроме того, на поверхности памятника были собраны кремнёвые изделия, происходящие с неолитической стоянки, располагавшейся выше по склону и практически полностью уничтоженной карьером.

Основная коллекция каменных изделий (2182 шт.), а также редкие фаунистические остатки, принадлежащие крупному бизону (определение А. К. Каспарова, ИИМК РАН), была

получена из слоя 8, залегающего под погребенной почвой на глубине 3-4 м. Состав коллекции указывает на характер памятника — стоянка-мастерская на выходах сырья.

В целом технологию первичного расщепления камня индустрии данного слоя можно охарактеризовать как своеобразную технологию, направленную на получение леваллуазских пластин с торцово-клиновидных нуклеусов. Технологическая схема во многом сходна с верхнепалеолитической технологией получения пластин с клиновидных нуклеусов, но техника скола оставалась среднепалеолитической. В типологическом наборе орудий нет ни одной типично верхнепалеолитической формы. Отличительными чертами данной индустрии можно считать технологию получения леваллуазских пластин с торцово-клиновидных нуклеусов и комплекс орудий, характерными составляющими которого являются остроконечники, ножи, мустьерские скребки и резцы, тронкированные сколы, "протокостенковские ножи", скребла с ядрищным утончением спинки ("костенковская подтеска"), которое применялось и при изготовлении остроконечников и ножей с естественным обушком ("костенковская подтеска" на 17% орудий на сколах).

На основании анализа каменного инвентаря был сделан вывод о том, что индустрия 8-го слоя является финально среднепалеолитической, переходной к верхнему палеолиту, т. е. ***впервые*** *на Русской равнине обнаружен памятник с технологией первичного расщепления камня переходного типа*.

После длительного перерыва изучение памятника было продолжено в 1998-2000 гг. при финансовой поддержке фонда Лики (Leakey Foundation, USA — 1998-99 гг.) и РГНФ (проект 00-01-18041е — 2000 г.). Поскольку в прошлые годы не удалось провести естественнонаучных исследований, новые работы были в первую очередь направлены на определение возраста и условий залегания слоёв, содержащих культурные остатки. В результате удалось изучить геоморфологию, геологию и стратиграфию стоянки (Ю. Е. Мусатов), выполнить радиоуглеродное датирование слоя 8 (P). B. Pettitt, Оксфорд), провести палеомагнитный (В. В. Герник) и палинологический анализы (Т. В. Сапелко), пополнить коллекцию археологическими материалами.

Радиоуглеродное датирование определило возраст 8-го слоя: OxA-8306 — 46300±3100 и OxA-8307 — 45700±3000 л.н. (по кости, некалиброванные) и подтвердило предположение о возрасте индустрии, высказанное ранее (в основном, на основании технологического анализа).

Орографически район памятника Шлях расположен в пределах Окско-Донской равнины. Поверхность равнины в районе стоянки сложена элювиально-делювиальными покровными суглинками четвертичного возраста, южнее — ергенинскими песками плиоценового возраста.

В районе стоянки балка Паника врезана в денудационную плиоценовую поверхность или в плохо выраженную четвёртую надпойменную террасу Дона (110-130 м). Непосредственно у памятника устанавливается первая надпойменная терраса балки на относительных отметках 3-5 м над её тальвегом. Современная поверхность стоянки расположена в 7-8 м над первой надпойменной террасой. Возраст заложения балки не древнее самого конца московского времени или относится к позднему плейстоцену — к микулинскому или калининскому времени.

Видимый разрез коренных пород района памятника относится к верхнему отделу каменноугольной системы и состоит из трех свит: паникской (C_3pn) — тонкослоистые известняки, шляховской (C_3shl) — переслаивающиеся пестроцветные глины и лапушинской (C_3lp) — перекристаллизованные интенсивно раздробленные известняки с большим количеством конкреций кремней.

Район стоянки Шлях находится в юго-восточной части древней материковой платформы — Русской плиты. Район хут. Шляховского приурочен к сводовой части Арчединско-Донского вала, который четко фиксируется выходами на поверхность современного денуда-

ционного среза отложений верхнего карбона. Приуроченность территории к осевой части этого вала обуславливает как сокращенные мощности новейших отложений, так и выходы на поверхности современного денудационного среза отложений каменноугольной системы. Вся территория вала является весьма перспективной для поиска палеолитических памятников, в первую очередь типа мастерских. Именно в этом районе можно ожидать существование и других (помимо расположенных у хут. Шляховского) выходов на поверхность разрушенной лапушинской свиты, кремни которой и являлись оптимальным источником сырья в палеолитическое время.

Непосредственно в районе стоянки все четвертичные образования залегают на каменноугольных породах. На основании 20 зачисток по стенкам карьера, четырём раскопам и двум шурфам составлен сводный разрез четвертичных отложений памятника.

Слой 10. Глины шляховской свиты верхнего карбона.

Слой 9. Русловая фация аллювия. Подразделяется на три горизонта 9А, 9В, 9С. Горизонты 9А и 9С представлены валунно-галечно-щебнисто-глыбовым материалом с песчаным заполнителем, прослой 9В — песком с довольно редкими включениями грубообломочного материала. Возраст — микулинско-калининский — синхронен или несколько моложе времени заложения самой балки.

Слой 8 — пойменная фация аллювия (подразделяется на 5 горизонтов: А-Е; продатирован по C^{14} горизонт 8С). Постепенное уменьшение гранулометрического состава вверх по разрезу в пределах слоя, как и уменьшение содержания грубообломочного материала, говорят о постепенном превращении поймы в надпойменную террасу в течение определенного отрезка, скорее всего, калининского времени.

Слой 7 — погребенная почва. Образовался после формирования второй надпойменной террасы (во время образования слоя — еще первой) скорее всего в калининское (но, возможно, и в молого-шекснинское) время.

Слой 6 — горизонтально слоистый суглинок, формировавшийся в относительно спокойных условиях поймы. Время образования — молого-шекснинское (калининское).

Слой 5(горизонты А и В) — неслоистый суглинок. Контакт с вышележащим слоем чрезвычайно неровный, карманообразный — скорее всего полигональное растрескивание грунта, что говорит о достаточно суровых климатических условиях в данную эпоху. Поэтому, слой 5, скорее всего, имеет молого-шекснинский возраст, а вышележащие слои могут оказаться и осташковскими.

Слой 4 (горизонты А-С) представлен уплотненными супесями. Генезис этих образований, перекрывающих аллювий 2-й надпойменной террасы, элювиально-делювиальный.

Слой 3 представлен плотным суглинком и вместе со слоем 4 образует верхнюю, «надаллювиальную», «лессовидную» часть разреза.

Слой 2, состоящий из неслоистого плотного суглинка, являющегося материнской породой для современной почвы — скорее всего, а слой 1 (современная почва) — безусловно, относятся к голоцену.

Археологический материал встречен в слоях 1, 2, 3, 4С, 5В, 6, 7,8(С-Е),9(А-С).

Результаты палеомагнитного анализа (более 400 образцов) уточнили возраст основного археологического слоя (8С). В разрезе стоянки удалось зафиксировать два экскурса. Нижний - на уровне слоёв 8D и 8Е, верхний — 3, 4А, 4В, часть слоя 4С. Поскольку слой 8С имеет по радиоуглероду возраст 46 тыс. лет, то ближайшим к этой дате оказывается экскурс Каргополово (42-44 т.л.), а по местоположению к указанному интервалу ближайшим оказывается второй из выделенных экскурсов. В таком случае *возраст слоя 8С должен быть несколько меньше 42-44 т.л.*, а первый из выделенных экскурсов следует отнести к экскурсу Моно (25-30 т.л.) и датировать этим возрастом соответствующие слои.

На спорово-пыльцевой анализ было изучено 32 образца, отобранных по всему разрезу через 5 см. Выявлено 10 палинозон. Зона 1 (слои 8Е и 8D) — преобладает пыльца древесных

пород: сосны и березы. Зона 2 (слои 8D и 8E) — перигляциальная растительность. Лесообразующей породой является береза, но доминируют в данном спектре травы. Зона 3 (слой 7) — преобладает пыльца сосны. В спектре отмечены пики ели и широколиственных пород. Зона 4 (слой 6) — переходная, с большим количеством пыльцы травянистых, но также и древесных пород (особенно березы и сосны). Зона 5 (слои 6 и 5) — типичный спектр бореальных лесов. Зона 6 (слои 5 и 4C) — спектр представлен в основном пыльцой трав. Зона 7 (слои 4C и 4B) — ведущая роль принадлежит древесным. Зона 8 (слой 4B) — явно тяготеет к предыдущей. Зона 9 (слой 4A) — переходная, однако доминантом является уже пыльца травянистых видов. Зона 10 (слой 3) — показывает травянистый спектр.

К межстадиальному ритму относятся зоны 1, 3 5, 7. Это время формирования бореальных флор с потеплением климата и влажности. Зоны стадиального ритма (2, 6, 10) характеризовались распространением перигляциальной растительности. В основном это лесостепные ландшафты с участием березы и сосны, что указывает в свою очередь на интервалы похолодании климата. Здесь отмечено наибольшее количество рваной пыльцы. Остальные палинозоны имеют переходный характер.

Сопоставляя данный разрез с зональными типами, выделяемыми В. П. Гричуком, палинозону 7 (средняя часть слоя 4) можно сравнить с 1 фазой монодоминантных еловых, сосновых и березовых лесов с весьма ограниченным содержанием дуба и липы. Это начало эпохи поздневалдайского оледенения. Следующая палинозона 8 соответствует очередному этапу этой же стадии с развитием луговых сообществ, но без предпосылок развития болотных формаций (3 фаза). Далее зона 9 может соответствовать 4 переходной фазе развития луговых степей с елово-березовыми лесами. А зона 10 соответственно 5-ой фазе комплексной криоксерофильной растительности сочетания степных и тундровых кустарничковых сообществ (криоксеротическая стадия оледенения).

Археологический материал. В ходе новых исследований было заложено 3 раскопа, 2 шурфа и выполнено 6 зачисток стенок карьера.

В раскопе 2 в слое 4C (согласно палеомагнитным данным возраст более 25-30 тыс.л.) удалось обнаружить небольшой участок культурного слоя эпохи верхнего палеолита мощностью до 5 см, залегавшего in situ на контакте со слоем 5. Помимо каменных изделий было расчищено зольно-углистое пятно и пятно ярко жёлтой охры.

В слое найдено 150 находок: зубчатое скребло, отщепы — 37, чешуйки — 176, плитка крупнозернистого песчаника — 1. На многих отщепах чётко фиксируется применение верхнепалеолитической техники скола. 27 отщепов собраны в 3 подборки.

В том же раскопе впервые за несколько лет работы на стоянке удалось получить относительно многочисленный материал из слоя погребённой почвы (слой 7). Всего найдено 106 предметов: орудия — 5, нуклеусы и нуклевидные предметы — 4, сколы — 97, манупорт — 1 (окаменевший коралл). Примечательно продольное скребло с ядрищным утончением. Остальные орудия невыразительны.

Сколы представлены пластинами и фрагментами пластин — 27 экз., отщепами — 60 экз., чешуйками — 15 экз. Нуклевидные (5 экз.) — невыразительны.

Существенно пополнена коллекция слоя 8. Всего найдено 2376 предметов: в раскопе 2 —162, в раскопе 3 — 1874, остальные в зачистках.

В раскопе 3 исследован участок слоя in situ — многочисленны подборки изделий. Как и в 1990-91 гг., в слое обнаружены кусочки охры. В слое зафиксировано несколько крупных валунчиков, которые, по мнению Ю. Е. Мусатова, не могли попасть в него в результате естественных процессов, т. е. являются манупортами. На площади примерно в 2 м^2 расчищено скопление кремней — место работы древнего мастера, в котором найдено несколько нуклеусов и множество сколов (всего 642 шт.).

Состав новой коллекции слоя 8 (суммарно, без разделения на горизонты): орудия — 35, нуклеусы и нуклевидные предметы — 43, сколы — 2298.

Скрёбла — 2 экз.: диагональное и двойное продольное с ядрищным утончением спинки. Ножи — 3 экз. (один с ядрищным утончением спинки). Резец на пластине с плоским резцовым сколом. Проколка с обломанным жалом на пластине. Скребок на естественном отщепе. Массивная пластина с зубчатой ретушью. Сколы с ретушью, мелкими ретушированными и единичными выемками, зубчатые орудия — 26 экз. ("вторичная обработка" часто вызывает сомнение).

Пластины — 46 экз., фрагменты пластин — 190 экз. Пластинки и фрагменты пластинок — 39 экз. Скорее соответствуют чешуйкам и фрагментам чешуек. Реберчатые и полуреберчатые сколы — 40 экз. Отщепы, осколки — 976 экз. Леваллуазских отщепов нет. Чешуйки — 1007 экз.

Нуклеусы — 27 экз. Радиальные — 2, одноплощадочные — 10 (два с боковой подправкой), полюсные — 10, подперекрёстный — 1, двусторонний двуплощадочный продольно-поперечного скалывания — 1, торцовые — 2, бессистемный — 1.

Нуклевидные обломки и пробные "нуклеусы" — 16 экз.

Материал слоя 9 получен, в основном, из раскопа 4 (222 шт.). Всего же из слоя происходит 295 предметов (суммарно, без разделения на горизонты): орудия —17, сколы — 251, нуклеусы — 27. Орудия: угловатое скребло, двойное продольное скребло на тонкой пластине с косоусечённым ретушью концом, проколка на пластине с остриём, клювовидное орудие, отщепы с ретушью — 2 экз., пластины с зубчатой ретушью (?) — 4 экз., отщепы с зубчатой ретушью (?) — 6 экз.

Сколы: леваллуа — 6 экз., пластины и фрагменты пластин — 56 экз., отщепы — 139 экз., «технические» сколы — 5 экз., мелкие отщепы — 43 экз., чешуйки — 2 экз.

Нуклеусы: одноплощадочные — 12 экз., полюсные — 6, подперекрёстный — 1, пренуклеус (?) — 1, фрагменты нуклеусов — 2, пробные «нуклеусы» и нуклевидные обломки — 10 экз.

В остальных слоях найденный материал пока немногочисленен.

Таким образом, новые исследования стоянки Шлях позволили достаточно определённо установить возраст слоя 8 и, тем самым, подтвердить заключение, сделанное на основе анализа каменного инвентаря, а также существенно пополнить коллекцию каменных изделий. Кроме того, заслуживает внимания обнаружение верхнепалеолитического слоя, поскольку данная эпоха практически не изучена в регионе.

Несмотря на небольшое количество, довольно интересен материал слоя 9. Как представляется, в нём чётко выражена технология пластинчатого расщепления. В орудийном наборе нет ни одной двусторонне обработанной формы (как и в слое 8). Последние весьма характерны для среднего палеолита Русской равнины и Крыма и, в частности, для стоянки Сухая Мечётка, расположенной в 100 км к Ю-Ю-В от стоянки Шлях. Вероятно, подтверждается, высказывавшееся ранее предположение, что среднепалеолитические слои памятника представляют иной круг индустрий, пока ещё слабо изученных, отличных от большинства памятников Русской равнины, основанных на пластинчатой технологии первичного расщепления камня, в орудийном наборе которых отсутствуют двусторонне обработанные орудия. Ближайшие аналоги прослеживаются в 500 км к ЮЗ, в Донбассе (Украина) — это стоянки Курдюмовка, Звановка и Белокузьминовка.

Гречкина Т.Ю. (Астрахань)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В АХТУБИНСКОМ РАЙОНЕ АСТРАХАСКОЙ ОБЛАСТИ.

Ахтубинский район Астраханской области в археологическом отношении исследован довольно слабо. К настоящему времени здесь известны отдельные группы памятников, такие

как курганная группа «Степная»; комплекс разновременных памятников «301 километр», состоящий из курганной группы, развалин мавзолея и поселения золотоордынского времени; Успенский смешанный курганно-грунтовой могильник. Названные памятники были открыты и исследованы Е.В.Шнайдштейн[1] в 1981-1985 годах. В 1998 году в этом же районе в ходе разведок отряда лаборатории «Историческое краеведение и археология» АГТУ под руководством Рябичкина Д.В.[2] обнаружены отдельные курганы и отдельные местонахождения разновременной керамики в районе железнодорожных станций Верблюжья и Чернобыльная.

Археологические исследования 1999 года проводились в вышеуказанном районе, протяженность маршрута составила около 70 км. Район исследования размещался на восток от железнодорожного переезда «1329 км», расположенного севернее железнодорожной станции «Чернобыльная». Протяжённость района исследования с севера на юг около 25 км, с запада на восток – 9 км.

Главная цель заключалась в осмотре памятников каменного века, выявленных в результате работ отряда в 1998 году и определения перспективности их исследования, а также выявлении новых памятников, оценке перспективности их разработки и возможности включения их в реестр памятников археологии Астраханской области.

В природном отношении данная территория представляет собой район задернованных полынной и другой растительностью песков. При относительной равнинности местности на некоторых участках наблюдаются значительные перепады высот – до 10 – 15 метров. Перепады фиксируются между ложбинами, которые образовались в результате пересыхания древних русел водотоков или сезонно заполняющихся ильменей и буграми – водоразделами, являющимися остатками берегов древних русел и озер. Как правило, вершины возвышенностей представляют собой сухие участки лессовой супесчаной полупустыни со скудной растительностью. Склоны и днища низменностей покрыты более густой растительностью лугового типа ярко-зеленого цвета.

В процессе исследований было установлено, что находки чаще всего встречаются на возвышенностях ближе к границе склона или в неглубоких (1,5-2 метра) впадинах образовавшихся в результате разрушения задернованной поверхности песков. Причем, в таких впадинах встречались каменные изделия эпохи мезолита-неолита и фрагменты керамики эпохи бронзы. Курганы эпохи бронзы и железа располагаются, как правило, на водоразделе.

В результате исследования района было выявлено шесть местонахождений подъемного материала. В основном он располагался в котловинах выдува, которые образовались вблизи кошар в результате интенсивного уничтожения растительного покрова животными. Котловин подобного генезиса пять. И только одна представляла собой чашу пересохшего древнего озера.

Надо отметить, что однажды начавшись, процесс выветривания и разрушения идет весьма интенсивно. Размеры котловины, где располагалось местонахождение Чернобыльное-I, за год увеличились на 40 метров в северо-западном и юго-восточном направлениях.

Борта котловин при визуальном осмотре дают аналогичную ситуацию для всех местонахождений. На глубине 100-120 см от современной задернованной поверхности песок переходит в светло-коричневую супесь, которая продолжается до глубины около 200 см. На ее поверхности залегает большое количество раковин моллюсков и фрагменты сероглинянной лепной и красноглиняной гончарной керамики, отдельные каменные изделия: отщепы. ножевидные пластины, концевые и округлые скребки, сегменты. Собственно культурного

[1] Шнайдшейн Е.В. Отчет об археологических исследования в Астраханской области в 1981 году /Архив ИА РАН оп. № 8813 а; Шнайдштейн Е.В. Отчет об археологических раскопках в Астраханской области / Архив ИА РАН оп. 9109, 9109а; Шнайдштейн Е.В. Отчет об археологических ьраскопках в Ахтубинском районе Астраханской области в 1984 году / Архив ИА РАН оп. №10341, 10341а; Шнайдшейн Е.В. Отчет об археологических раскопках в Ахтубинском районе Астраханской области в 1985 году / Архив ИА РАН оп. №10756, 10756а

[2] Рябичкин Д.В. Отчет об археологических разведках на территории Ахтубинского района Астаханской области в 1998 году / Кафедра инженерной экологии и природообустройства АГТУ.

слоя в борту котловин зафиксировано не было: либо он был очень тонким и оказался полностью разрушенным, либо он не залегал сплошной линией по всей поверхности, а локализовался пятнами.

Подъёмный материал охватывает довольно широкий временной диапазон: каменные изделия могут быть датированы от мезолита до ранней бронзы, фрагменты керамики можно датировать эпохой бронзы и раннего железа. Изредка встречаются и фрагменты средневековой керамики.

Таким образом, разведки, проведенные в Ахтубинском районе, подтвердили существующее предположение об интенсивном обживании зоны современных песков в эпоху камня и бронзы и о перспективности их исследования.

Кияшко А.В. (Волгоград)

ЛОКАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ВОЛГО-ДОНСКИХ СТЕПЕЙ*

В настоящее время, по самым общим подсчётам, количество погребений эпохи средней бронзы в курганах бассейна рек Волги и Дона приближается к десяти тысячам. Они составляют солидную базу для изучения тенденций развития погребального обряда. Отношение к этой проблематике в науке противоречивое. Многие учёные справедливо отмечают системность, консервативность, сакральность обряда, но используют его признаки, как правило, только для культурного и хронологического разделения древностей. Потенциал погребального обряда как устойчивой структуры, происхождение и любые изменения которой коренятся в религиозной сфере, практически не используется.

По мнению некоторых немецких исследователей (Fischer U. 1956; Häusler A. 1998) основой такой структуры является ориентировка и поза умершего. В соответствии с этнологическими интерпретациями (А. ван Геннеп 1999; Пропп В.Я. 1986) эти параметры маркируют главные моменты погребального ритуала как перехода души в потусторонний мир: направление пути (ориентировка), молитвенное предстояние покойника перед божеством (поза). Безусловно, другие признаки ритуала и инвентаря также вписывались в эту структуру, например, необходимые для загробного путешествия сосуды с пищей и питьём, оружие, животное – проводник, престижные вещи как показатель прижизненного статуса умершего и т.д. Однако ближе всего к выявленной немецкими учёными основе обряда стоит погребальное сооружение. В семантическом плане оно является местом обитания души покойного, а также связано со способом её перехода (сравним: от повозок в новотитаровских и манычских захоронениях до погребальных ладей викингов). В структурном отношении конструкция могилы видоизменяет формальные показатели ориентировки, влияет, по всей вероятности, и на трансформацию позы погребённого.

Поэтому следует признать упрощением характеристику погребального сооружения как всего лишь «обёртки», своего рода ритуальной упаковки умершего (Häusler A. 1998).

Локально-хронологический анализ погребального обряда степного Предкавказья в эпоху средней бронзы позволил сделать следующие выводы:

1. На данной территории существовала стабильная обрядовая система, хотя её формальные признаки закономерно и взаимосвязанно изменялись на протяжении, по крайней мере, четырёх этапов: позднеямного, раннекатакомбного, раннедонецкого и позднедонецкого. Наиболее устойчивыми элементами этой системы были *направленность* умерших на восток или запад, и *обращённость* их направо или налево. Сочетания этих элементов составля-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 00-01-00059а

ли четыре локально обусловленные ритуальные структуры (рис.1). Для доно-донецкого региона была типична восточная *направленность* и правая *обращённость* погребённых; для волго-донского – соответственно, восточная и левая; для волго-уральского – западная и правая; для волго-манычского – западная и левая. Реализация всех возможных ритуальных структур, их упорядоченное пространственное расположение, свидетельствует как о преднамеренном характере такого разделения, так и о внутреннем единстве обнаруженной системы погребального обряда.

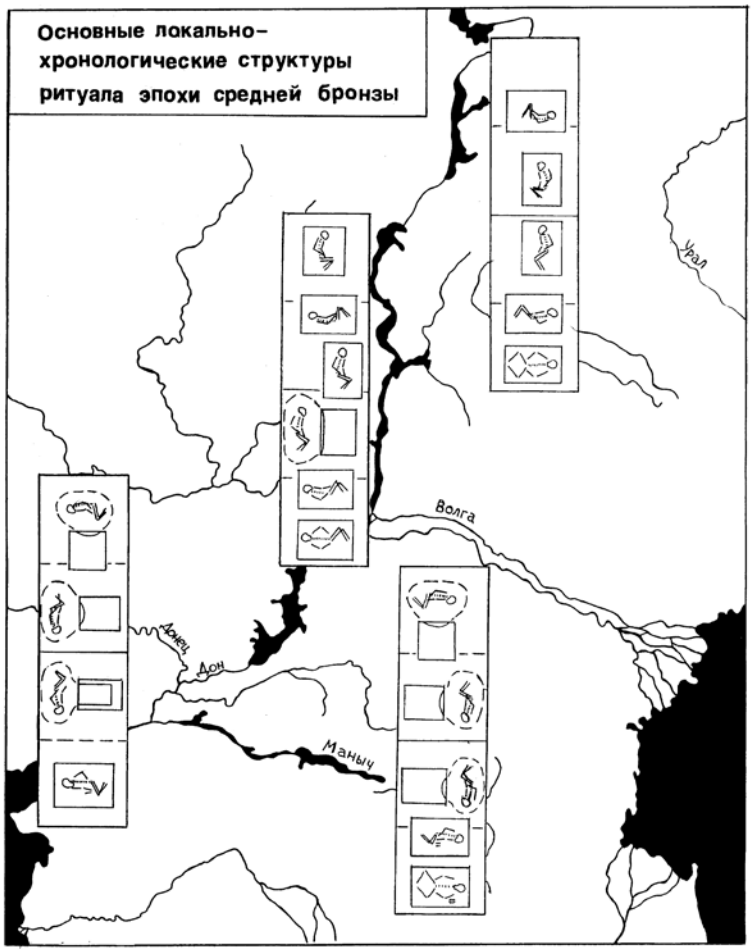
2. Перечисленные региональные структуры имели общие правила маркирования в ритуале. На позднеямном этапе *направленность* умерших выражалась ориентировкой костяков «по ногам» (а не «по черепу», как принято считать), а *обращённость* обозначалась разворотом скорченного на спине погребённого на соответствующую сторону и размещением здесь же предметов инвентаря. Внедрение катакомбного обряда приводит к изменению признаков ритуала при сохранении их структурных, локально обусловленных значений. Появление меридиональных ориентировок и позы «на боку», вероятно, связано со стремлением участников ритуала согласовать нормативное расположение умершего в камере катакомбы (лицом к выходу) с традиционной *направленностью* и *обращённостью* костяка. Важно подчеркнуть, что катакомбные ориентировки и позы умерших практиковались также в периферийных волго-донском и волго-уральском регионах, где господствовал ямный обряд и катакомб практически не было. Но даже на развитых этапах средней бронзы сохраняется архаичное пространственное размещение погребённых, порождая характерное сочетание широтной и меридиональной ориентировки в каждой региональной структуре ритуала (рис.1).

3. Рассмотренные выше основные структуры ритуала являются автохтонными для соответствующих регионов и, конечно же, не исчерпывают известного многообразия и пестроты погребального обряда этого времени. Однако, это многообразие не хаотичное и не повсеместное. Причина его в различном культурном значении отдельных территорий, в активных межрегиональных контактах и миграциях на развитых этапах средней бронзы.

Так южные регионы: доно-донецкий и волго-манычский, которые ретранслировали кавказское культурное влияние (в том числе и в сфере обряда) на остальные степные территории, проявляли относительную чистоту ритуальных признаков на протяжении всей эпохи. Даже известная примесь северокавказского ритуала вытянутых погребений на Восточном Маныче служит исключением, подтверждающим правило. Северные регионы – волго-донской и волго-уральский – оказались на периферии и кавказского влияния, и распространения катакомбного обряда. В волго-донских степях местная структура ритуала даже на первом, позднеямном этапе развития оказывается не единственной. Её дополняют, а на некоторых более поздних стадиях и вовсе отодвигают на второй план, многочисленные погребения волго-уральской и волго-манычской ритуальной традиции. Междуречье Волги и Дона являлось миграционным коридором, по которому северные и восточные племена устремлялись к кавказскому центру металлургии и других передовых культурных явлений. Ярким примером производной ритуальной структуры, сформировавшейся в ходе переселений с северо-востока, стали катакомбы низовий рек Сала и Маныча. Здесь на протяжении длительного времени доминирует западная направленность и правая обращённость умерших (то есть, костяки в катакомбах на правом боку, головой на север). Согласно нашей схеме, истоки этой традиции – в древней ритуальной структуре Волго-Уралья. В самом волго-уральском регионе при некоторой примеси доно-донецкого ритуала, проникшего с запада по лесостепи, и южной волго-манычской обрядности, наблюдается определённый застой ритуальных традиций.

4. Система погребального обряда эпохи средней бронзы стала, по всей вероятности, следствием экзогамной, дуальной организации древнего общества степного Предкавказья, в основе которой были также некоторые особенности материальной культуры. Вместе с тем, это разделение носило структурный характер и свидетельствовало о взаимосвязи и единстве

погребального обряда в целом. Примеры подобного структурирования родственного сообщества хорошо известны в этнологии (Иванов В.В., Топоров В.Н. 1982). В случае успешной апробации полученных результатов, мы сможем устанавливать происхождение того или иного погребённого (либо принадлежность его к определённой культовой традиции), более детально представим себе картину миграций и межплеменного взаимодействия в эпоху средней бронзы.



Щетенко А.Я. (Санкт-Петербург)

ХРОНОЛОГИЯ КОНТАКТОВ СТЕПНЫХ ПЛЕМЁН НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ С ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1. Столетие периодизации В.А. Городцова, которое отмечается археологами России в этом году, связано в целом с южнорусскими степями и с Нижним Поволжьем в том числе. Археологически фиксируется три основных блока культур, вступивших в контакты с земле-

дельцами Центральной Азии. Это: 1) срубная культурно-историческая общность (СКИО), 2) андроновская культурно-историческая общностью (АКИО), 3) общность культур валиковой керамики (ОКВК), вариантом которой является культура расписной керамики (ОКРК) юга Средней Азии (Анау IVA – подгорной равнины Копетдага, или Яз I – древней Маргианы). Два первых связаны с эпохой поздней бронзы (ЭПБ) – Намазга (НМЗ) VI, последний – с финалом ЭПБ и началом раннего железного века (РЖВ).

2. Миграции в ЭПБ племен срубной культуры (СК) из Среднего и Нижнего Поволжья на подгорную равнину Копетдага обосновываются находками на поселениях равнины керамики СК, а также присутствием некоторых черт их погребальной традиции в захоронениях курганных могильников у Больших Балхан, на предполагаемом маршруте движения скотоводов.

На востоке, в долине Мургаба, степная керамики найдена на поверхности всех оазисах, за исключением ранних (Келлелийского и Егри-Богазского), но она не однородна по своим типологическим характеристикам. На поселениях Таип 1, Тоголок 1, Гонур 1, Тахирбай 3 встречена керамика СК (определение Л.Т. Пьянковой при консультации с Н.К. Качаловой по материалам Тоголока) вместе с гончарной посудой типа Сапалли и Дашлы. На полу помещения 2-го строительного этапа башенного комплекса «темеоса» Гонура лепной орнаментированный горшок найден вместе с половинкой миниатюрной «колонки». На горшке из Тахирбая отмечено смешение различных технологических и орнаментальных традиций: уступ и косые заштрихованные треугольники относятся к алакульской традиции, а елочный орнамент на тулове имеет более ранние петровские корни. Керамические комплексы тазабагьябской культуры (ТК) более многочисленны по сравнению с предшествующими. Однако и они включаются сегодня в смешанный срубно-алакульский культурный ареал. Саргаринско-алексеевская керамика финального этапа АКИО имеется лишь в незначительных сборах со стоянки Имам-Баба, тогда как в центральной части подгорной равнины она преобладает в верхних слоях поселений.

3. Разновременность контактов земледельцев со степными племенами на протяжении нескольких столетий подтверждаются находками степной керамики и в других регионах Центральной Азии. Самым ранним памятником является гробница Зардча-Халифа на верхнем Заравшане, где найдены 6 костяных дисковидных псалиев типа Синташты вместе с гончарными сосудами джаркутанского этапа культуры сапалли. Поселение Тугай в этой же долине дало остатки металлургического производства с керамикой петровского типа. В бишкентской (вахшской) культуре на юге Таджикистана обряд кремации усопших, предвосхищает его распространение на более позднем нурийском этапе СК в Центральном Казахстане и в бустанском этапе культуры сапалли. Каменные выкладки свастик в могилах раннего тульхарского могильника соотносятся с изображением этого знака на керамике джакутанского этапа сапалли и на посуде подгорной равнины позднего этапа НМЗ VI.

В южной Бактрии в Шортугае постхараппский слой перекрыт бишкентским комплексом, который в Северной Бактрии синхронен джаркутанскому и кузалинскому периодам сапалли. Их носители контактировали со степняками, о чем свидетельствуют находки андроновской и гончарной керамики сапалинцев в жилище Кангурттута и в бишкентском могильнике Тандыр-Йул, в могилах которого найдены и характерные серьги с раструбом. Этот тип украшений широко распространяется от Юго-Западной Туркмении (могильники Сумбара) до предгорий Памира. Известен он в ТК низовьев Амударьи, и вместе с керамикой ТК - в могильнике Дашты-Козы в верховьях Заравшана. Особенно многочисленны находки степной керамики на подгорной равнины Копетдага, в том числе и в культурных слоях поселений.

4. Проблема хронологии контактов земледельческих культур с племенами степных скотоводов может быть решена лишь на основе разработки единой системы периодизации трех указанных выше блоков культур. Периодизация АКИО Н.А. Аванесовой, опирающаяся на относительную хронологию восточноевропейских древностей и намазгинскую стратигра-

фию Южного Туркменистана, пользуется большим доверием у исследователей. Однако, схема Р. Пампелли – Г. Шмидта - Б.А. Куфтина – В.М. Массона, созданная в 1 половине XX в., сейчас не «стыкуется» с хронологией зарубежных археологов: расхождения в датировках только для ЭПБ составляют от 500 до 1000 лет. Стратиграфия Намазга-депе (Намазга) и Теккем-депе (Теккем) позволяют внести коррективы в традиционную схему и определить относительную хронологию контактов земледельцев со степным миром, в том числе и с племенами Нижнего Поволжья.

5. Намазга и Теккем расположены на подгорной равнине Копетдага соответственно в 117 и 119 км к В от Ашхабада. На Намазге поселение ЭПБ ограничивается северным холмом –«вышкой» (высота 8 м). Наш стратиграфический раскоп на юго-западном склоне холма, благодаря единому реперу, связал в единую колонку материалы раскопов А.А. Марущенко, Б.А. Куфтина и И.Н. Хлопина. Выявлены остатки не менее 10 строительных периодов - Вышка (В) 1- 10. Соседний (в 2 км к Ю от «вышки») Теккем (высота 5,5-6 м) дал стратиграфическую колонку в 11 м – периоды Теккем (Т) 1-7. Обобщенная стратиграфия Намазга и Теккема демонстрируют наличие ранних этапов НМЗ VI, фиксирует временной разрыв между комплексами НМЗ V и НМЗ VI, и между ранним и поздним этапами НМЗ VI. Относительная хронология новых этапов такова.

1 этап – переходный от НМЗ V к НМЗ VI. На «вышке» часть многокомнатного здания на платформе из сырцовых кирпичей (В 1-3) перекрывает мусорную свалку, лежащую на слоях с материалами НМЗ V, и относится, судя по отсутствию серой керамики, статуэток и печатей, к переходным этапу. Затем поселение было оставлено. Этот этап не выявлен на Теккеме.

2 этап – ранняя НМЗ VI. На Теккеме раскопано 15 комнат большого здания на платформе, защищенного с юга стеной с круглой башней. Выявлено 2 основных периода с гончарной светлоангобированной, краснофоновой и серой керамикой. Первый период - Т 1 - жилое строение с комнатами, оборудованными лежанками и угловыми каминами, круглыми очагами и квадратными столиками. На нижнем полу одного из помещений вместе с керамикой найдена каменная «колонка» и бронзовый двулезвийный нож с черенком. Второй – Т 2 - здание служит хозяйственным целям: стены разделили комнаты; двери превратились в ниши; заклад кирпичей поднял полы, на которых появились металлургические горны и рабочие площадки.

3 переходный этап. На «вышке» это период В 4 в виде помещения, иной чем прежде ориентации. Оно оставлено в спешке: 3 гончарные чаши (две сероглиняные, одна красноглиняная) опрокинуты на полу вместе с лепным алакульским горшочком. Во дворе лежал сероглиняный кувшин, набор инструментов для металлообработки и каменная литейная форма для отлива черешковых ножей с упором у черенка и булавок с навершиями янгикалинского типа.

4 этап – временное запустение поселений. На «вышке» это мощный (0,5-1,1 м) зольник (В 5), перекрывающий остатки ранних стен. На Теккеме - мусорные слои (Т 3), где оказались черепки алакульской керамики и погребения, впущенные в заброшенные помещения.

5 этап – поздняя НМЗ VI – В 6-8, Т 4-5. Появляются дома с квадратными очагами, хозяйственными и производственными (горны, ямы литейщиков) постройками. Набор литейных форм (Т 4) для отливки черенковых ножей с упором, пуговиц с петелькой, навершй кинжалов. Каменные навершия булав, песты-скипетры, молоты, «гладилки», песты-скипетры, в том числе с 4-я выступами. Преобладают гончарная красноангобированная и серая посуда, часто с лощением. На кольцевых подставках (В 8 и Т 4) и хумче (Т 4) прочерченная свастика, аналогия знакам на подставках «храма огня» Джаркутана.

6 этап – финал ЭПБ (В 9, Т 6) представлен керамикой саргаринско-алексеевского типа, а также двумя однолезвийными и одним двулезвийным ножом с кольцевым упором (В 9). Ямки для столбов от жилищ каркасного типа выявлены в Т 6.

7 этап – начало РЖВ – В 10, Т 7 дал расписные черепки типа Яз I и железные бусы в одном из погребений (В 10), раскопанном А.А. Марущенко.

Аналогичная картина перехода от ЭПБ к РЖВ отмечена В.И. Сарианиди на Улуг-депе, где в 3 горизонте с керамикой ЭПБ выявлены остатки монументального здания, а в его верхней части - 3 скорченных погребения с сероглиняными сосудами. Их формы (кувшин, миска, кубок) аналогичны керамике из погребения в могиле (с подбоем и кирпичным закладом), впущенной в мусорные слои (Т 3), перекрывающие «крепость» Теккема, сложенную из кирпичей того же формата, что и здание Улуг-депе. Вероятно, эти монументальные постройки относятся к эпохе ранняя НМЗ VI и связаны с крепостями Маргианы (об этом говорят и находки: керамика, «колонки», металл, и пр.), что подтверждает предположение В.И. Сарианиди о возможном проникновении на подгорную равнину с запада новой архитектурной традиции. Этому же периоду синхронны поздние этапы сапаллинской культуры Северной Бактрии, комплексы с серолощеной керамикой Саразма в Согде.

6. Основные этапы предложенной периодизации, по типам металлических и каменных изделий синхронизируются с аналогичными этапами памятников ЭПБ и РЖВ Ирана и Закавказья. Те же типы вещей широко представлены в кладах и культурах ЭПБ степного пояса Евразии: Казахстан, Южное Зауралье, Волго-Уральское междуречье, Причерноморье, Днестровско-Прутский бассейн.

7. Опубликованные серии дат Намазга и Теккема позволяют относить начало раннего этапа НМЗ VI к рубежу III-II тыс. до н.э., первые контакты с племенами алакульско-федоровского круга – к XVI-XV вв. до н.э., а появление саргаринско-алексеевского населения на юге Туркменистана – к XIV-XIII вв. до н.э. Время начала миграции части племен СКИО из Нижнего Поволжья падает таким образом на 1 половину II тыс. до н.э. – XVIII-XIV вв. до н.э.

Таркова Р.А. (Астрахань)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СРУБНЫХ ПЛЕМЕН О МИРОЗДАНИИ

Основными источниками, на основе анализа которых можно попытаться восстановить представления срубных племен о мироздании, являются орнаменты керамики и погребальные памятники (в первую очередь сама организация, структура сакрального пространства).

Учитывая разработки в области семантики орнаментов бронзового века, сделанные Б.А. Рыбаковым, А.А. Формозовым, В.Н. Слоновым, О.В. Кочерженко, Э.Л. Лаевской, Г.Ф. Турчаниновым и др., а также опираясь на тезис о том, что орнаментированный сосуд – это своего рода модель космоса, можно выделить среди срубных орнаментальных композиций изображения основных ярусов – уровней космоса. Причем данные срубные орнаменты отображают картину мира в нескольких вариантах.

Первая группа орнаментальных композиций отражает трехъярустное строение мира в точном соответствии с данными «Ригведы» и схемой трипольских орнаментов по Б.А. Рыбакову.

1) Узкий верхний ярус – так называемое «верхнее небо» («Свах» по «Ригведе»); на трипольских сосудах обычно содержит волнистую или зигзагообразную линию, оберегающую горло сосуда – символ воды, поскольку это небо обладает неистощимыми запасами дождевой воды. На срубных сосудах этот верхний ярус может изображаться в виде зигзаговой линии (Утевский III могильник); зигзаговой линии и косых полос (п. 19 к.1 Бородаевка II); в виде волны-зигзага, четко отделенной линиями сверху и от среднего яруса (п.13 к.1

Подшибаловка); как горизонтальная елочка (п.2 к.4 Новопавловка); тройной волнистой линией (п.1 к.10 Лебедевка IV; 1 Тюбякское пос.); косыми насечками-штрихами (к.7 Подстепкинский).

2) Второй - средний ярус, называемый в «Ригведе» «Бхувах», включает символы солнца и его хода по небу (спирали и солярные знаки на трипольских сосудах; кресты и зигзаги на срубных); звезды; зигзаги – молнии, косые полосы дождя. В этот ярус включаются изображения земной поверхности – гор, рек, растений. Например, на срубном сосуде из п.19 к.1 Бородаевка II, средний ярус пустой; на сосуде из п.2 к.4 Новопавловки в среднем ярусе кресты – солярные символы, зигзаг – обозначение молнии или движения солнца по небосводу; на сосуде из п.1 к.10 Лебедевки IV средний ярус «Бхувах» содержит косые полосы – дождь и т.п.

3) Третий - самый нижний ярус («Бхух» – земля, почва, по «Ригведе») – на трипольских сосудах обычно пуст или полон точек – изображений семян. На срубном сосуде из п.19 к.1 Бородаевки II этот ярус обозначен, видимо, косо заштрихованными треугольниками – зигзагами (взрыхленная, вспаханная почва?); на сосуде из Новопавловки он заполнен точками (семена?); на сосуде из Лебедевки IV земля, видимо, изображена зигзагом (горы?), а под ней - семена в почве; на сосуде из Тюбякского поселения этот нижний, третий четко выделенный ярус содержит цепочку заштрихованных ромбов (явный символ вспаханной почвы?).

К группе орнаментов, читаемых по аналогичной схеме, относятся также орнаменты ряда сосудов из погребений Бородаевки I, Новобелогородского, Чапаевки 3, Осинов-Гай, Богатого, Вислой Дубравы, а также из синташтинских погребений С III – малого кургана, С I – комплекса грунтовых и курганных захоронений, СМ – синташтинского могильника и из жертвенного комплекса I.

Вторая группа орнаментальных композиций отображает трехъярусную структуру мироздания в более упрощенном виде – в соответствии со схемой: I ярус – небо с дождем; II ярус – земля, горы, руки, растения, символы плодородия (ромбы) и III ярус – подземный, почва. Таковы, например, орнаменты пяти сосудов из Осиновки; из Питерки I, Саратовки I, Новобелогорского, Генеральского, Богатого и др.

Третья группа орнаментов представляет изображения либо только одного «этажа» мироздания, либо – двух: например, на одном из сосудов Новобелогорского могильника видим дождь (косые насечки в ряд), выпадающий на землю (обозначена горизонтальной елочкой – подземная вода? – треугольниками вершиной вверх с «ростками» внутри); на сосуде из Крутоярки (Граф) видим небо (крест – солярный символ и косые штрихи – дождь) и землю (в виде заштрихованных зубцов (горы?); аналогично изображение на сосуде из Чапаевки 3.

У скифов, отчасти родственных срубникам, Д.С.Раевский выделил трехчленную по вертикали структуру мира, включающую верхний мир (небо, солнце), нижний мир (земную и водную глубь) и горы как средний, связующий элемент. У срубников могли бытовать подобные представления, перекочевавшие затем в скифскую среду. В то же время подтверждать существование в срубном обществе II-I тыс. до н.э. идеи о «многоэтажном» мире косвенно может «Авеста» – согласно ей вселенная в целом делилась на 3 части: землю; промежуточную область между землей и бесконечным светом (сферы звезд; луны, солнца) и собственно небо. Предлагаемая трехступенчатая по вертикали структура мира вполне соотносится и с существовавшей в срубном обществе социальной структурой, также трехчленной, аналогичной другим индоиранским обществам (авестийскому, ведическому, скифскому) и подтверждается конструктивными особенностями погребений (например, наличие ступенек). Аналогия семантики срубных орнаментов с семантикой более ранних (энеолит – ранняя бронза) вполне правомерны, поскольку ряд типичных для трипольской, микенской и ближневосточной керамики орнаментальных композиций и мотивов мог перейти и в срубную культуру – в более геометризованном и стилизованном виде при сохранении традиционного значения (яв-

ление геометризации и схематизации в поздней трипольской и крито-микенской орнаментике XVII-XVI вв. до н.э.). Кроме того, анализ Б.А.Рыбаковым трипольских орнаментов позволиливыявить явные параллели с мифологемами ряда гимнов «Ригведы» (три яруса мираЮ лик Праматери Адити, титан Пуруша).

Широко распространенный в бронзовом веке спиральный орнамент, так характерный для многих трипольских сосудов, также, видимо, распространен в срубной среде – но в более геометризованно-упрощенном виде. Ряд срубно-алакульских, срубных (из степи и лесостепи) и синташтинских орнаментов явно отображает мотив спирали как символа бега солнца по небосводу и смены времен года, к тому же, вписанного в трехъярусную картину мироздания. Зачастую сохраняется типично трипольское направление витков спирали снизу вверх направо, с востока на запад (например, срубный сосуд из п. 1, к.2, Луговское II).

Из трех выделенных основных ярусов мира необходимо подробнее остановиться на характеристике самого нижнего, третьего, подземного яруса, связанного, скоре всего, с загробным существованием умерших. Его основными характеристиками можно считать следующие:

1) пространственно-временные связи загробного/подземного мира «перевернуты», зеркальны по отношению к миру земному; характеристики мира живых дублируются в этом мире умерших, но там «все наоборот». Об этом говорит наличие на ряде фатьяновских, праславянских (по Рыбакову), синташтинских и срубных (могильник Купцын-Толга в Калмыкии; Васильевский курган) сосудов солярного знака на дне (крест, свастика). Это – изображение «подземного солнца». Мотив такого отражения характеристик среднего, земного, яруса мира в мире подземном, может быть, также воспроизведен срубными орнаментами Волго-Уральского междуречья, которые можно назвать «отраженный зигзаг» или «отраженные треугольники» (Кривая Лука XXIX, Ровное, Натальино II, Быково IV);

2) загробное существование является продолжением (отражением) земного; умершие сохраняют свой социальный статус после смерти. Об этом говорит сопровождение умерших символами их социального статуса и соответствующими орудиями (вождей, воинов – инсигниями власти и оружием; жрецов – амулетами, бараньими лопатками для гадания и кремнем для высекания священного огня; ремесленников-литейщиков – литейными формами; скотоводов – костяными трубочками для раздаивания скота и т.п.). Возможно, захоронение в некоторых случаях собак вместе с людьми говорит о существовании представлений о животном проводнике покойного в мир иной, призванном охранять человека в загробном царстве;

3) умершие члены общины, предки, скорее всего, напрямую влияли га обеспечение плодородия на земле. Некая страна предков помещалась срубными племенами, вероятно, где-то на юге. В пользу этого свидетельствует совершение поминальных действий (сосуды с остатками пищи) в юго-восточной части курганов (лесостепь); поминально-родовые жертвенники на комплексах Аркаима таже располагались на южной периферии (могильник Большекараганский); в ведической ритуальной практике известен «южный огонь» в честь душ умерших; в Синташте именно в южной части ритуального домика на памятнике СМ располагался некогда священный очаг.

Юг в то же время мог ассоциироваться с «низом», с нижним ярусом мира. Общение живых с умершими предками обеспечивалось посредством обрядов «кормления» живущих под землей предков, принесение им даров и произнесение молитв (в основном о ниспослании благополучия и плодородия). Причем, обряды общения с предками приурочивались, видимо, к крупным вехам календарного (аграрного цикла), и большим праздникам и проходили непосредственно рядом с курганами или погребальными комплексами. Такими вехами могли быть дни летнего и зимнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия, Новый год.

В данном случае поминальная трапеза-тризна могла символизировать вкушение «первых плодов» в рамках целого цикла обрядов повторения космогонии обновления мира и обыгрывания мифа о творении, когда все уровни бытия, все социальные градации, все обще-

ственные институты должны на время перейти в состояние «хаоса», чтобы из него потом заново воссоздался космос (по М. Элиаде). Именно поэтому практиковались жертвоприношения скота и жертвенные расчленения людей: ритуальное расчленение обычно предполагало разделение жертвы на три части, символизирующие ярусы мироздания. Само сооружение кургана или жертвенника как символов Оси мира, Древа Мира, имитировало космогонический акт, поскольку ритуальное сооружение становилось точкой отсчёта для построения системы пространственно-временных координат нового мира и обладало всеми характеристиками космоса в целом. Это и обусловливало планировку организации сакрального пространства погребальных комплексов по схеме-принципу мандалы (срубные курганы; курган 25 Большекараганского могильника в Аркаиме; курган 25 могильника Восточно-Курайли I; надмогильные сооружения на памятниках CI и CIII в Синташте и др.).

Курган как особым образом организованное пространство и символ Оси Мира, мог обладать характеристиками “моста”, “дороги”, соединяющей ярусы мира и служил, таким образом, для связи неба и земли – потому что мир умерших предков помещался одновременно и в подземном, и в небесном этажах мира. Общаться с обитающими в небесной обители предками можно было, проведя необходимые обряды в соответствующем месте на (в) земле (курган). Это положение снимает парадоксальность такого «раздвоения» – тем более, что и во всех индоевропейских мифологических традициях (скандинавской, славянской, индийской, иранской и др.) обитель умерших помещается то где-то в небе, то под землёй, нет чёткого отграничения подземного мира от небесного. Причём обе эти сферы – небесная и подземная – равно ответственны за земное плодородие. Согласно этим мифологическим традициям, умерший продолжает существовать в загробном мире во плоти. Традиция возведения деревянных внутримогильных конструкций (срубов, перекрытий) может быть порождена одновременно бытовавшими в срубной среде двумя эсхатологическими концепциями (по Л.С. Клейну). С точки зрения индоарийской ЭК, срубы призваны были предохранять мёртвое тело от разрушительного воздействия земли, стихий и т.п., а с точки зрения индоиранской ЭК срубы обеспечивали защиту священных стихий и людей от «остаточной телесности» мёртвых (близко авестийским представлениям). Обе концепции, видимо, сочетались в срубной среде.

Лопатин. В.А., Филимонова С. А. (Саратов)

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА СМЕЛОВСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В САРАТОВСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

Данная работа посвящена анализу орнамента керамики срубной культуры на основе материалов Смеловского грунтового могильника, расположенного в 20 км ниже по течению Волги от известных Покровских Курганов. С 1995 года экспедицией Саратовского госуниверситета ведутся охранные исследования памятника, ныне раскопано 130 погребений. В 75% захоронений (93) обнаружена керамика (126 сосудов), орнаментировано 40% сосудов (52).

В основе классификации лежит качественно новый подход к анализу и систематизации орнамента, который рассматривается как ритмические построения из повторяющихся геометрических элементов, расположенных по кругу. Орнамент смеловских сосудов рассматривается не по отдельным сюжетам или элементам, а в полном круговом композиционном варианте. При этом орнаментальные композиции рассматриваются с известной долей

схематичности (без выделения технических способов нанесения орнамента). Подобному рассмотрению, естественно, были подвергнуты только сосуды с регулярным орнаментом (так, как, по мнению авторов, смысловая задача регулярного и нерегулярного орнамента различна). Таких сосудов на Смеловском могильнике 80% от числа орнаментированных (46).

Все сосуды с регулярным орнаментом были поделены на 4 группы по степени сложности орнамента - его расположению в 1 круг, в 2 и более, а также по степени сложности геометрических фигур, составляющих композиции.

1 группа, «концентрические замкнутые круги», характеризуется наличием в орнаментальных композициях циклических линий, располагающихся под устьем кругами и состоящих из одних и тех же элементов (прочерченные линии, оттиски витого шнура, различные насечки и вдавления). Она насчитывает 18 сосудов. Группа, в свою очередь, подразделяется на подгруппы. 1 подгруппа – простые несмешанные круги из непрерывных линий. 2 подгруппа – круги из насечек и вдавлений. 3 подгруппа является промежуточной между 1 и 2-й. В неё входят сосуды с орнаментом в виде концентрических кругов из линий и насечек. 4 подгруппа – круги из горизонтальной «елочки», частично смешанные с простыми кругами насечек. 5 подгруппа состоит из элементов всех четырёх вышеназванных подгрупп.

2 группа условно может быть названа «зигзагообразные круги». В неё входит 20 сосудов. Её основной признак – сложный рисунок, зачастую расположенный в несколько ярусов, с обязательным наличием опоясывающего зигзага. Она также разделена на подгруппы. 1 подгруппа – простые зигзаги (орнамент состоит только из рядов зигзага, одного или нескольких). 2 подгруппа включает сосуды с орнаментом, в котором добавляются чередующиеся линии и зигзаги. В 3 подгруппе к композициям из зигзагов и линий добавляются косые штрихи, составляющие ряды и отдельные зоны. 4 подгруппа объединяет рисунки, в которых ряды зигзагов умышленно составляют ромбы, при этом возможно использование других элементов орнаментации. 5 подгруппа характеризуется тем, что, в комплекте с линиями и косыми штрихами, зигзаги образуют заштрихованные треугольники, обращенные вершинами вниз. В 6 подгруппу вошли сосуды с орнаментом из многоярусных зигзагов.

3 группа, назовем её «комплексная», является переходной от 2-й к 1-й. Она характеризуется сочетанием таких элементов, как круги из непрерывных линий или вдавлений и опоясывающих рядов подтреугольных оттисков. Отметим что идея композиции из зигзагов и подтреугольных оттисков едина (Лопатин В.А.,1999). В группу входит 5 сосудов.

В **4 группу**, «прочие», входит небольшое число сосудов (3), которые, обладая некоторыми общими признаками вышеназванных групп, все же настолько отличаются общим построением композиции орнамента, что не могут быть включены ни в одну из них.

Подобное дробное разделение внутри групп дает возможность проследить тенденцию эволюции орнаментальных композиций на сосудах Смеловского могильника по схеме «от сложного к простому». Явное преобладание сосудов 1 и 2 групп свидетельствуют о том, что орнаментальные композиции (а, особенно, их элементы) сосудов 3 и 4 групп для населения, оставившего данный памятник, нехарактерны, инокультурны. В то же время наличие общих признаков в орнаменте всех четырех групп говорит об их принадлежности к родственным культурным образованиям, о возможных межэтнических контактах, в целом характерных для данной эпохи.

Вопрос орнаментальной традиции, феномен её становления и преемственности не может быть рассмотрен в отрыве от классификации форм, типичных для того или иного закрытого комплекса. Такой подход представляется правомерным при создании классифици-

рованного массива закрытых комплексов керамики, столь необходимого для решения проблем, связанных с культурогенезом в эпоху поздней бронзы.

Проблемам морфологии и типологии срубной керамики в археологической литературе посвящен ряд работ, хотя до настоящего времени зачастую при описании однородных типов сосудов используется совершенно различная терминология. Видимо, причина в том, что при создании классификационных схем, берутся за основу разные параметрические показатели, а нередко вообще прибегают к ассоциативным наименованиям типов керамики (горшок, миска и т.д.). Иногда при классифицировании исходят из различий в форме профиля (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Агапов С.А. и др., 1999).

В настоящее время в литературе представлены различные методики классификации керамических комплексов с терминологическими аппаратами, адаптированными для конкретных культур, а также претендующими на роль универсалий. Работали в том же направлении и авторы данного доклада (Лопатин В.А., 1991; Лопатин В.А., Шамгуллина (Филимонова) С.А., 2000).

Используя иерархическую схему «отдел-группа-тип» при анализе погребальных керамических комплексов, авторы ранее опубликовали работу, посвященную созданию классификации форм керамических сосудов Смеловского грунтового могильника. Попытка совместить две схемы классификации (форма и орнамент) дала следующие предварительные результаты: наименее сложные орнаменты (1 и 2 подгруппы I группы; 1 и 2 подгруппы II группы) характерны, в основном, для баночных и колоколовидных форм, что особо подчеркивает архаичность этих вариантов. Напротив, сложные многорядные композиции декора присущи как архаичным колоколовидным формам, так и более развитым классическим срубным, производным от взаимодействия двух начальных традиций (баночные, слабопрофилированные и остроребериые). Это орнаменты 5 подгруппы I группы, 3 – 6 подгрупп II группы, III и IV групп. Предположительно данное положение можно рассматривать как конкретный признак времени становления срубной культуры, а именно её покровского этапа.

На Смеловке мы видим пример локального варианта культурогенеза на дальней степной периферии. Но даже конкретно выраженные материалы одного закрытого комплекса представлены весьма широким спектром взаимодействий. Это прослеживается и в формах и в орнаментах. Пока можно предположительно говорить о том, что керамический комплекс Смеловского могильника формировался под прямым или опосредованным влиянием местных посткатакомбно-полтавкинских, пришлых покровско-потаповских, а также синташтинских и петровско-новокумакских традиций.

Литература:

1. Лопатин В.А. Классификация керамики Преображенского поселения// Археология Восточно-Европейской степи. Вып.2, Саратов, 1991

2. Лопатин В.А. Об одном из компонентов формирования срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья// Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы науч. конф. М., 2000

3. Лопатин В.А., Шамгуллина С.А. Классификация форм керамических сосудов из Смеловского грунтового могильника// Поволжский край. Межвузовский сб. науч тр. Саратов, 2000

4. Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Агапов С.А., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., Вальков Д.В. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие)// РА, 1999, №1

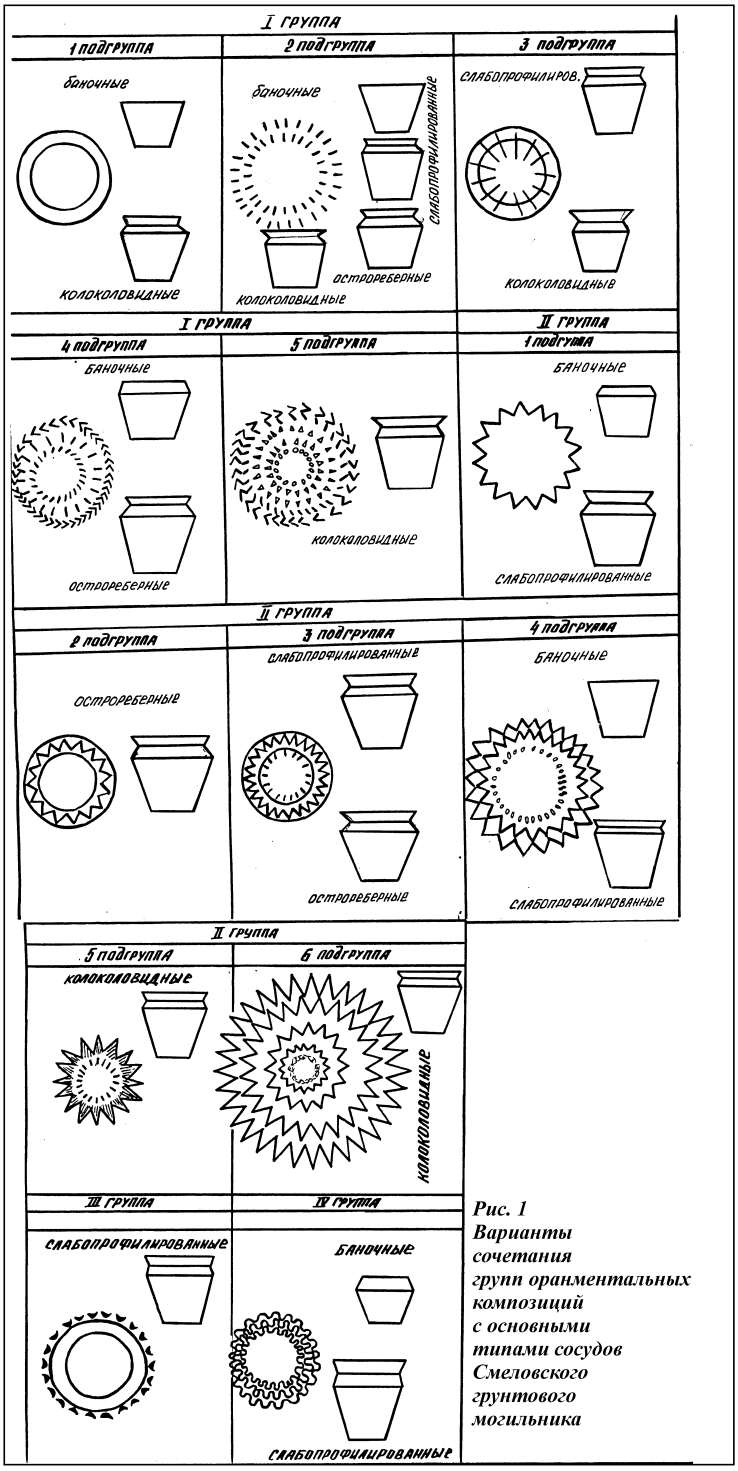


Рис. 1 Варианты сочетания групп орнаментальных композиций с основными типами сосудов Смеловского грунтового могильника

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Пантелеев С.А. (Астрахань)

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

В годы работы в археологической экспедиции при Госдирекции охраны историко-культурного наследия Астраханской области мне приходилось часто выезжать в Икрянинский район для проведения археологических разведок и обследования территорий, отводимых для хозяйственной деятельности (строительства газопроводов, путепроводов и пр.) Помимо исследований на конкретных памятниках иногда возникала возможность ближайшие потенциальные местонахождения памятников археологии. По разным причинам эти выявленные памятники не были взяты на учёт и даже не попали в археологические отчёты. Поэтому считаю полезным и познавательным описать и охарактеризовать известные мне памятники в данной работе.

Бугор "Большой Чёрный". Расположен на правом берегу реки Бахтемир приблизительно в 1 км к югу от с. им. Героя Советского Союза А. Зверева. Бугор представляет собой возвышенность естественного происхождения и сориентирован по линии запад-восток, поверхность средне задернована растительным покровом полынно-типчакового типа. Наиболее возвышенная часть бугра – восточная, с резкими обрывистыми склонами, южный склон сильно разрушен карьером. К западу бугор плавно понижается. В ходе осмотра бугра была обнаружена разновременная керамика.

Наибольший интерес вызвали обломки лепной, с неровным обжигом, керамики. На некоторых фрагментах можно было увидеть орнамент в виде прочерченных полукружий (арочный орнамент с заполнением ногтевыми вдавлениями). Аналогичная керамика встречается на таких памятниках археологии, как Самосдельское городище и городище Мошаик.

При дальнейшем осмотре поверхности бугра были обнаружены остатки разрушенных погребений, находящихся на разной глубине, что было хорошо видно в борту карьера, разрушившего южный склон. Судя по керамике и костным остаткам можно предположить о наличии на этом бугре грунтового могильника эпохи средневековья.

По соседству с бугром "Большой Чёрный", приблизительно в 500 метрах к западу от него, расположен **бугор "Малый Чёрный"**. Этот бугор представляет собой возвышенность естественного происхождения, ориентированную по линии запад-восток. Поверхность бугра средне задернована полынно-типчаковой растительностью. На момент осмотра этого бугра средняя его часть представляла собой действующий карьер, в котором работала землеройная техника. На поверхности бугра встречаются фрагменты разновременной керамики, датирующейся периодом от раннего железного века до эпохи Золотой Орды. В разговоре с водителями скреперов было выяснено, что в начале работы на карьере ими было разрушено несколько погребений, в которых они обнаружили либо обломки, либо целые керамические сосуды. Упоминались также бусы и железные наконечники стрел. Как были сориентированы и расположены погребения, выяснить не удалось. Из всего вышесказанного можно предположить, что бугор "Малый Чёрный" представляет собой разновременный грунтовый могильник.

Немалый интерес должен представлять собой и **бугор "Красный"**, расположенный на левом берегу реки Бахтемир, в 2,5 км южнее села Маячное. Бугор является возвышенностью естественного происхождения, поверхность его средне задернована растительностью полынно-типчакового типа. Ориентирован бугор по линии запад-восток.

На значительной части поверхности бугра обнаружены обломки обожжённого кирпича, в большом количестве встречаются фрагменты красноглиняной гончарной керамики. В ходе осмотра поверхности бугра была обнаружена золотоордынская медная монета, чеканенная при хане Узбеке. По центру бугра, вдоль всей его длины проходит тропа, которая в почве выбила колею глубиной 6-8 см. При осмотре колеи был обнаружен дождевой промыв, в котором была видна кладка из квадратного обожжённого кирпича, которая тянулась на расстояние около 1,5 м и имела 3 слоя кладки в высоту. Ниже виднелась отвесная грунтовая стенка со следами белой обмазки, которая опускалась приблизительно на 0,5 м вглубь, переходя в пол, также покрытый белой обмазкой. Ниже промоины были обнаружены явно вымытые из заполнения фрагменты красноглиняной гончарной керамики. Судя по всему, здесь располагаются остатки жилища – полуземлянки. Кирпичи, из которых была сложена стена, отличаются от золотоордынских кирпичей. Они были тонкими (около 3,5 см), пористыми, что предполагает наличие органики в тесте, которая выгорела при обжиге.

Среди керамического материала, обнаруженного на бугре, также имеются параллели с керамикой расположенного неподалёку Самосдельского городища. В связи с этим можно предположить наличие на бугре остатков поселения золотоордынского времени, а возможно – и более раннего.

Также необходимо упомянуть и о **бэровском бугре без названия**, находящемся на правом берегу реки Бахтемир, в 400 м к северу от с. Троицкое. Бугор, как и вышеописанные, ориентирован по линии запад-восток. Растительный покров слабовыраженный. Значительная часть бугра разрушена в ходе деятельности рыборазводного осетрового хозяйства.

На поверхности встречались фрагменты керамики, относящиеся к эпохе раннего железного века и раннего средневековья. Также попадались места скоплений костяного крошева и фрагменты костей человека, что говорило о явно разрушенных в ходе землеройных работ погребениях. По обнаруженным находкам можно предположить существование на бугре древнего грунтового могильника.

На примере описанных выше памятников видно, что в наше время активная хозяйственная деятельность наносит непоправимый ущерб памятникам археологии дельты Волги и Астраханской области в целом. В связи с этим необходимо проведение широкомасштабных разведочных исследований прежде всего в дельтовых районах области с целью выявления и постановки на государственную охрану памятников, которые ещё не поздно защитить от разрушения или хотя бы остановить полное уничтожение того, что уже разрушено. В первую очередь это относится к памятникам, расположенным на бэровских буграх. Масштабные разведки и охранные мероприятия необходимы потому, что продолжается активное строительство мостов, дорог, путепроводов и т.д., а естественным источником пригодных для земляных работ грунтов являются именно бэровские бугры.

Надеюсь, что изложенная здесь информация послужит материалом для проведения будущих археологических разведок, а возможно - и раскопок.

Сарапулкин В.А. (Липецк)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АЛАНО-БОЛГАРСКИХ КОНТАКТОВ В САЛТОВСКОЕ ВРЕМЯ

Существование контактов между лесостепными аланами и праболгарскими племенами внутри Хазарского каганата является в современной науке признанным фактом (Плетнева С.А. 1999., с.52). Проникновение праболгар в лесостепь подтверждается материалами археологических памятников, и, прежде всего могильников. Исходя из анализа этих материалов, можно говорить о двух путях болгарской миграции на территорию, заселенную аланами.

Первый: включение в аланские роды отдельных представителей степных этносов, что проявилось в присутствии костяков, принадлежащих брахи- и мезокранам в катакомбных захоронениях, для которых характерен долихокраный антропологический материал (Плетнева С.А. 1989., с. 268; она же 1999., с. 60). Кроме того, как одно из проявлений этого процесса, мы можем рассматривать существование погребений, совершенных в ямах, на катакомбных могильниках (Плетнева С.А. 1989., с. 255; она же 1999., с. 60)

Второй: переселение на территорию, занимаемую аланами, целых болгарских племен. Археологическим свидетельством этого продвижения являются праболгарские могильники, обнаруженные в лесостепи. Наиболее известные из таковых Нетайловский могильник на Северском Донце и Волоконовский в Поосколье (Березовец Д.Т. 1962; Плетнева С.А. Николаенко А.Г. 1976) . Также можно отнести к кругу праболгарских памятников ямный могильник, сравнительно недавно открытый на правом берегу реки Валуй у села Мандрово Белгородской области.

Для всех ямных могильников лесостепи характерны более или менее значительные отклонения от “классического” болгарского погребального обряда (Плетнева С.А. 1981., с.11). Применительно к Волоконовскому могильнику это прежде всего наличие деревянных гробов (Плетнева С.А. Николаенко А.Г. 1976., с. 99). Для Нетайловского могильника в качестве специфических черт похоронного ритуала рассматриваются прежде всего форма ям (длинные и узкие) напоминающая дромос, богатый инвентарь, а также наличие обряда обезвреживания покойника (Плетнева С.А. 1967., с. 95). Отклонения от так называемого “зливкинского” обряда погребения имеет место также в погребениях Мандровского могильника. Так, в двух захоронениях мы наблюдаем сравнительно богатый инвентарь. Кроме того, одно погребение имеет дромосовидную форму ямы (всего изучено четыре погребения).

Говоря о характерных чертах ямных могильников, расположенных на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, следует отметить, что праболгарский погребальный обряд не был явлением унифицированным. Фактически каждый могильник несет в себе набор специфических черт, отличающих его от других (Плетнева С.А. 1981., с. 9). Наличие некоторых устойчивых сочетаний признаков позволило исследователям выделить несколько групп со сходным обрядом захоронения (Плетнева С.А. 1981., с. 11). В этой связи встает вопрос о правомерности выделения лесостепных могильников в отдельную группу. Все три рассматриваемые могильника отличаются друг от друга по целому ряду признаков. Деревянные гробы и немногочисленный инвентарь отличает Волоконовский могильник от двух других (данная особенность связывается С.А.Плетневой с поздним периодом существования памятника и рассматривается как одно из направлений развития праболгарской погребальной обрядности (Плетнева С.А. 1999., с. 51). Нетайловский могильник обладает целым набором признаков, характерных только для этого памятника (отсутствие детских захоронений, гипертрофированный обряд обезвреживания покойников) и не встречающихся на других праболгарских могильниках. Мандровский могильник, если судить по четырем изученным погребениям, по ряду показателей близок к Нетайловскому (глубина ям, относительное богатство инвентаря) но не обладает его специфическими чертами. Сказанное выше позволяет отметить, что признаков, позволивших бы объединить ямные могильники салтовского времени лесостепи в одну группу, явно недостаточно. Помимо географического положения, к таковым можно отнести только глубину ям.

Особенности погребального обряда праболгарских могильников расположенных на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры связывается исследователями с влияниями лесостепных алан, для катакомбных погребений которых характерны и богатый сопроводительный инвентарь и обряд ритуального разрушения останков покойного. Однако надо сказать, что такие же черты имеют место и на некоторых ямных могильниках степного варианта салтово-маяцкой культуры. В частности, значительная по сравнению с “классическим” болгарским обрядом, насыщенность погребений инвентарем наблюдается в некоторых

захоронениях могильников Дроновка 3, Новолимаревка 1, 2, Северского Донца (Татаринов С.И. Копыл А.Г. Шамрай А.В. 1986., с. 211; Красильников К.И 1980., с. 19) Имеет место такое явление и на могильниках Нижнего Дона (Багаевский) (Швецов М.Л. 1983., с. 110). Длинные и узкие могильные ямы присутствуют на могильниках Дроновка 3 и Волоковое озеро (Татаринов С.И. Копыл А.Г. Шамрай А.В. 1986., с. 214) . Ритуальное разрушение останков погребенного также не может считаться исключительно аланской особенностью (Флеров В.С 2000., с. 88). Единственной специфической деталью, присутствующей в ямных захоронениях лесостепи, и практически не встречающейся на степных памятниках, является значительная глубина могильных ям.

Таким образом было бы не совсем верно связывать все отклонения от “зливкинского” погребального обряда, встречающиеся на лесостепных ямных могильниках, исключительно с влиянием алан. Во многом разнообразие вариантов праболгарского погребального обряда объясняется различиями в традициях болгарских племен (Красильников К.И. 1980., с. 19) и принадлежностью памятников к разным этапам бытования салтово-маяцкой культуры. На основании имеющихся на сегодняшний день данных, сложно сказать что-то конкретное об участии праболгарских племен, оставивших ямные могильники в лесостепи, в процессе слияния степного и лесостепного этносов. Если значительное число брахикранов фиксируется в погребениях катакомбных могильников, то долихокранной примеси в составе погребенных в ямных могильников пока не выявлено. То есть, на сегодняшний день можно вести речь только о поглощении аланскими племенами отдельных представителей болгар. Вопрос о процессе включения в болгарский этнос аланских элементов остается открытым.

Литература

Березовец Д.Т. 1962.,Раскопки в Верхнем Салтове в 1959-1960 гг. // КСИА АН УССР, вып. 12. Киев.

Красильников К.И. 1980., Население Среднедонечья в VIII - начале X веков. Автореферат дисс. на соискание степени кандидата ист. наук. М.

Плетнева С.А. 1967., От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА № 142. М.

Плетнева С.А. Николаенко А.Г. 1976., Волоконовский древнеболгарский могильник // СА № 3.

Плетнева С.А. 1981., Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска - Преслав, 2. София.

Плетнева С.А. 1989., На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.

Плетнева С.А. 1999., Очерки хазарской археологии. М.

Татаринов С.И. Копыл А.Г. Шамрай А.В. 1988., Два праболгарских могильника на Северском Донце // СА № 1.

Флеров В.С. 2000., Аланы центрального Предкавказья V - VIII веков. Обряд обезвреживания погребенных. М.

Швецов М.Л. 1983., О нижнедонской группе салтово-маяцких памятников // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.

Н.А.Хан (Киров)

О ПОСТУПЛЕНИИ КУФИЧЕСКОГО СЕРЕБРА НА НИЖНЮЮ ВОЛГУ В X В.

В современной науке прочно утвердилось мнение о том, что с начала X в. 90 % монет кладов Восточной Европы составляли монеты Саманидов. Согласно периодизации денежного обращения на территории Восточной Европы, предложенной Р.Р.Фасмером и развитой В.Л.Яниным, в третьем периоде восточной монеты, как установлено А.В.Фоминым, саманидское серебро поступало двумя монетными потоками через Волжскую Булгарию и Хазарию (Фомин А.В., 1988, с.196).

В Волжскую Булгарию и Хазарию путь восточной монеты начинался с линии аш-Шаш - Ферава, т.е.сухопутный монетный поток фомировался в глубинах саманидской державы - восточного Мавераннахра и западного Хорасана. Волжский путь документируется

тремя бувейхидскими кладами, сообщение о которых впервые сделал А.Ф.Лихачев (1887, с.2-3).

Сухопутный путь в Волжскую Булгарию документируется синхронными кладами, найденными как на территории Мавераннахра (Кочнев Б.Д., 1996, № 3, 6), так и в устье Камы, куда в 1Х в. сместился торговый и первалочный центр, связывающий Азию и Европу (Хан Н.А., 1998, 2001). Этот путь подтверждается сообщением Ибн Фадлана, писавшего о перевалочно-торговом характере торговли купцов-русов, пускавших по пути следования караванов оборот деньги-дирхемы, основным товаром которых были рабы (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1985, с.110).

Показателен небольшой клад, обнаруженный в степи в 50 км. к югу от ж.д.станции Красный десант в Астраханской области, введенный в научный оборот Г.А.Фёдоровым-Давыдовым (Фёдоров-Давыдов Г.А., 1988,.с. 47, № 55), Диапазон чеканки 294/906-907 г. - 306/918-919 г., - минимален - 12 лет, что не может вызвать сомнений о мгновенном выпадении монет данного клада из состава денежного обращения на валютных рынках Мавераннахра. (Табл.1).

Табл.1. Эмиссионное распределение клада Красный десант (по Г.А.Фёдоров-Давыдову)

	900-909	910-919
Андераб	1	2
Самарканд		6
Шаш	1	1

* Учитывается 11 определяемых монет.

Поскольку более половины состава клада было выпущено в Самарканде, а также если принять во внимание, что 3 монеты, являющиеся младшими, также эмитированы на данном монетном дворе в 306/918-919 гг., то напрашивается мысль о том, что рассматриваемый клад выпал из потока саманидского дирхема в Хазарию, стартовавшего в Самарканде.

В Ставропольском уезде Самарской губернии в 1856 и 1890 гг. было обнаружено два клада куфических монет. Первый из них, по данным П.С.Савельева, состоял из 50 целых и 40 разрубленных монет с двумя младшими монетами, выпущенными в Шаше и Самарканде в 328/340г[1]. (Табл.2).

Табл.2. Эмиссионное распределение состава клада Ставропольского уезда Самарской Губернии (по П.С.Савельеву) (Марков А.К., с. 41. С. №227; Изв.РАО. Т.1. с.192-194)*.

	891-900	901-910	911-920	921-930	931-940
Самарканд				10 (24,39)	5 (12,2)
Шаш	2 (4,88)			7 (17,08)	3 (7,32)
Нисабур		2 (4,88)			1(2,44)
Балх				1(2,44)	
Андераб			2 (4,88)		
?			1(2,44)	4(9,76)	3 (7,32)
ИТОГО:	2 (4,88)	2 (4,88)	3 (7,32)	22 (53,68)	12 (29,28)

* Учитывается 41 определяемая монета

[1] хотя не исключено, что младшая монета может б. 32*(9-?) г. чекан Самарканда.

Если сюда присовокупить 3 монеты, чеканенные в Самарканде с нечитаемым или стертым годом, тогда их число составит 18, а по отношению ко всему объему клада более 40 %.

Поскольку клад пограничный, то соотношение двух младших хронологических групп, составляющее 0,54 (12 к 22), может показаться противоестественным, и как установили в свое время В.Л.Янин и А.В.Фомин, обновление хронологического состава кладов тем выше, чем выше скорость движения монетного потока. Однако почти двукратное превалирование хронологической группы предшествующей младшей позволяет придти к мнению. о том, что данный клад образовался в результате внутреннего денежного обращения в среде местного населения, т.е. не является транзитным. Возможно, что чекан 930-х гг. проследовал через данный район транзитом, к чему должны привести дальнейшие наблюдения. Характерно, что в двух младших хронологических группах отсутствуют монеты Балха и Андераба.

Остановимся на кладе, найденном у д. Мусорки Ставропольского уезда Самарской губернии (Марков А.К., 1910, с.41.№ 229; РА ИИМК. Ф.1, оп.1, 1894. Д. 194, л. 4 и об.). /Табл.3/.

Табл.3. Эмиссионное распределение состава клада д.Мусорки 1890 г.*

	930-939	**940-949**	**950-959**	**960-969**	**970-979**	**980-989**
Сари					1(4,16)	
Амоль						1(4,16)
Астрабад			1(4,16)			
Джурджан						
Зиярдск. (неопред.)				1(4,16)		
Басра						1(4,16)
Арраджан					1(4,16)	
Шираз			1(4,16)			
Салоридск.					1(4,16)	
Балх			1(4,16)			
Самарканд	1(4,16)			2 (8,32)	3(12,48)	
Саманидск. (неопред.)					9(37,44)	
И т о г о:	1(4,16)	0	3(12,48)	3(12,48)	15(62,4)	2 (8,32)

*Учитывается 24 монеты.

Младшей монетой клада является бувейхидский дирхем, битый в Басре в 377/988-989 (?) г., которая выглядит весьма индивидуально по сравнению с остальным составом клада, хотя и образует с предшествующей ей зияридской монетой эмира Кабуса 369/380 г. самостоятельную хронолого-географическую группу.

Автором высказывалось мнение о том, что в Восточную Европу куфическая монета поступала двумя потоками - волжским и сухопутным. В этой связи рассматриваемый клад, как достаточно поздний представляет интерес в том плане, что выпал он на торговом пути, связывающий устье Волги и Камы и сухопутный путь с Волгой. Отсутствие саманидских монет в младшей хронологической группе показывает, что в 980-990-е годы район нижней Волги для саманидского дирхема был транзитным, а денежное обращение этого района характеризует хронологическая группа, представленная монетами, выпущенными в 970-х гг. Здесь преобладают саманидские монеты над монетами “западного” поступления из Южного

Прикаспия - Салориды, Бувейхиды, Зияриды как 12 к 3, составляя в целом 62,4 % состава клада.

Интересно отметить, что во время серебряного кризиса на Востоке, о чем в свое время писали В.Л.Янин, М.Е.Массон, Е.А.Давидович и А.В.Фомин, когда в связи с истощением рудников в аш-Шаше резко уменьшилось поступление восточной монеты Европу, что наглядно показывали в своих работах В.Л.Янин и А.В.Фомин, соотношение в этой связи хронологической группы 70-х гг. к предшествующей выглядит пятикратным (15 к 3) и, справедливости ради, добавим, что такое же соотношение (15 к 3) данная хронологическая группа имеет и к монетам, эмитированным в 950- х гг. Равный процент состава клада монет 50 и 60-х гг. X в. клада Мусорки, позволяет предположить , что в условиях дефицита серебра население удерживало в обращении монеты данных выпусков, которые, как видно из табл.3, поступали на нижнюю Волгу как из Средней Азии, так и южного побережья Каспийского моря.

Основная хронологическая группа монет клада, наконец, представленная, казалось бы, большим числом монет, эмитированных в Мавераннахре, показывает, что большинство из них были обломки. Это особенность, присущая всем кладам четвертого периода обращения куфического дирхема в Европе, отмеченная в свое время В.Л.Яниным (Янин В.Л., 1956, с.133). Последнее согласуется с материалами синхронных кладов, происходящих из страны-эмитента - Саманидской державы, вводимых в научный оборот А.Атаходжаевым и Б.Д.Кочневым.

Рассмотренные в данной публикации клады позволяют не только подтвердить высказывающееся в литературе мнение о преобладании монет саманидской чеканки в русском денежном обращении, но и конкретизировать Мавераннахрскую составляющую саманидского серебра, которая, как представляется, больше зависела от эмиссии Самаркандского монетного двора.

.Астраханский клад Красный десант, также как и клады, происходящие из Самарской губернии, не позволяют согласиться с точкой зрения, иногда проскальзывающей в западной историографии, о том, что путь саманидской монеты в Европу шел в обход Хазарского каганата. Путь саманидской монеты в Европу шел как через Хазарию, так и через Волжскую Булгараию (Фомин А.В., 1995, с.72).

Литература.

Кочнев Б.Д. 1996. Клады серебряных монет X в. из Узбекистана // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез.докл. М. 1996. С.36-38.

Лихачев А.Ф. 1887. Чистопольский клад второй половины X века, открытый в 1885 году // Записки Восточного отделени Русского археологического общества. Т.Р.Вып.!.СПб. С.33-61. /Отд.отт./.

Марков А.К. 1910. Топография восточных монет (сасанидских и куфических). СПб. 144 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А., 1985. Монеты - свидетели прошлого М.:МГУ. 176 с.

Федоров-Давыдов Г.А. 1988. Находки восточных монет УШ-ХШ вв в Восточной Европе // ЭВ.24. С.44-56.

Фомин А.В., 1988. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам в X в. // СА. № 4. С.187 198.

Фомин А.В. 1995. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70-80-х годах X в. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1992-1993 годы. М.: Наука. С.63-72.

Хан Н.А. 2001. Замечания о путях поступления восточного серебра в Европу в X в. // Предпринимательство и благотворительность в России. Киров (в печати).

Янин В.Л. 1956. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: МГУ., с.207

Гуренко Л.В., Ситников А.В. (Волгоград)

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ АТИЛЯ И САКСИНА

Одним из главных факторов выбора места будущего города являлось выгодное географическое положение. Это в полной мере относится к Волго-Донской Переволоке (в

районе современного Волго-Донского канала), игравшей важную роль в средневековье. В Нижнем Поволжье, по письменным источникам, существовали такие крупные города эпохи средневековья, как Атиль и Саксин. Есть основания предположить, что данные города находились на месте Переволоки.

Первым городом, возникшим на Нижней Волге была столица Хазарского каганата г. Атиль (Итиль), которая была основана после арабо-хазарских войн. Одним из важных вопросов в изучении Хазарского каганата является географическая локализация этой столицы и отождествление ее с конкретным археологическим объектом. В науке стала преобладающей точка зрения об нахождении Атиля в дельте Волги, который был уничтожен колебаниями уровня Каспия и Волги. В то же время необходимо отметить иное мнение, осторожно высказанное С.А.Плетневой (1990), которая считает, что культурный слой Атиля был перекрыт современной застройкой г. Волгограда. Необходимо учесть, что по свидетельству арабских авторов, здания Атиля и Саксина представляли собой легкие деревянные постройки, стационарные юрты, палатки. Поэтому первые города кочевников сохранились до наших дней гораздо хуже, чем, к примеру, золотоордынские поселения, и об их местонахождении может указывать тонкий культурный слой, который практически не выделяется при визуальном осмотре поверхности земли.

Ниже приведенный анализ письменных и археологических источников, при внимательном их рассмотрении, позволяет говорить о не без основательности точки зрения С.А.Плетневой. Хазарская столица с разными названиями ее частей (левобережной и правобережной) упоминается в многочисленных арабо-персидских источниках, а также в еврейско-хазарской переписке. Отечественная историография отмечает их крайнюю противоречивость, географическую путанность, компилятивность. В то же время ряд средневековых сочинений имеет довольно ценные сведения, дающие представление о географической локализации Атиля.

В частности, у Масуди, в связи с походом русов на Каспий в 913-914 гг., имеются сведения о нахождении значительного отряда хазарского войска на перешейке между Доном и Волгой. По его словам, русы получив разрешение у хазарского царя, переволокли свои суда с Дона на Волгу у того места, где находилась хазарская столица Атиль, а затем спустились по реке в Каспийское море (Микульский, 1998). Масуди сообщает о том, что в хазарской столице Атиле сходятся пути из Киева (через Дон - Л.Г., А.С.) на булгар и Абаскун (город порт на ЮВ побережье Каспия).

О том, что столица Каганата находилась, вероятно, на Переволоке и играла важную роль в транзитной торговле упоминает также Ибн Хордадбех. Он указывает: "Если они (купцы Л.Г., А.С.) отправляются по Танаису - реке славян, то проезжают мимо Хамлиджа, города хазар. Их владетель (сахиб) также взимает с них десятину. Затем они отправляются по морю Джурджан (Каспийское море - Л.Г., А.С.) и высаживаются на любом берегу." (Ибн Хордадбех, 1986).

Согласно карте Идриси, где-то в районе современного Волгограда, между Ергенями и Волгой указан город Хамлидж. Практически все исследователи указывают, что Хамлидж являлся частью Атиля и его название в переводе А.П.Новосельцева (1990) происходит от древнееврейской формы "ha-малех" ("царь"). Так могли назвать свою резиденцию в IX в. хазарские цари, принявшие иудаизм. В этом контексте интересна точка зрения венгерского исследователя И. Немета, увидевшего в топониме "Царицын" название одной из частей столицы Хазарии Сарыгшин (цит. по Г.П. Самойлову, В.И. Супруну, 1989).

Нет большой необходимости говорить о значении водных путей, в т.ч. Донского и Волжского, которые связывали Болгар, Русь, государства Востока, Византию, Европу, и какое стратегическое значение имела в связи с этим Переволока - крупный торговый узел. В этот регион стекалась основная статья дохода Хазарского каганата - различные сборы и

пошлины, о чем говорил Ал-Истахри (Б.Н.Заходер, 1962). Теперь нетрудно сделать вывод об их концентрации в столичном центре.

Ал-Истахри, указывая расстояние от Атиля к булгарам по степным дорогам, писал, что оно равнялось 1 месяцу (около 1000 км, из расчета в среднем около 30 км в день - Л.Г., А.С.) или по воде, вверх по течению - два месяца, вниз по течению - 20 дней. Учитывая это, видно, что Атиль не мог находиться в дельте Волги, а располагался выше ее - где-то на широте современного Волгограда.

В ответе на письмо Хасдая ибн-Шафрута, хазарский царь Иосиф дал описание своей страны, городов и проживающих в ней народов. В частности он сообщает, что начинает весеннюю кочевку от большого озера, в котором С.А.Плетнева (1986) усматривала озеро Сарпу (южная окраина г. Волгограда). В связи с этим выглядит не совсем логичным локализация ставки царя в дельте Волги, на значительном расстоянии от места начала кочевки.

При описании столицы, Иосиф, а также арабские писатели упоминают такую деталь, что дворец царя находится на острове. Вероятнее всего под ним подразумевался о. Сарпинский (напротив Волгограда), который был широко известен средневековым авторам. В пользу этой точки зрения говорят естественно-географические исследования. Согласно им, Сарпинский является единственным островом не затопляемым в нижнем течении Волги.

Локализация Атиля в дельте Волги мало вероятна еще и потому, что при регулярных колебаниях уровня Каспия город постоянно бы затоплялся. В подтверждение этого говорят исследования ряда ученых. И.В.Иванов, И.Б.Васильев (1995) указывают на то, что повышение уровня Каспия в VIII-X вв. достигало 7-10 метров. До зарегулирования стока Волги пойма затапливалась талыми водами с начала апреля до половины июля (Природные условия и ресурсы Волгоградской области 1996). По мнению Г.А.Федорова-Давыдова (1994), даже Селитренное городище, находящееся в двухстах километрах выше Каспия в XIII веке превращалось в морской порт, а нижнее течение становилось большим заливом Каспийского моря.

В подтверждение письменных источников, говорящих о локализации хазарской столицы на территории города Волгограда или его окрестностей имеются данные археологии. На территории г. Волгограда памятники салтово-маяцкой культуры были выявлены: в Кировском, Красноармейском районах (по одному поселению в каждом), зафиксировано по одному грунтовому погребению в Центральном, Ворошиловском, Советском районах, а так же грунтовый могильник в Красноармейском районе. По данным Е.В. Круглова (1990), большое количество подкурганных захоронений хазар, сконцентрировано в районе Сарпинских озер, что может указывать на постоянное кочевание крупного хазарского объединения в этом ареале. На фоне этих археологических материалов, в дельте Волги практически не известны памятники салтово-маяцкой культуры. Сочетание данных археологии, письменных источников и основываясь на мнении С.А. Плетневой о начале кочевания хазар от Сарпинских озер, позволим себе предположить, что Атиль находился, вероятно, поблизости от южной окраины г. Волгограда.

В 968/69 г. походом князя Святослава был нанесен сокрушительный удар по Хазарскому каганату, которым фактически была завершена политическая жизнь этого государства. Основной удар был нанесен по городским центрам - Саркелу, Семендеру, Атилю, которые потеряли свое былое величие и не смогли возродиться в прежнем виде.

В последний период существования Хазарского каганата большую угрозу для его существования представляли кочевые племена печенегов и торков, которые после его падения становятся господствующей силой в Нижнем Поволжье. Основной массив памятников торческо-печенежского времени на Нижней Волге сосредоточен в окрестностях г. Волгограда и заволжской зоне. В частности, на территории Красноармейского района г. Волгограда были обнаружены подкурганные погребения этого периода. После установления

политического господства половцев в Южно-Русских степях Нижнее Поволжье продолжало оставаться ареалом обитания торков и печенегов. Немногочисленные погребальные памятники половецкого времени (конец XI - начала XIII вв.) по своему обряду близки торческо-печенежским захоронениям, а редкие памятники, связываемые непосредственно с половцами, относятся уже к предмонгольской эпохи, в частности, это единичные находки каменных изваяний поздних типов. По мнению Г.А.Федорова-Давыдова (1969), в XIII - XIV вв. в Нижнем Поволжье складывается локальный вариант кыпчакской кочевой культуры, которая, по всей видимости, сформировалась при самом непосредственном участии торческо-печенежского населения. О том, что торческо-печенежское население не растворилось в кыпчакской среде, говорят данные андалузского купца Ал-Гарнати. Он сообщает о существовавшем в XII в. Саксине - городе гузов (торков), хазар, болгар и сувар. В XIII в. об этом городе сообщают Казвини, Юлиан. Данные о Саксине имеются в арабской географической и исторической литературе XIV-XV вв., а так же в европейских источниках. По мнению В.Ф.Минорского (цит. по М.И.Артамонову, 1962), часть города Атиля называлась Сарышин, которое в позднее время трансформировалось в Саксин. В науке преобладающей точкой зрения является мнение, что Саксин - это отстроенный квартал Атиля. О возможной локализации этого города в районе Волгограда указывают данные ал-Бакуви, говорящего, что Саксин находился поблизости от Сарая-Берке. У ад-Димешки имеется упоминание о "Саксинских горах", под которыми он подразумевал Ергени. В золотоордынский период на область нижневолжских степей и ее жителей распространяется имя города Саксин.

Таким образом, можно предположить, что Атиль и Саксин находились на территории современного г. Волгограда, в районе его южной части.

Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В. (Астрахань)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ НА САМОСДЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ В ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

О наличие на землях Самосделки археологического памятника было известно еще в конце XIX века. 17 июля 1898 года секретарю Стат. комитета Зубовичу было предложено «отправится для исследования в археологическом отношении местности против села Самосделки по углу реки Старой Волги и Бирюль. Предстоит сделать описание этой местности, произвести в назначенных пунктах раскопки, составить опись найденным вещам, сдать их в Петровский музей на хранение и представить мне отчет по поездке. На расходы по проезду, найму рабочих и покупку инструментов ассигнуется Вам сумма в количестве 50 рублей.» (Госархив Астраханской области, Ф. 37).

Вновь городище Самосделка было открыто только через 90 лет в 1989 году учителем местной сельской школы Пуховым А.А. Принесенные им в Госдирекцию охраны памятников истории и культуры обломки лепных и гончарных керамических сосудов и другие археологические артефакты датировались IX-XIV веками н.э. Если археологические памятники XIII-XV веков, т.е. эпохи Золотой Орды изучаются на территории Астраханской области уже довольно давно, по крайней мере с середины 60-х годов прошлого века, то памятники IX-XII веков практически не исследовались, этот период до сих пор остается белым пятном в истории нашего края. Поэтому значение вновь открытого памятника трудно переоценить.

Археологические работы на памятнике с 1990 по 1995 гг., организованные Госдирекцией по охране памятников носили рекогносцировочный характер. Они были связаны, в основном, со сбором подъёмного материала и составлением топоплана городища (Котеньков, 1990-1995 гг.).

Самосдельское городище располагается в 40 км ниже Астрахани, в Дельте. Само городище находится на правом берегу современного русла Волги, которая в данном месте называется Бирюль. Предполагаемой восточной границей городища является современное русло реки, северной и северо-западной – старое пересохшее русло Волги – ерик Воложка (Старая Волга). Воложка заполняется водой лишь в годы высоких паводков и тянется с северо-востока на юго-запад. Ерик отходит от современного русла напротив села На "мысу" между старым и новым руслами находится невысокая (до 3-х метров от поверхности воды) всхолмлённая возвышенность, образованная напластованиями культурного слоя городища. Длина возвышенности, вытянутой вдоль старого русла Волги – с северо-востока на юго-запад – около 2 км, ширина – около 500 - 700 метров. На поверхности возвышенности отмечена наиболее высокая концентрация подъёмного материала. Граница распространения подъёмного материала на юге – два глубоких пересохших ерика, отмечающих расположение старых протоков Волги. В северо-восточной части возвышенности располагаются жилые и хозяйственные постройки Самосдельской животноводческой фермы №3, а также сенохранилище.

Значительные выходы культурного слоя наблюдаются в 1,5 км к юго-востоку от фермы, где река на повороте подмывает береговой обрыв, в районе паромной переправы. Здесь массовыми находками являются фрагменты лепной керамики. К сожалению, на этом участке культурный слой городища залегает ниже современного уровня стояния воды или непосредственно на этом уровне. Площадь между основной частью городища и паромной переправой занята рисовыми полями, поэтому сказать что-либо о наличии там культурного слоя пока трудно. Скорее всего, городище тянулось вдоль по берегу Бирюля (Старой Волги) от современной фермы до современной паромной переправы вдоль русла реки, что составляет около 2 км.

Как известно, в 50-х гг. XX века, пока не была насыпана берегоукрепительная дамба от фермы до парома и пересыпаны наиболее глубокие ерики, местность южнее сенохранилища ежегодно заливалась водой в половодье, а в период низкого стояния воды оставалась заболоченной. До 20-х и даже 30-х годов XX века ерик Воложка ещё оставался полноводным руслом и был судоходным. Поэтому можно предположить, что в древности основная часть городища располагалась на острове посреди Волги, который отделялся протокой от восточной части городища в районе современной паромной переправы, то есть городище состояло из двух частей как минимум – северной правобережной (главной, расположенной на островке) и южной правобережной (низинной). Топографический план городища, снятый в 1994-1995 гг. наглядно показал, что главная часть городища располагалась на островке, окружённом пересохшими протоками. В 1994 году было выявлено наличие культурных напластований на левом берегу Старой Волги, на территории села Самосделка, а именно – на бэровском бугре, где расположены современные мусульманское и христианское кладбища. Кроме того, находки древних монет и керамики известны и на территории села.

Наиболее мощные культурные отложения – около 2 –2,5 метров – располагается в центральной части возвышенности около фермы (на древнем островке). С удалением от "центра" городища мощность культурного слоя уменьшается. Культурные отложения перекрыты по поверхности мощным слоем окатанных водой обломков керамики, костей животных, обожжённого кирпича, смешанных с большим количеством речной ракушки. Наличие этих отложений свидетельствует о долговременном периоде затопления городища.

Производившиеся в 1992 году ограниченные раскопки на территории городища выявили в верхних слоях памятника наличие построек из ломаного кирпича, вероятно, вторичного использования. В бортах противопожарных траншей нашли отражение многочисленные хозяйственные ямы грушевидной формы, землянки и полуземлянки, а также кирпичные постройки из обожжённого и сырцового кирпича разнообразных форматов.

В 2000 году комплексной археологической экспедицией под руководством одного из авторов были начаты масштабные раскопки в островной части городища – на самой высокой

её точке (высота от современного уреза воды – около 4 метров). Раскоп площадью 100 кв. м. был заложен с таким расчетом, чтобы продолжить и расширить раскоп 1992 года.

Не смотря на ограниченную площадь, на глубине 10-15 см от поверхности было выявлено большое количество сооружений (стен) из обломков обожжённого кирпича вторичного использования на глинистом растворе. Необходимо отметить чрезвычайную плотность застройки в островной части городища. Небольшие по площади жилища (землянки и полуземлянки), которые отапливались тандырами при помощи системы канов, располагались очень тесно, котлованы жилищ прорезали более древние постройки. Пока сложно говорить о количестве строительных периодов, исследованных в раскопе – неясно даже количество сооружений – настолько сложна стратиграфическая ситуация на памятнике. Прояснить её может лишь дальнейшее расширение и углубление раскопа. Видимо, строители жилищ старались использовать максимально не только площадь, но и строительный материал: весь или почти весь кирпич, даже обломки из стен сооружений предшествующих периодов использовался вторично. Этот факт тоже вносит определённую трудность в определение последовательности возникновения сооружений.

Некоторыми особенностями обладает и кирпич, использовавшийся при строительстве жилищ но городище – во-первых, практически все кирпичи сделаны из теста грубого замеса, с большой примесью органики, поэтому они очень пористые и рыхлые, что не характерно для золотоордынских кирпичей. Во-вторых, помимо кирпичей стандартов 22х22х4 см и 24х24х5 см на городище очень часто встречаются кирпичи стандартов 32х32х8-9 см, 39-40х39-40х8-9 см, что также нехарактерно для золотоордынской строительной традиции. В третьих, несмотря на то, что кирпичи в расчищенных стенах уложены на глинистом связующем растворе, многие из них сохраняют следы известкового раствора, что указывает на их вторичное использование.

Раскопками был вскрыт, скорее всего, самый поздний, золотоордынский слой городища. Однако, выбрав заполнение современной силосной ямы, попавшей в границы раскопа, мы опустились до материкового слоя, который находится на глубине 280 см от современной поверхности. Это позволило уточнить характер находок из различных слоёв. На уровне материка были обнаружены остатки сгоревшей турлучной хижины. Из того же слоя происходили обломки красноглиняных лепных сосудов огузского облика и булгарской красноглиняной гончарной посуды с вертикальным полосчатым лощением.

Находки как с поверхности таки из раскопа можно условно разделить на следующие хронологические группы: 1-находки золотоордынского времени – сфероконусы, "коньки", монеты, фрагменты золотоордынской керамики, как неполивной, так и поливной, которые составляют незначительный процент от общего количества находок. Монеты, обнаруженные в островной (северной правобережной) части городища, датируются периодом с X в. (золотые арабские и бухарские серебряные) по начало XIV в.; 2-находки домонгольского времени – круговая красноглиняная лощёная керамика, а также богато украшенная лепная серо- и красноглиняная целая и фрагментированная посуда со следами кострового обжига, фрагменты и целые формы сероглиняных гончарных кувшинов с выделенным сливом, украшенных лощением. Данный керамический материал можно датировать IX – XII веком. При детальном рассмотрении находок, в частности, керамических изделий, можно заметить, что, как среди подъёмного материала, так и среди находок из траншей, в большом количестве встречается посуда, аналогии которой имеются среди материалов многих памятников эпохи позднего Хазарского каганата – Саркела-Белой Вежи, Маяцкого археологического комплекса, Муромского городка, Булгара, Биляра, Андрейаульского городища и многих других.

Исходя из вышесказанного, хронологию существования городища можно представить следующим образом: возникновение городища следует отнести к концу VIII – началу IX вв. Об этом говорит керамика хазарского времени как лепная, так и гончарная керамика, среди которой выделяется аланская и булгарская. Особую группу керамики составляют лепные со-

суды, аналогии которым можно встретить на выделенных С.П. Толстовым так называемых "болотных " городищах в низовьях Сыр-Дарьи, где они датируются VIII – началом IX вв. Кроме того, среди находок на городище имеются образцы импортной керамики (в основном, хорезмийской и иранской). Именно гузы, на наш взгляд, составили основу населения городища в позднехазарское время. В начале IX века происходит изменение русла Сыр-Дарьи, что вызывает массовое переселение гузов на юг и на запад, в том числе на Устюрт и, как видно по находкам на Самосдельском городище, в низовья Волги.

Переселявшихся из Северного Хорезма и с низовий Сырдарьи гузов можно связать с известной по письменным источникам наёмной гвардией хазарских царей (ларсиями или ал-арсийа), которые несли службу хазарскому царю и защищали восточную границу государства от набегов печенегов (кстати, гузский гарнизон Саркела, по мнению М.Н. Артамонова, охранял западную границу Хазарии от набегов русов и тех же печенегов).

После падения каганата, судя по непрерывности стратиграфии городища, жизнь на памятнике продолжается, и в X-XII веках здесь появляется оригинальная керамика, сочетающая черты гузской, булгарской и хорезмийской. Эта особенность позволяет предположить, что население, сохраняющееся в дельте Волги в домонгольский период, превращается в новую культурную общность, известную нам из летописей как саксины. Основная часть населения продолжает сохранять свои гузские корни, это согласуется с сообщением и письменных источников. Так, ал-Гарнати говорит, что Саксин – это город гузов, однако в нём проживают и булгары. На Самосдельском городище, как уже указывалось, было обнаружено больше количество гончарной керамики булгарского облика, что позволяет рассматривать его как один из центров формирования материальной культуры саксин, которая, кстати, до сих пор ещё не выделена в археологическом материале. Это еще больше увеличивает ценность городища с научной точки зрения. Исследования последних лет выявили ряд новых памятников в дельте Волги, которые также можно связать с культурой саксин.

В XIII веке город захватывается монголами и разрушается. (Здесь уместно вспомнить слова Рубрука о городе Суммеркенте в дельте Волги: "При среднем рукаве (Волги) находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда вода разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нём Аланы и Саррацины"). Ордынское поселение на территории городища небольшое – оно занимает лишь островную часть. Вероятно такое сокращение площади произошло вследствие подъёма уровня воды в Волге. Самые поздние ордынские монеты в островной части городища, относятся к началу XIV века. Возможно, именно в это время жизнь на городище замирает. Наиболее вероятной причиной этого, по всей видимости, явилось затопление его территории, (об этом же говорит мощный слой окатанной керамики и ракушки), а в левобережной части городища, где была обнаружена монета хана Кильдибека, население оставалось до периода "Великой замятни", до 1360-х гг.

Большие размеры памятника, его сложная планиграфия, мощность культурных отложений и насыщенность их находками, расположение одной из частей городища на древнем острове, а также наличие там слоёв хазарского времени ставят Самосдельское городище в ряд наиболее значительных памятников домонгольского периода в дельте Волги.

Бронникова М.А, Зазовская Э.П., Аржанцева И.А. (Москва)

ГОРОДИЩЕ «САМОСДЕЛКА»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОМПЛЕКСНЫХ ПОЧВЕННО-ЛАНДШАФТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Представляется очевидным, что общие тренды и региональные особенности культурно-исторического развития определяются не только социальными: этническими, политическими, религиозными причинами, но также в существенной мере контролируются условиями природной среды. Возникновение и эволюция поселений, их экономика, характер хозяйствования, расцвет и упадок, миграционные процессы во многом зависят от природных условий: климата, ландшафта, их эволюционных изменений, сырьевых ресурсов территории, а также от степени адаптации населения к региональным ландшафтным условиям. С другой стороны, вторжение человека в ландшафт, особенно его хозяйственная деятельность, нарушая природное равновесие, неизбежно отражается в ландшафте, а иногда может иметь длительные или даже необратимые последствия как для человека, так и для компонентов природной среды. То есть с момента вторжения человека в ландшафт, развитие общества и эволюция данного ландшафта неразрывно связаны и во многом взаимообусловлены. Представления о среде обитания человека, взаимосвязях культуры и ландшафта дают возможность более адекватно, полно и глубоко понять материальную культуру и культурно-исторические процессы. Данные археологических исследований, как правило, не дают прямой информации об условиях среды, соответствующих времени существования памятника. Такая информация может быть получена только в результате комплексных, междисциплинарных исследований.

Летом 2000 г. были начаты комплексные исследования городища "Самосделка", датируемого IX - XIV в.в., долгосрочной задачей которых является реконструкция жизни поселения, включающая характеристику палеоландшафтной обстановки и ее изменений, а также хозяйственной деятельности населения. В настоящем докладе изложены результаты анализа библиографических материалов, касающихся характеристики современных природных условий территории, эволюции природных условий в последнем тысячелетии, а также результаты рекогносцировочных ландшафтно-почвенных исследований территории памятника и его окрестностей.

Палеогеографичекие реконструкции природной среды возможны только с учетом знаний о современных природно-климатических условиях исследуемой территории. Поэтому необходимо привести основные физико-географические и ландшафтные характеристики территории района исследования.

Климат Астраханской области в целом самый засушливый и континентальный на территории Русской равнины. В Камызякском районе, на территории которого расположен исследуемый памятник, климатические условия складываются под воздействием двух микрорегиональных факторов: близости полупустыни, с одной стороны, и Каспийского моря – с другой. Подрайон характеризуется сухим, жарким климатом, малым количеством осадков – 150 – 200 мм. Среднегодовая температура воздуха составляет +9,0˚ С. Самый холодный месяц январь со среднемесячной температурой воздуха –6,7˚С, самый жаркий – июль со среднемесячной температурой - +24,4˚С. За теплый период в среднем 64 дня с суховеями. Вегетационный период, определяемый переходом температур через порог +10˚С длительный: вегетация растений возобновляется в начале апреля, заканчивается в первой половине октября. Продолжительные паводки (до 60 дней после зарегулирования стока р. Волги) существенно сокращают период вегетации на затапливаемых участках.

Городище "Самосделка" расположено в западной части центральной дельты р. Волги, представляющей собой аллювиальную равнину с густой сетью рукавов, проток, ериков, стариц. Территория городища в настоящее время находится в зоне влияния нагонных явлений катастрофического характера (Атлас Астраханской области, 1997; Неотложные мероприятия…, 1992).

Исследуемая территория с поверхности сложена различными фациями аллювиальных отложений, общая мощность которых в данном районе составляет 5 - 10 м. Культурный слой поселения залегает в верхней толще современных аллювиальных отложений.

Современный растительный и почвенный покров сильно нарушен хозяйственной деятельностью, носит явные следы антропогенного опустынивания. В почвенном покрове преобладают луговые почвы различной степени засоления. Растительность представлена сильно остепененными луговыми и лугово-болотными ассоциациями с участием солевыносливой флоры. Древесная растительность распространена исключительно по берегам рек и ериков. Единственной лесообразующей породой является ветла.

Основным отличием Волжской дельты от других крупных дельтовых систем является положение на границе с замкнутым бассейном Каспийского моря, колебания уровня которого не зависят от Мирового океана. Периодически повторяющиеся трансгрессии и регрессии моря оказывают значительное влияние как на прибрежные территории, так и на положение самой дельты, вследствие чего ее ландшафты отличаются большой пространственной и временной изменчивостью.

Данные о вековых изменениях уровня Каспия довольно противоречивы. Исследователями выделяются разные временные интервалы спада и подъема уровня моря. Коснемся интересующего нас периода и приведем на наш взгляд наиболее доказательные реконструкции уровня Каспия.

Анализ картографического и историко-архивного материала, проведенный Л.С.Бергом (Берг, 1934), показал, что в историческое время уровень Каспия не поднимался выше +4 м над уровнем 1925 года (-26,2) или –22,2 м абс. высоты. Берг считает, что в X веке уровень Каспия, если он был выше современного, не мог стоять много выше.

По Рычагову (Рычагов Г.И.,1996) 2000 лет назад, во время дербентской регрессии, уровень понижался до –34 м. абс. В начале XIV в. уровень стоял довольно низко (от –27 до –32 м абс.); затем началось его резкое и быстрое повышение. Рычагов не разделяет мнения многих исследователей, что в конце XVII – начале XIX вв. уровень моря повышался до отметки – 24 или даже –22, -21 м абс., доказывая, что после дербентской регрессии уровень моря не располагался выше –25 м. абс.

По данным Варущенко с соавторами (Варущенко и др., 1984) в VIII –X вв. уровень стоял на отметках –35 – 36 м; в XI-XIII вв. - 31-34 м.;
в XIV - не выше –25-26 м.

Обобщенные данные (Геоэкологические изменения при колебаниях …, 1997) свидетельствуют о том, что в исторический период средневековое положение уровня составляет около –27 м абс. Вековая его тенденция могла изменяться от –0,4 м в столетие (с V до н.э. до VII в н.э.) до +0,3м (с VIII в. н.э. до нашего времени). В историческое время наибольшая частота стояния уровня (около 40%) лежит в пределах отметок –25 до –27 м абс.

Причиной изменения уровня Каспийского моря в историческое время большинство исследователей считают явления климатического порядка. Надо отметить, что не существует прямой связи между климатом и уровнем моря. Уровень зависит от количества осадков, испаряемости, летних температур, притоков поверхностных и подземных вод, постоянного стока. Изменения уровень моря запаздывают по сравнению с глобальными климатическими изменениями (Варущенко, 1987).

Анализ историко-архивного, картографического материала и данные спорово-пыльцевого анализа позволили Т.А.Абрамовой и В.И.Турманиной (1982) выделить следующие этапы развития природной среды Прикаспия в интересующем нас временном интервале. VIII-XII характеризовался развитием ксерофитного растительного покрова. Климат был сухим и жарким, море находилось в стадии дербентской регрессии. Уровень моря за этот период находился на 4-8,5 м ниже современного (Варущенко, 1980). Регрессия прерывалась некоторым подъемом уровня Каспия во второй половине X – XI в. Период с XIII по XVI вв. характеризовался более благоприятными условиями Вековые изменения растительности проявились в этот период достаточно резко. Трансгрессия Каспия, в XIV в., вызвала резкий

подъем уровня моря на 4,5 – 5 м по сравнению с современным. Степи продвинулись на юг и восток, заняв ряд местообитаний полупустынных и пустынных формаций.

Анализ современного картографического материала и сопоставление его результатов с библиографическими данными по абсолютным отметкам уровня Каспия в X - XIII в.в. позволяют утверждать, что территория исследуемого памятника функционировала в период существования городища в режиме поймы и находилась вне зоны опасности непериодических нагонных явлений.

Центральная часть городища, где культурный слой (КС) залегает с поверхности, а мощность его составляет более 2 метров, занимает доминирующие высоты между современным руслом Волги и крупным ериком, который предположительно являлся функционирующей протокой в период существования поселения. На пониженных участках КС перекрыт полойными аллювиальными отложениями мощностью до 80 см. Фрагментарно выходы маломощного КС встречаются в бортах Волги, где они перекрыты аллювиальным наносом мощностью более 1метра. Таким образом, можно утверждать, что окраина городища в период его функционирования располагалась заметно ниже по рельефу, чем его центральная часть.

Непосредственно объектами почвенных исследований явились поверхностные почвы, отражающие современную природную среду; почвы, залегающие в береговых обнажениях выше культурного слоя; погребенные современным аллювием предположительно около 200-300 лет назад; остатки почв, погребенных под КС и отвечающих природной среде времени возникновения поселения. Хроностратиграфический ряд перечисленных почв и разделяющих их аллювиальных отложений хранит информацию об эволюции природной среды с момента возникновения поселения до современности.

Исследования морфологии поверхностных и погребенных почв позволяют сделать предварительное заключение, что в целом региональные тренды ландшафтно-климатических изменений последнего тысячелетия, установленные на основе палеоботанических и палеопочвенных данных, (Абрамова, Турманина , 1982; Иванов, Васильев, 1995) нашли адекватное отражение также в почвах и аллювиальных отложениях дельты. Признаки интенсивного соленакопления в усеченном почвенном профиле под культурным слоем поселения, факт отсутствия гумусоаккумулятивного горизонта даже в почве, погребенной под крайне маломощным культурным слоем на окраине поселения, свидетельствующий об изначальной крайне небольшой мощности этого горизонта, могут служить свидетельством в пользу общей аридизации климата и ослабленной поемности (редких, невысоких и непродолжительных паводков) до возникновения и в период существования поселения. Значительная мощность отчетливо слоистых аллювиальных отложений, перекрывших культурный слой, хорошо развитые органоаккумулятивные горизонты почв, сформированных на этих отложениях, пониженное содержание карбонатов в верхних горизонтах, отсутствие в профиле почв морфологически выраженной аккумуляции солей, признаки подвижности органического вещества (наличие гумусово-глинистых пленок на структурных отдельностях), позволяют говорить о существенной гумидизации климата после 14 века. В морфологии современных почв записаны как окончание относительно более влажного периода их 200 – 300 летнего развития в виде реликтовых признаков (глинисто-гумусовые пленки), так и наступивший после него период аридизации и антропогенной деградации (засоления).

В береговых бортах Волги обнаружены прослои ракушечного детрита, залегающие непосредственно над культурным слоем. Выше этих прослоев залегает серия отложений с сильно гумусированными послоями, включающими угли. Кроме того, на одном из достаточно возвышенных участков городища описано перекрытие КС 80 см толщей руслового аллювия, включающего обилие переотложенных артефактов (костей и керамики). Подъемный материал на территории памятника часто окатан текучими водами. Эти факты позволяют утверждать, что территория городища на определенных участках была затоплена проточны-

ми водами довольно мощных водотоков. Признаки интенсивного размывания и переотложения культурного слоя памятника, вероятно, следует считать следами природных катастроф. Можно предположить, что катастрофические затопления территории относятся к периоду резкого и быстрого поднятия Каспия в XIV веке.

Необходимо отметить, что на настоящее время не существует работ, посвященных реконструкции палеоландшафтов в действующих дельтах. Традиционно используемые в палеопочвоведении подходы к реконструкции древних ландшафтных условий требуют значительной корректировки, с учетом крайне сложной и динамичной геолого-гидрологической ситуации дельтовой территории. Одной из задач и перспектив исследования является поиск достаточно консервативных в данных условиях признаков и свойств почв и отложений, которые позволят получить наиболее достоверную информацию об истории развития ландшафта.

Таким образом, проведенный анализ библиографического материала и рекогносцировочные почвенно-ландшафтные исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Период возникновения и функционирования поселения относится ко времени наиболее низкого за последнее тысячелетие уровня стояния Каспия и существенной аридизации климата в регионе.
2. Территория памятника "Самосделка", расположенная в настоящее время в средней дельте Волги, в период существования поселения функционировала в режиме поймы и находилась вне сферы действия катастрофических непериодических колебаний уровня Каспия.
3. Ландшафтно-климатические условия района исследований в период существования поселения, как и в настоящее время, наиболее благоприятствуют рыболовецко-скотоводческому типу хозяйствования. Лимитирующим фактором для развития земледелия являлась влагообеспеченность. Развитие пахотного земледелия как и в настоящее время возможно *только* при искусственном орошении. Природные ресурсы территории допускают также развитие мелкотоварного гончарного производства, строительных ремесел на местной сырьевой базе.
4. В XIV веке произошло резкое и быстрое повышение уровня Каспийского моря, вероятно носившее характер катастрофы. Район городища Самосделка оказался в прибрежной зоне дельты, особенно опасной в в период катастрофических нагонов. Природные катастрофы могли послужить причиной упадка и даже гибели поселения.

Литература:

Абрамова Т.А., Турманина В.И. Реконструкция климатических изменений последнего тысячелетия в Прикаспии//Известия всесоюзного географического общества. Т.114, вып. 3, 1982. С.208-214.

Атлас Астраханской области. М., 1997.

Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время, "Проблемы физ. Геогр.", 1934, №1.

Варущенко А.Н, Варущенко С.И., Клиге Р.К. Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене-голоцене//Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., Наука, 1980.

Варущенко С.И., Варущенко А.Н. Уровень Каспийского моря и колебания увлажненности в средние века. // Изв. АН СССР. Сер. географ. 1984, №4. С. 61 - 70.

Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского Моря и бессточных водоемов в палеовремени. М: Наука, 1987.

Геоэкологические изменения при колебаниях уровня Каспийского моря. МГУ, вып. 1. 1997.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.258 с.

Карта неотложных мероприятий на 1993-1995 гг. по предотвращению затопления и подтопления объектов в Российской прибрежной полосе Каспийского моря. 1:200000. Астрахангипроводхоз. 1992 г.

Рычагов Г.И. Экологические аспекты нестабильности уровня Каспийского моря//Аридные экосистемы. Т.2, 1996. С 2-3. С.19-22.

Васильев Д.В.(Астрахань)

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ МОШАИК

В 1999 г. отрядом под руководством Д.В. Рябичкина были проведены археологические исследования на территории и в окрестностях городища Мошаик.[1] В исследованиях принимали участие, помимо автора статьи, к.и.н. Гречкина Т.Ю., Пантелеев С.А., Ю.А. Белов и студенты АГПУ П.Ф. Урманбаев и А.В. Ткачёв. Данная статья является публикацией материалов этих исследований.

Городище упоминается в экскурсе В. Л. Егорова среди прочих золотоордынских городищ Нижнего Поволжья. (Егоров В.Л., 1985, стр. 118). Впервые раскопки на городище были проведены экспедицией под руководством Е.В. Шнайдштейн в 1978 году (Шнайдштейн Е.В., 1978) С тех пор и до 1999 года городище не исследовалось. План памятника и необходимые документы были переданы нами в Управление культуры Администрации Астраханской области и в настоящее время городище поставлено на госохрану.

Городище находится на восточной окраине г. Астрахани, на правом берегу реки Болда. Судя по распространению подъёмного материала, оно тянется с ЗСЗ на ВЮВ на 2750 м, ширина его с ЮЮЗ на ССВ около 625 м. Центральная часть городища располагается на бэровском бугре высотой 5 м, длиной 1825 м и шириной около 480 м в центральной части. Поверхность бугра в сейчас полностью застроена посёлком Мошаик и дачами. На северном склоне имеются обнажения культурного слоя. Именно здесь, к северу от ул. Соколова, около подземного овощехранилища и располагался раскоп Е.В. Шнайдштейн. Мощность культурных напластований в этом месте достигает 2 метров, в обрыве карьера видны кладки из сырцового кирпича, ямы землянок, мусорные ямы, прослойки древесного угля, золы, органического тлена. На СЗ городище примыкает к берегу реки Болда в районе станции юннатов на ул. Садовских. На юге естественной границей городища является южная подошва бугра. Восточная часть городища располагается в низине, спускается с бугра и тянется на восток вдоль дороги Астрахань-Началово на расстояние около 625 метров. В восточной части городища преобладающими находками являются фрагменты лепной керамики со следами неровного кострового обжига. Кроме того, подъёмный материал был обнаружен на невысоком бэровском бугре, расположенном в 1500 метров к югу от выезда из пос. Мошаик. Бугор вытянут на 1250 метров и имеет ширину 275 метров при высоте в 3 метра. С севера он отделён от могильника городища пересохшим ильменём. В 1000 метров к ЮВ от выезда из города располагается бэровский бугор, на котором обнаружены остатки могильника городища "Мошаик". В центральной части бугра располагаются могилы казахского кладбища, на западном склоне находится татарское кладбище с комплексом из пяти "святых могил" - аулья. Кладбища обнесены единой оградой по подошве бугра. На территории кладбища встречаются немногочисленные фрагменты красноглиняной гончарной керамики золотоордынского времени, восточная часть кладбища находится в заброшенном состоянии. Между татарским и казахским кладбищами имеются скреперные задиры, в которых обнажились сырцовые кирпичи золотоордынского формата - видимо, остатки склепов эпохи средневековья. Восточная треть бугра сильно разрушена. Сохранились лишь СВ склон, на котором располагаются строения газонасосной станции и останец в районе бывшей вершины, на котором установлен триангуляционный знак. Высота бугра в районе триангуляционного знака от подно-

[1] Выражаю благодарность Д.В. Рябичкину за возможность опубликовать материалы раскопок на памятнике.

жия до вершины - 12 метров. На вершине сохранилась площадка неправильной овальной формы размерами около 15 на 12 м. Вся поверхность усыпана мелкими фрагментами кирпича и известкового раствора. В бортах карьера виден слой разрушения сооружения из обожжённого кирпича - мелкие фрагменты кирпича и известковая крошка. Предположительно, кирпичное надмогильное сооружение, стоявшее на естественной вершине бугра, было частично разрушено в период русского освоения Астраханского края, и окончательно уничтожено во время установки триангуляционного знака. На могильнике было исследовано 6 погребений, одно - №10 - на краю западного обрыва, другое - №14 - на краю северного обрыва. В юго-восточной части останца решено было доследовать погребение №11 и разбить небольшой раскоп площадью около 10 м^2 над сырцовой конструкцией, обнажившейся в борту карьера (впоследствии выяснилось, что это остатки сырцового надгробия над погребением №15). Нумерация погребений продолжает нумерацию, начатую на данном могильнике Е.В. Шнайдштейн в 1978 году. В раскопе №1 было выявлено 5 захоронений, из которых 4 было исследовано. Последнее захоронение, №16, уходит под северный борт раскопа, поэтому было законсервировано вместе с раскопом.

Погребение 10 находится в 470 см к западу от основания триангуляционного знака. Яма имеет прямоугольную форму с закруглёнными углами, ориентирована с З на В с небольшим отклонением к югу. Длина сохранившейся части ямы 180 - 160 см. Ширина ямы - 50 см. Сверху яма была перекрыта слоем разрушения кирпичного сооружения. Заполнением ямы служила коричневая комковатая супесь с комочками материкового грунта, а также с алебастровой крошкой и крошкой обожжённого и илового сырцового кирпича.

Погребённая - старая женщина - была ориентирована головой на З с небольшим отклонением к Ю и уложена на спину с выраженным доворотом на правый бок. Лицо вполоборота обращено к югу. Правая рука вытянута вдоль туловища, слегка согнута в локте. Левая рука слегка согнута в локте, кисть разрушена, первоначально, видимо, находилась на левом тазобедренном суставе. Ноги вытянуты, стопы обращены носками в разные стороны. Вещей нет. В заполнении встречались небольшие фрагменты лепной черноглиняной керамики. Погребение мусульманское, эпохи средневековья.

Погребение 11 было обнаружено по торчащим в обрыве карьера костям ног. Яма имеет неправильную подпрямоугольную форму и ориентирована с ЗСЗ на ВЮВ. Длина ямы 175 см, ширина - 55 см. Заполнением ямы служила коричневая комковатая супесь с комочками зелёной сырцовой крошки. На дне ямы был расчищен костяк старого мужчины, ориентированного головой на ЗСЗ, лицо вполоборота обращено вправо. Погребённый был уложен на спину с доворотом на правый бок. Правая рука вытянута вдоль туловища, плотно прижата, кисть располагалась на правом крыле таза, левая рука слегка согнута в локте, кисть находилась на крестце. Ноги вытянуты параллельно. Кости стоп отсутствовали. Костяк плохой сохранности. Вещей нет. Погребение мусульманское, эпохи средневековья.

Погребение 12. Яма имеет прямоугольную форму и ориентирована с СВ на ЮЗ. Длина ямы - 234 см. Ширина по юго-западной стенке - 82 см, по северо-восточной стенке - 74 см, таким образом, яма слегка расширяется к юго-западу. Торцовые стенки ямы сближаются ко дну. Вдоль длинных стенок ямы имеются ступеньки. Ширина СЗ ступеньки - 13-19 см. Ширина ЮВ ступеньки - 6-11 см. Заполнением ямы служил серый рыхлый песок. На уровне отметки -91 в северо-восточной части ямы расчищены в заполнении зубы верхней челюсти лошади. С уровня отметки -95 в ЮЗ части ямы стали встречаться бесформенные обломки сырцов и оплывшая сырцовая масса - обломки сырца сброшены внутрь в процессе засыпки грабительской ямы. Возможно, что над погребением когда-то существовало сырцовое надгробие, разрушенное грабителями. Грабительская яма затронула большую часть могилы,

длина её с юго-запада на северо-восток - 155 см, но ко дну она сужается. Вероятно, грабители копали целенаправленно, стремясь выйти в область головы и груди погребённого, чтобы достать предполагаемые украшения. В заполнении грабительской ямы были расчищены разрозненные кости человека. Могила была перекрыта поперечными плахами шириной 7-10 см и толщиной 2-4 см. Плахи опирались на ступеньки вдоль длинных бортов ямы. Неповреждёнными они сохранились лишь в СВ части ямы, которую не тронули грабители. Под перекрытием, на дне ямы, был расчищен деревянный гроб, сколоченный железными гвоздями из широких плах, накрытый цельной деревянной крышкой. Гроб имеет длину 185 см, ширину по юго-западной стенке 49 см, по северо-восточной - 42 см, высота гроба - 35 см, толщина нижней доски - 4,5 - 5 см. Судя по задней стенке, полукруглой в верхней части, крышка гроба имела плавный округлый скат или была изогнута полукругом в сечении.

На дне гроба были расчищены остатки костяка взрослого мужчины, разрушенного грабителями. Погребённый был ориентирован головой на ЮЗ, череп был унесён грабителями, но, судя по изгибу шейных позвонков, сохранившихся in situ, был вполоборота обращён влево. Погребённый лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, кисти рук уложены на дно гроба ладонями вниз, ноги вытянуты, носки обращены в разные стороны. Слева от позвонков шейного отдела, то есть под левой скулой погребённого, была расчищена серебряная кольцевидная серьга, поверх левой руки погребённого обнаружены остатки берестяного колчана со стрелами, крашеными в малиновый цвет, разрушенного грабителями. Наконечники стрел очень плохой сохранности. Колчан был покрыт множеством мелких железных предметов, покрытых окислами - вероятно, бляшками-накладками. На месте грудины погребённого был обнаружен обломок оселка из серого камня, явно смещённого со своего места. Вдоль левой голени были обнаружены остатки длинного кожаного мешочка (налучи?), форму его проследить не удалось. На коже имелись медные декоративные накладки.

В юго-западном углу могильной ямы обнаружена ниша-тайник размерами 40х40 см. В ней были расчищены красноглиняный гончарный кувшин с ручкой и выделенным сливом, украшенный двумя бороздками по поясу максимального расширения, остатки истлевшей деревянной полусферической миски, стоявшей на боку, бедренная кость молодой свиньи. Погребение X-XI вв., предположительно - болгарскоее.

Погребение 13. Яма прямоугольная, с закруглёнными углами. Заполнение - рыхлая коричневая супесь с древесным тленом, мелкой сырцовой крошкой и крошкой обожжённого кирпича. Длина ямы - 137 см, ширина - 59 см. Ориентирована яма с ЮЗ на СВ. На дне ямы расчищен трапециевидный гроб из тонких досок, сколоченных железными гвоздями. Верхняя крышка гроба не сохранилась. Длина гроба - 117 см, ширина по ЮЗ стенке 43 см, по СВ - 36 см. стенки сохранились на высоту до 21 см. Толщина плах гроба - 2-3 см. В гробу обнаружен костяк ребёнка, ориентированного головой на ЮЗ, лицо склонено к правому плечу. Ребёнок уложен на спину, вытянуто. Правая рука слегка согнута в локте наружу, кисть располагается на дне чуть выше правого крыла таза ладонью вниз. Левая рука присогнута в локте наружу, кисть уложена на дно чуть выше левого крыла таза ладонью вниз. Ноги слегка разведены в стороны коленями, стопы сближены. В заполнении вокруг погребённого прослеживались мелкие фрагменты ткани и нитей от одежды. На костях зафиксированы отпечатки ткани - от горла до колен. Погребение средневековое, возможно - мусульманское, предположительно - X-XI вв.

Погребение 14 обнаружено вне раскопа, в 770 см к ССВ от основания триангуляционного знака по обнажившемуся черноглиняному лепному сосуду. Яма погребения ориентирована с ЮВ на СЗ. Длина - 80 см. Ширина входной ямы 28 см, в юго-западном борту имеется подбой шириной 20 см, дно подбойной погребальной камеры ниже уровня дна входной ямы. Длина погребальной камеры 70 см. Заполнением ямы служила комковатая коричневая

супесь с фрагментами обожжённого кирпича и алебастровой крошки. В подбое был обнаружен костяк младенца, уложенный вытянуто с доворотом на правый бок, головой обращенный к СЗ, лицо повёрнуто вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая рука присогнута в локте наружу, кисть находилась на тазовых костях. Ноги погребённого были вытянуты параллельно. На дне входной ямы в головах погребённого был расчищен лепной черноглиняный сосуд баночной формы со следами кострового обжига. Погребение мусульманское, X-XI вв., предположительно - гузское.

Погребение 15 обнаружено по остаткам сырцового надгробия, обнажившегося в обрыве карьера. Яма ориентирована с ЮЗ на СВ, параллельно погребению №12, что наводит на мысль о синхронности захоронений. Остатки сырцового надгробия представляют из себя сильно фрагментированные иловые чёрные сырцы форматом 41х22 см над СЗ границей ямы. Яма имеет овальную форму. Размеры её 191 на 75 см. Вдоль длинных сторон ямы имелись ступеньки. Юго-восточная стенка ямы имела отрицательный угол наклона. На ступеньки опиралось поперечное деревянное перекрытие, состоящее из распущенных пополам жердей, толщиной до 3 см и шириной 4-6 см. Перекрытие просело внутрь ямы. После снятия перекрытия стало ясно, что оно опиралось также на вбитые наискосок в стенки погребальной камеры деревянные столбики, сходившиеся к центральной оси погребения. На дне ямы расчищен костяк молодой женщины, уложенной вытянуто на спину черепом на ЮЗ. Лицо погребённой было слегка повёрнуто влево. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги вытянуты, стопы сближены. Слева за головой погребённой стоял красноглиняный гончарный кувшин с выделенным сливом, рядом с ним располагался фрагмент венчика деревянной миски с медной обкладкой. Сама деревянная миска располагалась в перевёрнутом положении справа за головой погребённой. Под миской были обнаружены следующие украшения: браслет бронзовый витой, костяные пуговицы, украшенные циркульным и линейным орнаментом - 2 шт., бусы гешировые шарообразные, цилиндрические, бочонковидные, уплощённые круглые, 48 шт., подвески стеклянные треугольные с белыми полосками - 2 шт., кусок мела.

На черепе погребённой, на лбу и глазах были обнаружены остатки матерчатой ленты начельника с кожаной аппликацией в виде эллипсов с наклеенными на них стеклянными позолоченными каплевидными и круглыми вставками, образующими крестообразную фигуру. На костях обнаружены фрагменты кожи от одежды и обуви. Яма была заполнена над перекрытием коричневым рыхлым суглинком с обломками сырцов и кирпичной крошкой. Погребение X-XI вв., предположительно-болгарское.

Судя по тому, что во всех захоронениях, в том числе и в ранних, была встречена кирпичная крошка, можно сделать вывод, что кирпичное сооружение на вершине бугра было возведено в домонгольский период. Высокая плотность захоронений и наличие доминирующего кирпичного надмогильного сооружения позволяют сделать предположение, что в средневековье здесь находилась наиболее престижная часть могильника. Могильник нуждается в обязательном исследовании, поскольку находится под постоянной угрозой естественного разрушения в результате эрозии и разграбления местными жителями.

Керамический материал, обнаруженный на территории городища – фрагменты лепной гузской и гончарной булгарской керамики – аналогичен находкам на Самосдельском городище в Камызякском районе и датируется периодом с IX по XIV вв. Подобного рода находки, а также обнаруженные на могильнике захоронения, ставят городище в ряд памятников эпохи позднего Хазарского каганата в дельте Волги.

Литература:

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985

Шнайдштейн Е.В. Отчёт об археологических исследованиях в Астраханской области в 1978 г.//Архив ИА РАН, Р-1, №7255.

Шнайдштейн Е.В. Средневековый Мошаик. В сб.: Материалы четвёртой краеведческой конференции (Часть II). Астрахань, 1992, стр. 3

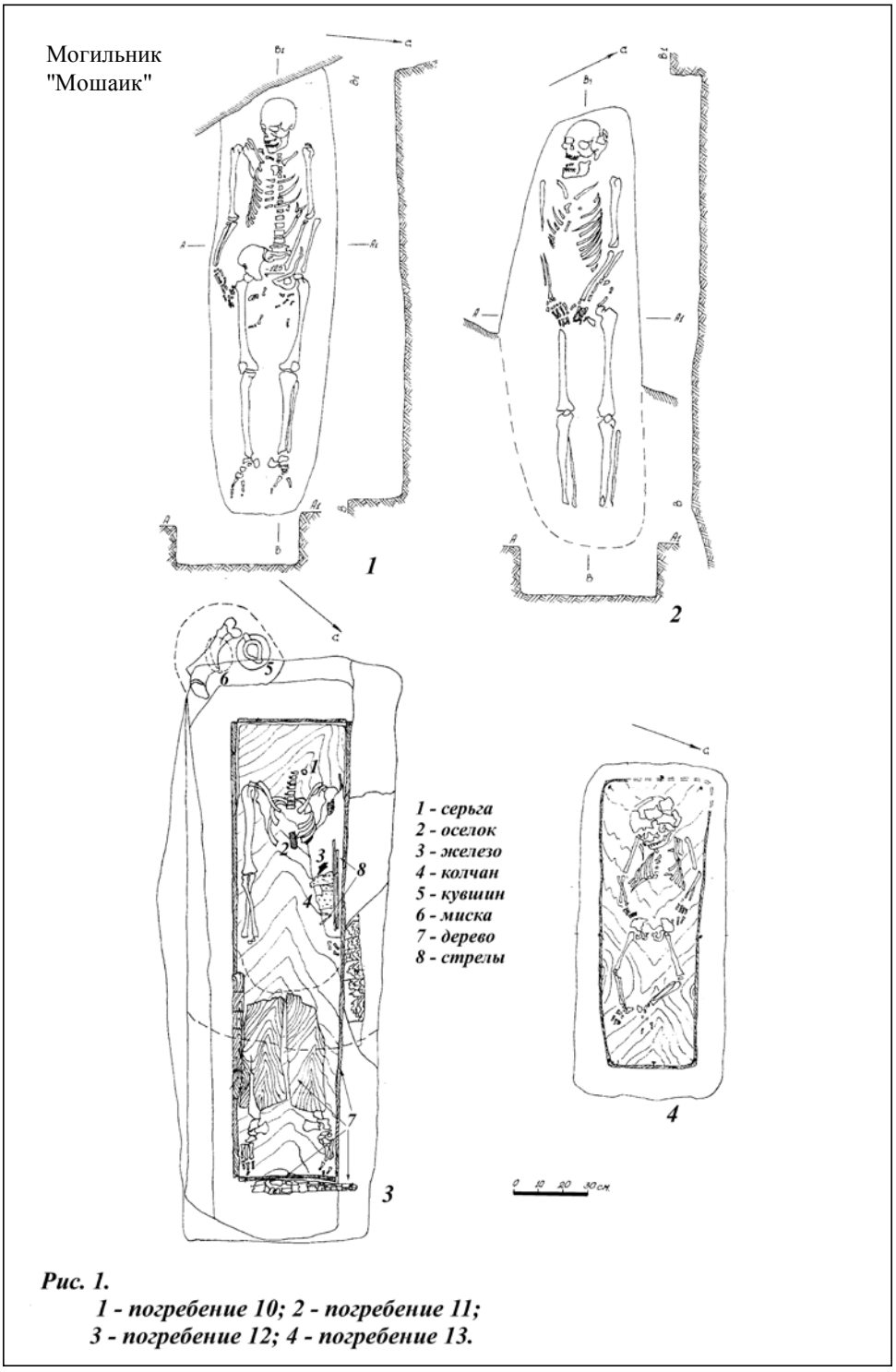


Рис. 1.
1 - погребение 10; 2 - погребение 11;
3 - погребение 12; 4 - погребение 13.

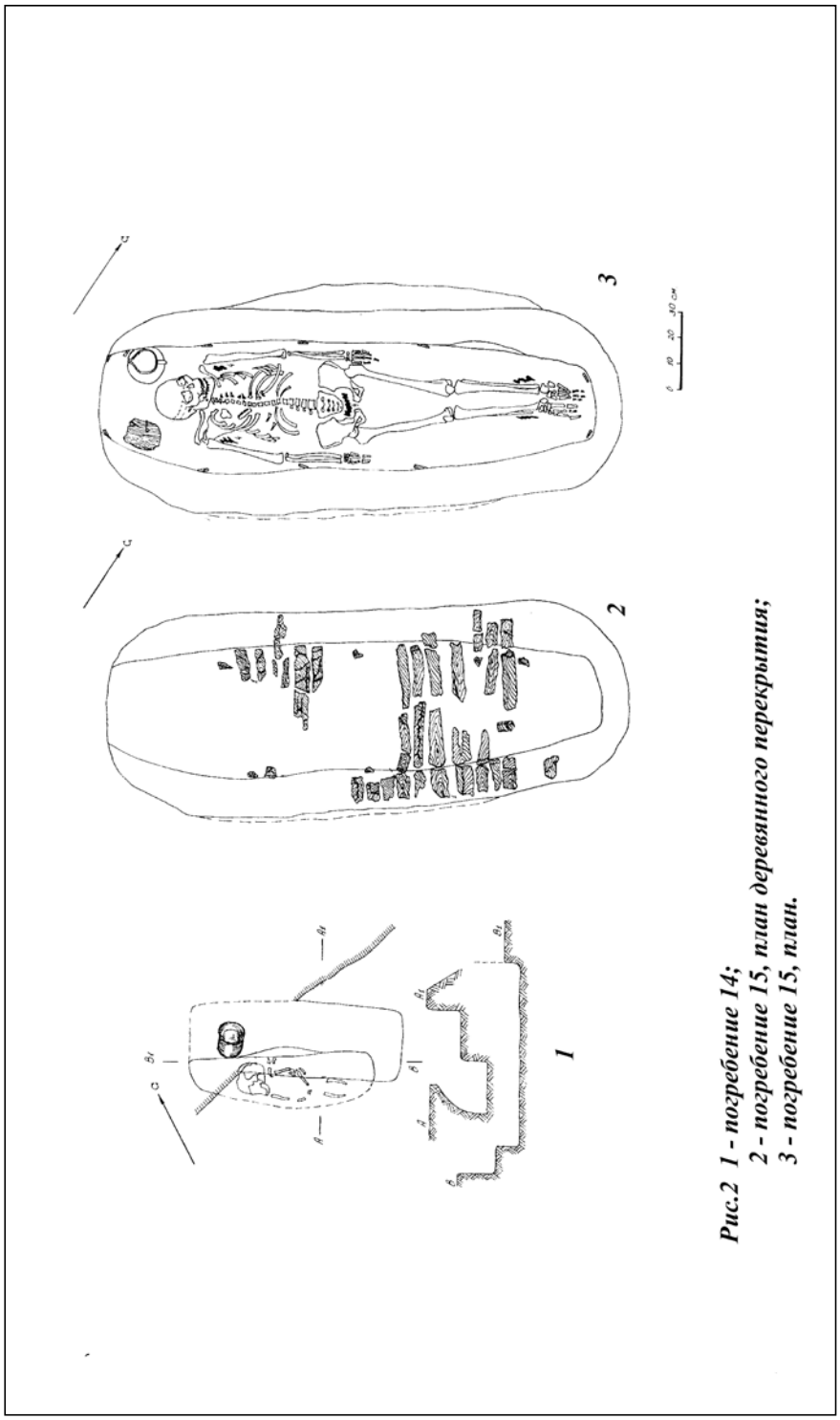


Рис.2 1 - погребение 14;
2 - погребение 15, план деревянного перекрытия;
3 - погребение 15, план.

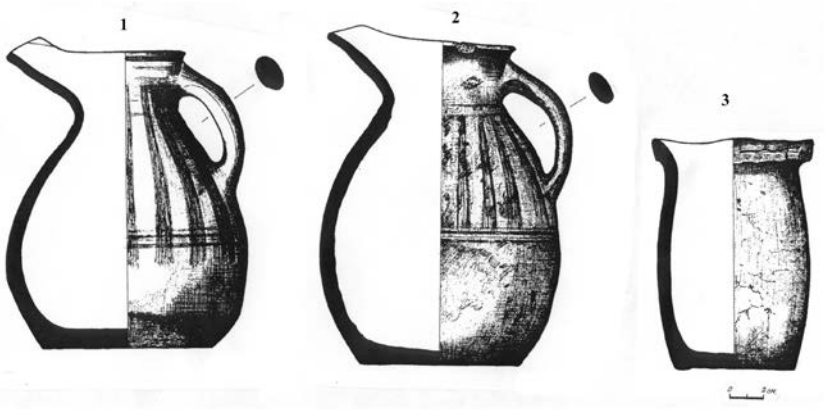


Рис. 3 1 - красноглиняный гончарный кувшин (погр. 12)
2 - красноглиняный гончарный кувшин (погр. 15)
3 - черноглиняный лепной горшок (погр. 14)

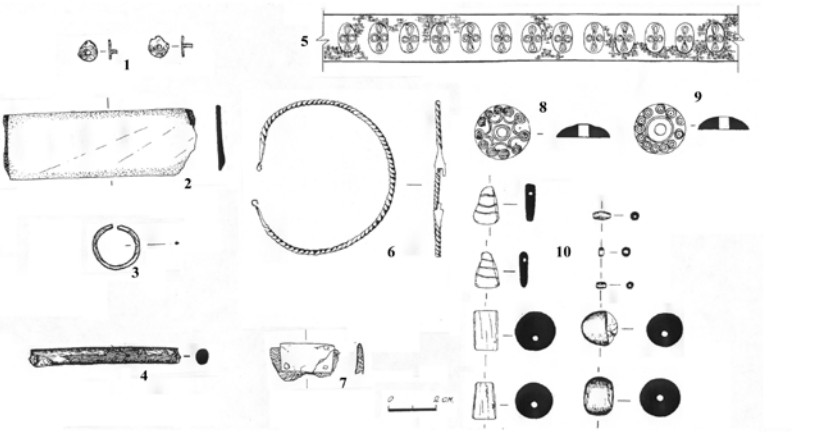


Рис. 4. 1-4 - погр.12. 1-заклёпки (бронза); 2-оселок; 3-серьга (серебро); 4-древко стрелы со следами краски. 5-10 - погр. 15. 5-реконструкция начельника; 6-браслет (бронза); 7-венчик деревянной миски.

Котеньков С.А. (Астрахань)

ПОГРЕБЕНИЕ КОН. IX – XI ВВ. У СЕЛА КРАСНЫЙ ЯР АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

В 1990 году экспедицией Госдирекции охраны памятников при раскопках грунтового могильника « Маячный», расположенного на правом берегу Маячная у села Красный Яр Красноярского района Астраханской области, было исследовано погребение кочевника-воина эпохи средневековья.

Погребение 37. Обнаружено в ходе горизонтальной зачистки поверхности раскопа по пятну древесного тлена гробовища. Могильная яма ориентирована длинными сторонами по линии запад-восток. Размеры ямы: 2,52 х 1,20 м. Вдоль северного борта ямы располагалась материковая ступенька шириной 0,51м.

На дне погребальной камеры располагался деревянный гроб, размерами : 2,28 х 0,64. Гроб представлял собой ящик из дна, крышки, боковых и торцевых сторон, сколоченный железными гвоздями из цельных плах, толщиной 0,2-0,3 м.

На дне гроба лежал костяк мужчины, ориентированный головой на запад. Погребенный находился в положении « вытянуто на спине», руки вытянуты вдоль туловища, ноги вытянуты параллельно друг другу. Череп лежал на затылочных костях.

Под черепом погребенного обнаружен железный нож с деревянной рукоятью и в деревянных ножнах, покрытых берестой. У правой руки погребенного располагался однолезвийный меч-палаш с очень слабым изгибом лезвия. Длина меча – 1,10 м, ширина лезвия –до 5 см. Рукоять меча не сохранилась, перекрестие отсутствовало. Поверх меча находился сложносоставной лук, обращенный изгибом к погребенному. Поверх меча и лука был уложен берестяной колчан, ориентированный горловиной на запад. Длина колчана – 0,53 м, ширина в верхней части – 0,1 м, в нижней – 0,13 м. Внутри колчана были обнаружены фрагменты деревянных древков стрел, длиной до 0,25 м, круглые в сечении (диаметр – 0,7 см). На одном из фрагментов имелась полоска красного цвета вокруг древка. На 4 фрагментах зафиксирована спиралевидная берестяная обмотка полосами шириной до 1,8 см. На древках обнаружены фрагменты железных наконечников стрел, трудноопределимой формы. На одном из древков обнаружена костяная свистулька. Под костями правой руки обнаружена кольцевидная железная пряжка с фрагментом подвижного язычка. Диаметр кольца пряжки – 3,5 см. У левой руки погребенного находился деревянный стек, округлый в сечении, длиной – 0,75 м. Стек имел навершие из просверленного эпифиза человеческой бедренной кости. Поверх костяного навершия имелось железное. В районе стоп погребенного зафиксированы остатки заупокойно пищи в виде костей лошади.

На ступеньке были обнаружены череп и кости ног лошади, являвшиеся, видимо, частями чучела коня. Череп лежал на затылочных костях, мордой на юго-запад. Между костями задних и передних ног обнаружены остатки деревянного седла, частично обтянутые кожей. Под седлом находились фрагменты железного стремени округлой формы, в верхней части стремени – овальное отверстие. Подножка стремени слабо выгнута. У костей задних ног обнаружена железная пряжка кольцевидной формы с подвижным язычком. Диаметр кольца – 3,3 см. Под костями черепа находились фрагменты односоставных удил.

Данное погребение по типологии Г.А Федорова-Давыдова относится к типу захоронения Б-111. Основные его характеристики : к северу от человека разложены на ступеньке в анатомическом порядке череп и четыре ноги коня, черепом на запад.(1) Наряду с типом захоронения, к находкам, датирующим данный памятник кон. 1Х-Х1 вв. относятся односоставные удила без псалиев (тип В-1) (2) Наличие в погребении гроба типа Б-1 и заупокойной пищи (лошадиное мясо) довольно характерно для кочевнических погребений 1Х-Х1У вв. (3) В связи с плохой сохранность некоторых деталей стремени, оно не поддается типоло-

гизации. Обнаруженные в захоронении меч-палаш, седло, колчан имеют широкий хронологический диапазон. Аналогичные палаши известны на вооружении хуннов, начиная с 1 века н.э. Предположительно данный вид колюще-рубящего оружия был заимствован тюрками у сарматов, продвигавшихся по восточному коридору на восток от волжских степей в 1У-111 вв. до н.э.(4). Вокруг одного из древков стрел зафиксирована полоса красного цвета - специальная метка, позволявшая кочевнику-воину безошибочно выбрать стрелу с нужным наконечником (для охоты или для боя)(5). Надо полагать, что надобность в таких метках существовала еще и при хранении древков стрел наконечниками вниз в колчанах закрытого типа(6). Именно такой колчан с деревянной крышкой был обнаружен в захоронении. К одному из древков стрел был приделан полый костяной шарик с отверстием-свистунком, и на древке имелась спиралевидная берестяная обмотка. При полете такой стрелы костяной шарик издавал пронзительный свист, угнетающе действовавший на противника и пугающий его лошадей. Свистунок также использовался в качестве приспособления для сигнальной стрелы, указывавшей соплеменникам направление стрельбы(7). Седло и стек хотя и редко встречаются в погребальном инвентаре, но были длительное время распространены среди кочевого населения.

Таким образом, учитывая наличие подобных удил в погребении 37, вышедших из употребления в Х1-Х11 вв.(8), а также погребальный обряд, аналогичный которому описал арабский путешественник Ахмед Ибн-Фадлан (погребение кочевника-торка), посетившего Волгу в Х веке(9), можно датировать данный памятник кон.1Х-Х1 вв. - периодом господства кочевников печенегов и торков в южнорусских степях.

Примечания:

1. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М. 1966.С.124.
2. Там же. С.130.
3. Там же С.18.
4. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск. Наука.1986.С.217
5. Там же С.150
6. Там же С.150
7. Там же С.42-43
8. Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С.20
9. Там же С.129.

Руденко К.А. (Казань)

К ВОПРОСУ ОБ ОГУЗСКИХ ДРЕВНОСТЯХ В ПОВОЛЖЬЕ

Выделение этнических компонентов в материальной культуре средневекового населения Поволжья – проблема, которая разрабатывается не одним поколением исследователей (Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Плетнева С.А., 1967; Кригер В.А., 1993; Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998 и др.). Новые материалы позволяют существенно дополнить имеющиеся данные, причем рассмотреть проблему не только на материалах кочевнических древностей, но и на материале с памятников расположенных в

районах «контактных зон» - пограничья восточноевропейских степей (как, например, изучение древностей «торков» (Моргунов Ю.А., 2000)).

Такого рода проблема возникла при исследовании древностей Среднего Поволжья. Теоретически присутствие огузских материалов можно было предполагать по данным средневековых письменных источников, свидетельствовавших о контактах булгар с гузами с IX – X вв. (родственные связи булгарского эльтебера с предводителем огузов по Ибн-Фадлану, кочевание огузской группировки у булгарских границ во второй половине XI в. и т.п.).

Огузо-печенежские элементы в древностях волго-камских булгар были определены на материалах раннебулгарского Танкеевского могильника (погр. 623) (Казаков Е.П., 1997), а также по данным керамики (II этнокультурная группа) поселений X – XI вв. (Хлебникова Т.А., 1984). Отмечалось, что на поселениях такая керамика наиболее четко фиксируется в X – XI вв. (Хлебникова Т.А., 1984, С.216). Кроме керамики, кстати, достаточно представительной в количественном соотношении, каких-либо других археологических признаков огузского присутствия не фиксировалось.

Новые данные, обобщенные в последние годы, позволили расширить рамки этой темы. Связано это с выделением в древностях Волго-Камья «аскизского культурного горизонта» или древностей «аскизского круга» (Кызласов И.Л., 2000; Белорыбкин Г.Н., 2000; Руденко К.А., 2000). Имеющиеся материалы распадаются на несколько хронологических пластов. Это материалы XI – XII вв., рубежа XII – XIII - первой трети XIII в. и XIII - XIV вв. Они включают в себя комплексы как оригинальных «аскизских» изделий имеющих полные аналогии в материалах этой культуры (Белорыбкин Г.Н., 2000; Руденко К.А., 2000), так и многочисленные комплексы – итоги «местного» развития аскизских форм, а на позднем этапе – аскизоидные мотивы в мелкой пластике ордынского времени.

Большую часть изделий этого круга составляют железные детали и украшения конской упряжи характерной формы, включая удила с псалиями, распределители ремней уздечки, накладки – украшения сбруи, а также крючки для продергивания ремней. Особенностью декорации накладных украшений является таушировка их серебром. Кроме того, сюда же относятся часть железных наконечников стрел (Руденко К.А., 2000) и некоторые типы защитного доспеха.

Время появления таких древностей на булгарских памятниках относится ко второй трети – середине XI в. (Руденко К.А., 2000). На булгарских памятниках конца X в (Казаков Е.П., 1991) таких материалов нет. Впрочем, нет изделий такого типа и в булгарских ордынских материалах как кочевого – Балымерские курганы, могильник Песчаный остров (Руденко К.А., 1999), так и оседлого населения (Руденко К.А., 1998).

К середине XI в. относится начало активного использования в булгарской фортификации эскарпа (Руденко К.А., 1999а). Истоки этого новшества для древнерусских городищ днепровского левобережья исследователи усматривают в кочевнических традициях торков-гузов (Моргунов Ю.А., 2000).

Поиски материалов – «посредников», связывающих аскизские древности с рассматриваемым регионом в этот отрезок времени, пока ощутимых результатов не дали. Их нет на территории Башкирского Предуралья и в более южных районах. Опубликованные данные по кочевникам южнорусских степей (кроме общераспространенных типов) также не содержат сведений о подобных изделиях. То же можно сказать и о находках изделий «аскизского круга» на древнерусских памятниках, относящихся в большинстве ко второй половине XII в (Кызласов И.Л., 1998), т.е. второму хронологическому пласту.

Решение этой проблемы, возможно, связано с исследованием комплекса материалов, где такие находки зафиксированы. Осложняется это тем, что южные районы Татарстана, где на памятниках отмечается большая концентрация керамики огузо-печенежских истоков, наименее изучены, а средневековые курганные памятники здесь не исследованы вовсе.

Отметим и то, что булгарские памятники южного и восточного пограничья имеют ярко выраженную специфику (локальный вариант булгарской культуры) (Руденко К.А., 1998;1999), связанную, на наш взгляд, с преобладанием определенного этнического компонента в населении этих районов.

Для районов, где отмечены центры производства изделий аскизского облика – это центральные и северные (прикамские) области характерны находки выделяемого нами «огузо-кимакского» стиля. Причем, ареалы распространения таких изделий на булгарской территории различны. Наиболее представительны коллекции с Болгарского городища и прикамских памятников, подвергающихся сильному разрушению и вследствие этого дающих многочисленный подъемный материал.

К «огузо-кимакскому» стилю относится комплекс деталей поясной гарнитуры, включающй, кроме пряжек, также и фигурно-прорезные накладки. Традиционно все выделяемые типы таких изделий (Полякова Г.Ф., 1996) исследователи относят к ордынскому времени, что, в общем-то, не противоречит находкам с нижневолжских ордынских городищ (Федоров-Давыдов Г.А., 1998; Недашковский Л.Ф., 2000 и др.).

Анализ материала и аналогий ему показал, что необходимо рассматривать два различных комплекса, первый из которых связан с изделиями двух видов: фигурно-прорезными, и объемно-выпуклыми с выступающими декоративными деталями, в основном ромбами или «каплями». Полный такой набор в составе погребального инвентаря зафиксирован в вымских могильниках Коми республики (например, погребение 124 Ыджыдъельского могильника) где датируется XI – XII вв. (Савельева Э.А., 1987, С.158). Встречаются похожие наборы и в погребениях этого региона XIII и может быть XIV в. (Лоемский могильник).

Скорее всего, данный поясной набор сложился не ранее середины XI века и бытовал вплоть до XIII в.

Соответствуют ему находки с булгарских поселений относящиеся к кругу огузских древностей, определенных В.А.Кригером (Кригер В.А., 1993, С.139-140). К ним относятся бляхи-решмы (Гуцалов С., 1993, рис.1-19; Гаврилина Л., 1993), стилизованные птицевидные накладки (Кригер В.А., 1993, тип ДIV). Эволюция художественных мотивов этого комплекса, видимо, происходила под влиянием изделий кимако-кипчакского круга (Арсланова Ф.Х., 1984).

Второй комплекс внешне очень близкий первому отличается иной манерой исполнения и имеет в основе стилизацию растительных мотивов. Отдельные элементы такого рода характерны для ордынской торевтики (наконечник ремня из Болгар, некоторые изделия Белореченских курганов). Комплекс других находок, в том числе бронзовых накладок в виде прорезной многолепестковой розетки или такого же вида, но цельных железных накладок с подвесками колечками типичны для материалов ордынского времени.

Истоки этого набора, видимо, генетически связаны с первым комплексом в общем художественном решении, однако в дальнейшем детали формы были трансформированы в соответствии с ордынской модой. Стимулом развития именно этих форм украшений стало наличие каких-либо остатков огузо-печенежского населения в ордынское время в Поволжье и Приуралье (Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998, С.276).

Итак, с огузо-печенежским миром связано формирование определенных археологических комплексов в Среднем Поволжье и нижнем Прикамье. Первый из них хронологически соотносится с продвижением в 30-50-х гг. XI в. огузских племен на запад и, к 80-м гг. XI в., складыванием южнорусского «торческого» объединения. На гузско-кипчакской волне формируется ранний пласт «аскизского культурного горизонта» и происходит активное включение огузских элементов в булгарскую культуру, определяемых как огузо-кимакский стиль.

Вероятно, с огузским влиянием связаны многочисленные кочевнические элементы в погребальной обрядности мордовских племен (конские захоронения, уздечный набор с решмой и т.п.). Датируются эти инновации XII в., хотя ранние включения относятся к XI в., а верхняя дата определяется XIII в (Мартьянов В.Н., 1995, 1997 и др.).

Со второй половиной XII – первой третью XIII в. связан, с одной стороны, новый импульс восточного «аскизского» влияния, охвативший в большей степени южнорусское пограничье и Предуралье (Азнаевский комплекс), и одновременно «приглушение» его в булгарском Поволжье и Прикамье.

Уже в рамках Золотой Орды происходит трансформация огузских традиций в материальной культуре этого государства, что совпадает с третьим хронологическим платом «аскизского культурного горизонта».

Круглов Е.В.(Волгоград)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ОГУЗОВ

Важнейшей особенностью огузского погребального обряда в настоящее время признается наличие в женских и детских погребениях довольно необычных украшений – копоушек, птицевидных нашивок и привесок. Всего сейчас нам известно 24 археологически исследованных подобных комплекса и 11 разного рода случайных находок с неполной информацией. Датировка этих предметов не выходит за рамки IX-XI вв. Материалы погребения на дюне у с. Лапас, исследованного В.А.Филипченко в 1955 г., где копоушки, птицевидные нашивки и привески сопровождались арабскими монетами 954-955, 958-959 гг. надежно датируют эти вещи второй половиной X в. (Филипченко В.А., 1958, с. 236-242). В это время, а именно с 70-х гг. IX века и до 50-х гг. XI века в степях Северного Прикаспия, от восточного Приуралья до Волги абсолютно и безраздельно господствовали огузские племена. Данная территория тогда носила название Дешт-и-Огуз. Печенеги в это времябыли самой крупной военной силой в Под-непровье. Их отдельные группировки, сохранившиеся и в данном регионе, обитали в северных лесостепных районах и не играли решительной роли в степи.

Еще Г.А.Федоров-Давыдов установил, что копоушки и птицевидные нашивки представляют собой локальный признак исключительно восточных районов Южнорусской степи IX-XI вв. – Поволжья и Южного Приуралья (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 141-142). Малочисленность известных ему погребений с подобными вещами не позволила исследователю сделать какие-либо этнические истолкования об их принадлежности. Искусствоведческий анализ этих украшений был выполнен Л.М.Гаврилиной. Она сделала вывод, что эти вещи должны были принадлежать какой-то одной этнической единице печенежско-огузского круга и рассматриваться в качестве её этнографического индикатора (Гаврилина Л.М., 1985, с. 224). Проблема решения вопроса этнической интерпретации населения – носителей данной группы вещей была решена В.А. Кригером. Выделив на территории Заволжья и Приуралья для IX-XI вв. две группы захоронений, различающихся между собой локальными и частными особенностями погребальной обрядности, наиболее распространенный тип погребения В.А. Кригер сопоставил именно с огузами. С их этнографической культурой он аргументированно связал и находки копоушек, птицевидных нашивок и привесок (Кригер В.А., 1985, с. 12-18; 1993, с. 137-134). Однако, выдвинутая гипотеза в силу ряда причин более никем не разрабатывалась. До настоящего времени захоронения с этими амулетами, а мы объединяем с ними в одну обрядовую группу также погребения содержащие свинцовые и костяные пряслица, бубенчики и некоторые другие категории вещей (всего

37 комплексов и 13 случайных находок), интерпретируются некоторыми исследователями слишком расширительно.

Основные отличительные особенности погребального обряда огузов Северного Прикаспия, выделенные В.А.Кригером не требуют ревизии. К ним относятся следующие признаки – простая земляная насыпь используемых для погребальных целей более древних курганов, преимущественно впускной характер совершаемых захоронений, сооружение простых, в основном, прямоугольной формы, могильных ям глубиной от 0,5 до 2,2 м, вытянутая на спине поза погребенных, ориентированных головами на запад с сезонными отклонениями, нали-чие в могилах разнообразных деревянных конструкций - перекрытий, гробов, подстилок и т.п. Использование загробной пищи, угольных и меловых посыпок отмечается, но не является характерным.

Важным признаком обряда огузов является сопровождение умершего шкурой коня, где кости конечностей животных не отчленялись целиком, как было свойственно кипчакам, половцам и, отчасти, хазарам, а расчленялись (!) – причем исключительно по первый или, реже, по второй скаковой суставы. Особенностью именно огузского обряда является положение в могилы сложенных и растянутых (набитое чем-то чучело) шкур лошадей, а не просто отделенных от остального остова частей скаковых конечностей. От растянутых шкур археологами фиксируется такое положение метаподий, какое можно было бы назвать беспорядочно разбросанным, а от сложенных шкур остаются лежащие прямо друг на друге кучки костей. Черепа коней в ряде случаев лежат отдельно от шкур, иногда в могилах их нет вообще. Главная особенность обряда заключает-ся в том, что останки животных укладывались над останками погребенных (!), т.е. в засыпи могильных ям, на перекрытиях, на крышках гробов или колод, а иногда и просто сверху прямо на человеке. Налицо пространственно-вертикальный уровень соотношения их друг с другом. Пространственно-горизонтальное соотношение останков погребенных и сопровождающих их животных, т.е. расположение их в могилах на одном уровне рядом друг с другом для огузов было не характерно. Так практиковали свой погребальный обряд печенеги. (Круглов Е.В., 1994, с. 38-40). Расположение останков шкур животных над погребенными, очевидно, означало, что покойник в мир мертвых отправлялся сидящим на лошади. Большая часть погребений сопровождается стременами, удилами, седлами, уздечными наборами, часто украшенными разнообразными накладками из цветных металлов. Наиболее выраженно указанный обряд зафиксирован в богатых мужских воинских захоронениях (Ченин, 8/4, Быково-I, 16/9, Верхний Балыклей, 5/1, Новоникольское-II, 7/13, Рахинка, 3, Пятнадцатый поселок, 3/7, Заплавное, 3/3, Кривая Лука-XV, 2/6, V-85 (Барун), Никольское-V, 1/4). Он был распространен также и в женских идетских комплексах. Из 37 женских и детских комплексов, составляющих группу погребений сопровождающихся копоушками, птицевидными нашивками, привесками, бубенчиками, свинцовыми и костяными пряслицами и другими сопутствующими им вещами, связь которых с огузами представляется наиболее бесспорной, 18 сопровождались конскими останками, местоположение которых в могилах достоверно было зафиксировано в 16 случаях. Во всех 16 (!) конские останки находились выше уровня залегания погребенных. Они располагались в засыпи могил, на крышках гробов или колод, перекрытиях, ступеньках (Увак, 10/2, Сухая Саратовка, 1/5, Эльтон, 7/1, Приозерное, 4/1, Быково-II, 3/5, Верхний Балыклей, 7/1, Калиновский, 12/19, Верхнепогромное-I, 1/3, Волжский-II, 2/4, Киляковка, 4/1 и 4/2, Заплавное, 3/6 и 3/7, Старица, 21/5 и 30/4, Саркел, 37).

К этим, уже известным особенностям погребального обряда огузов мы можем добавить еще три, ранее никем не отмечавшиеся.

1. Многие курганы, в которых были зафиксированы огузские погребения, а это почти 50 % всех случаев, имеют вытянутую, порой даже очень значительно, подовальную форму (Красная Деревня, 15, Эльтон-85, 7, Калиновский 1, 12, Новоникольское-II, 7, Верхнепогромное-I, 3, Верхнепогромное-II, 15, Волж-ский-II, 2, Заплавное, 3, Ленинск, 3, 4,

Кривая Лука-V, 4, Кривая Лука-VI, 1, Никольское-V, 1, Дюкер, 27, Яшкуль-86, 1). Зафиксированные перепады длины и ширины насыпей в целом находятся в пределах 10-30 %, но в ряде случаев доходят до 50 %, как в курганах Волжский-II, 2 и Верхний Балыклей, 5. Далеко не всегда это можно объяснить последствиями современной распашки поверхности насыпей, что конечно полностью нельзя исключать, но во всяком случае не обращать внимания на подобные случаи мы уже не можем.

2. Считается, что огузские погребения индивидуальные. Этот тезис требует уточнений. У огузов уже зафиксировано некоторое количество коллективных захоронений. Это как парные, мужчины и женщины(Колобовка, 1893, Старица, 30/4), так и захоронения взрослых с детьми (Заплавное, 3/6, Колобовка-III, 1/3). К семейным или близкородственным можно отнести целый ряд захоронений из курганов Эльтон-84, 2, Эльтон-85, 7, Быково-I, 10, Верхнепогромное-I, 3, Киляковка, 4, Заплавное, 3, Ленинск, 3, Старица, 21, Кривая Лука-III, 1, Кривая Лука-XV, 2, Дюкер, 27, V-85 (Барун), 3. В каждом из них было обнаружено сразу несколько захоронений. В других курганах этих же могильников встречались и другие огузские погребения. Возможно, это отражало начавшийся у огузов процесс формирования собственных могильников, то есть шло закрепление их на данных территориях и осуществлялся переход от первой стадии кочевания ко второй, по С.А.Плетневой. Процесс этот, однако, был недолгим.

2. Изучение текстов отчетов показывает, что во многих случаях (до 50 %) захоронения были разрушены полностью, или нарушены частично. Так, из 37 захоронений, сопровождавшихся копоушками, нашивками,привесками, свинцовыми и костяными пряслицами,височными серьгами, частично разрушены и потревожены были 16. Такая же ситуация наблюдается и среди мужских захоронений. Поэтому, выделение огузских погребений среди последних сопряжено с некоторыми трудностями и даже интуитивными допущениями. Наиболее характерным в понимании описываемого явления является погребение Старица, 30/4, исследованное В.П. Шиловым в 1961 г. В насыпи кургана эпохи бронзы, на глубине 2,2 м от поверхности было обнаружено потревоженное коллективное захоронение сразу четырех человек. Над ними, на остатках деревянных перекрытий, покоились четыре черепа лошади, а в ногах в анатомическом порядке находились скаковые конечности лошадей (сложенные шкуры). Череп и кости ног пятой особи лежали в засыпи еще выше и ее кости были беспорядочно разбросаны. Все погребенные взрослые, лежали вытянуто на спине, ориентированы на СЗ. У крайнего, северного скелета, принадлежащего женщине, не сохранилась верхняя часть тулова и левая рука. Фаланги пальцев правой руки располагались на тазе. От соседнего мужского скелета не сохранились череп, кости таза и ребра. Сам скелет покоился на деревянной доске. От третьего, женского скелета остались кости ног, левой руки и верхней части груди. От четвертого, пол которого определить было невозможно, сохранились лишь кости голеней (Шилов В.П., 1961, л. 98-102). Очевидно, здесь имело место неоднократное проникновение в могилу для совершения подзахоронений. При этом, более ранние погребения, очевидно, преднамеренно частично разрушались. Описаний подобного рода можно привести много. В ряде случаев подвергались разрушению только части скелетов, либо верхние, либо нижние. При этом, вещи в могилах, порой даже достаточно привлекательные и хорошо заметные сохраняются. Сошлемся на материалы только двух захоронений. Положение костей скелета женщины из погребения кургана № 37 Саркельского могильника было нарушено. Правая локтевая кость и шейные позвонки отсутствовали, мелкие кости рук и ног раскиданы, грудная клетка разрушена. С погребенной были обнаружены – два бронзовых бубенчика, бронзовая нашивка Д V, два серебряных браслета, один витой, другой – обруч, а также золотой (!) перстень (Плетнева С.А., 1963, с. 224-225). Другое, чрезвычайно богатое захоронение было обнаружено в 1984 г. у п. Успенка. В его инвентаре находились бронзовые пластинчатые браслеты, серебряные серьги,перстень, 225(!) серебряных блях, золотые обкладки особого типа деревянных блях. У погребенной здесь женщины были смещены ребра, грудные и шей-

ные позвонки. Левая нога ниже колена отсутствовала полностью, правая сохранилась частично. По мнению автора раскопок, ноги покойницы были связаны ремнем, украшенным накладками. На наш взгляд, бляшки эти украшали не ремень, а сумку, лежащую на бедрах ног /158 блях и весь бисер/ и кожаные сапоги (остальные 67 блях). Основной факт при этом остается неизменным – кости ног погребенной ниже колен отсутствуют. Отметим, что Шнайдштейн Е.В., опубликовавшая материал данного погребения, прямо сопоставила зафиксированное явление ритуального разрушения скелета с хорошо известным по другим источникам обрядом обезвреживания покойного (Шнайдштейн Е.В., 1989, с. 271). К сожалению, связав данное погребение с салтово-маяцким населением Хазарского каганата, исследователь неверно определила его этнокультурную принадлежность. Успенское погребение является огузским. Практически полностью аналогичными ему по обряду и составу погребального инвентаря являются захоронения из Верхнего Балыклея, 7/1 и Киляковки, 4/1. В инвентаре последнегобыла птицевидная нашивка Д III.

Таким образом, теперь, особенно в свете открытий российских археологов в области все чаще выявляемого у средневековых кочевников Восточной Европы обряда обезвреживания покойных (Флеров В.С., 2000, с. 55-100), все это надо как-то пытаться объяснять. Что могло быть в реальности, необходимо будет уточнить в полевых условиях, уже в ходе новых раскопок. Сейчас же мы только констатируем, что далеко не всегда фиксируемые случаи неполного разрушения скелетов, смещение отдельных костей, отсутствие некоторых костей при сохранении в целом могильного инвентаря в погребальной культуре огузов можно объяснить деятельностью бугровщиков, землеройных грызунов, или небрежностью самих археологов при раскопках. В целом ряде случаев объяснение этим фактам, по-видимому, будет иное. К сожалению, археологи пока просто не в состоянии отличить в ходе раскопок ограбление от обезвреживания. В любом случае, в настоящее время для характеристики погребального обряда огузов мы предлагаем принять следующий признак – наличие нарушения целостности состава костей человеческого скелета и погребения в целом. Фиксируем этот факт сейчас, объяснение же и интерпрепретация его станут делом будущего.

И последнее. Распространение огузских погребений не ограничивается территорией Южного Приуралья и Заволжья. Вся территория Северного Прикаспия, от Мугоджарских гор на востоке, до Сарпинской низменности, Черных земель Калмыкии, Волго-Донского междуречья, правобережья Нижнего Дона на западе, включая район Саркела и его окрестностей, были заняты огузами. Курганные могильники Никольское-У, Старица, Капитанский, Кривая Лука-III, V, VI, VII, XV, XVI, XXXV, Яшкуль-86, Купцын Толга, Дюкер, Эвдык-I, V (Барун), Заканальный, Вертячий, Оленье, Алешкин, комплексы из Таловой, Головки, Букановского, могильник близ самого Саркела - вот неполный список археологических памятников региона, в исследованных погребениях которых огузское присутствие очевидно.

Литература:

Гаврилина Л.М. Кочевнические украшения X в. // СА. 1985. № 3.

Кригер В.А. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X-XIУ вв.) // Автореф. канд. дисс. М., 1985.

Кригер В.А. Огузские курганы в междуречье Волги и Эмбы // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Круглов Е.В. К вопросу о печенегах // Проблемы всеобщей истории. Волгоград, 1994.

Плетнева С.А. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи // МИА. № 109. 1963.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоор дынских ханов. М., 1966.

Филипченко В.А. Погребение X в. в Астраханской области у с. Лапас // СА. 1958. № 2.

Флеров В.С. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья.

Труды по археологии, вып. 1. Донецк, 2000.

Шилов В.П. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции 1961 г. // Архив РАН. Р-1, д. № 2380.

Зиливинская Э.Д.(Москва)

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ НА КРАСНОМ ХОЛМЕ СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА В 1995-2000 гг.

В 1995, 1997, 1999 2000 гг. Селитренский отряд кафедры археологии МГУ, а потом - Института Археологии РАН проводил раскопки на Красном холме Селитренного городища.

Красный холм является одной из самых высоких точек городища. Южный и западный его края круто обрываются к старому руслу Ахтубы. В результате смыва и выветривания его обрывистый край постоянно обрушивается и меняет свою конфигурацию. Также в последние годы здесь был отмечен интенсивный процесс оврагообразования, так что раскопки носили охранный характер. На вершине холма наблюдалось скопление обломков обожженного кирпича и известковой обмазки. В этом месте в 1995 году был разбит раскоп для проведения спасательных раскопок по программе «Наследие». В дальнейшем работы велись на средства грантов и спонсорские пожертвования. Дважды, в 1997 и 2000 гг., на раскопки был получен грант Национального Географического общества США. В результате этих работ общая площадь, вскрытая на Красном холме, составила 912 кв. м.

Раскопки показали, что на вершине Красного холма находилась богатая усадьба с большим многокомнатным домом в центре. Размеры его составляли примерно 25 х 25 м. Всего в доме было 16 помещений различного назначения, стены которых были сделаны из различных материалов - сырца, обожженного кирпича и дерева. Помещения дома были возведены не одновременно, а постепенно пристраивались друг к другу.

Стены ЮВ части дома N 1 были сложены из большеформатного сырцового кирпича. Толщина их составляла 90-100 см. Снаружи они были оштукатурены глиняной обмазкой, а внутри помещений поверх глиняной обмазки была нанесена белая известковая штукатурка.

В ЮВ части здания находилось помещение N 1. Стены его, сложенные из сырцового кирпича, прослеживались практически с дневной поверхности. Они сохранились на высоту 65-70 см над уровнем пола и имели толщину 80 см. Размеры помещения составляли 4,0х5,0 м. В западной части помещения находился кирпичный пол, вымощенный жженым кирпичом на известковом растворе. В центре пола был расчищен поглощающий колодец тошны. Примерно две трети восточной части помещения занимала суфа, стенки и поверхность которой имели розовый цвет, так как были покрыты слоем известкового раствора с добавлением толченого кирпича. Стены комнаты были оштукатурены белым известковым раствором. В толще суфы, вплотную к северной стене помещения был сделан двухканальный кан, по которому проходил горячий воздух от тандыра.

После разборки суфы в ее массиве были найдены остатки внутренних сооружений комнаты предыдущих строительных периодов. Всего таких периодов было 4. Из них наибольший интерес представляют пол из больших керамических плит белого и красного цветов, выложенных в шахматном порядке и остатки суфы 1 строительного периода. В этой суфе, вероятно, был сделан умывальник (тошна), от которого сквозь толщу наружной стены был проложен водосток из керамических труб для вывода грязной воды за пределы помещения. Такое сооружение найдено в золотоордынских домах впервые. В целом помещение 1 по интерьеру представляет собой типичную жилую комнату, однако, тщательное оформление ее свидетельствует о том, что здесь мог жить хозяин дома. При разборке этого помещения также были найдены фрагменты изразцовых панно и решетки панджара с вставленными в нее цветными стеклами.

С северной стороны находилось помещение 2 размерами 5,0х6,5 м. Стены его также были сложены из сырцового кирпича и оштукатурены белым известковым раствором.

Пол помещения был земляным со следами органики и втоптанной в него золы. В полу были встроены очаги и печи для выпечки лепешек (тандыры). Впоследствии один из танды-

ров был превращен в поглощающий колодец, к которому вел водосток из керамических труб. Вдоль восточной стены комнаты была сделана галерея. Столбы, поддерживавшие крышу, вероятно, были деревянными и от них остались только базы из шестиугольных обожженных кирпичей.

Проход в С стене помещения 2 вел в помещение 12, которое представляло собой коридор, разделявший восточные жилые помещения 4,7,13 и западные 6,8,14. Длина его должна была быть не менее 9,60 м, ширина - 1 м. Пол коридора состоял из трех участков, выложенных кирпичом и отделенных друг от друга деревянными плахами. Стены помещения 12 были деревянными.

С восточной и западной сторон от коридора находилось по три жилых помещения. Стены их также были деревянными. В помещениях находились теплые суфы с канами и тандырами. Полы были выложены обоженным кирпичом. Размеры этих помещений 4,0-3,1 х 2,4 м.

В ЮЗ части здания находилось помещение 10 размерами 4,30 х 3,10 м. Стены его были сложены из большемерного сырца и оштукатурены изнутри. Вдоль восточной и западной стен были сделаны высокие суфы шириной 80 см. Пол был вымощен обломками кирпичей и покрыт толстым слоем известкового раствора. По своему назначению помещение 10, скорее всего, являлось тамбуром, ведущим в парадный зал (помещение11). Проход в зал был сделан в С стене тамбура и оформлен пилонами из обожженного кирпича.

Парадный зал находился в СЗ части здания и имел размеры 10 х 12 м. Стены его были сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе. Пол также был кирпичным, но вымостка его была положена на известковом растворе. В полу зала, ближе к его СЗ углу была сделана большая, круглая в плане тошна. При расчистке помещения 11 было найдено огромное количество кашинных изразцов бирюзового, синего, белого, желтого и красного цветов. Большая их часть представляла собой мозаичные вставки в виде деталей геометрического, растительного и эпиграфического орнаментов. Можно предположить, что мозаичными панно были украшены стены зала. По монетному материалу усадьба датируется 30-50 гг. XIV в.

Недалеко от Красного холма, в том же районе городища, но несколько восточнее, в 70-80 гг. Поволжской экспедицией под руководством Г.А.Федорова-Давыдова были раскопаны три усадьбы. В двух из них (VIII и XV раскопы) усадебные дома имели аналогичную планировку. Это были квадратные в плане здания размерами примерно 20 х 20 м с толстыми стенами из большеформатного сырцового кирпича. Внутреннее пространство этих домов было разделено меридиональными стенами на три ряда помещений. В среднем ряду находился большой зал для приемов, к которому с С и Ю примыкали два входных тамбура. С В и З сторон от зала располагались жилые помещения с суфами и канами.

Здание на XI раскопе, исследованное В.Л.Егоровым, представляло собой огромный дворцовый комплекс, насчитывающий более 30 помещений. Стены его были из обожженного кирпича. Постройка имела сложную планировку, но центром ее также являлся парадный зал с фигурно выложенным полом и стенами, украшенными мозаичными панно.

По сравнению с этими тремя домами усадьба на Красном холме кажется более архаичной, ее планировка менее упорядочена, отдельные части здания построены не одновременно и из разных материалов. В доме также присутствует парадный зал, мощеный кирпичом и украшенный изразцами, но он находится не в центре здания, а в его СЗ части.

Рудаков В.Г. (Москва)

РАСКОПКИ ОСТАТКОВ МИНАРЕТА НА СЕЛИТРЕННОМ ГОРОДИЩЕ

В 1999 г. были продолжены исследования на раскопе XXI, возглавляемые к. и. н. Э. Д. Зиливинской.[1] Раскоп XXI был заложен в 1995 г. на вершине Красного бугра, который имеет крутой обрыв к Ю и ЮЗ, в сторону старого русла р. Ахтубы. В 1995 и 1997 гг. исследовалась большая аристократическая усадьба 1330-1360-х гг., главным образом её центральный дом. Раскоп 1999 г. площадью 248 кв. м вплотную примыкал с З к раскопу 1997 г. В ходе исследований была выявлена западная часть помещения № 11 с кирпичными полами и западная внешняя стена дома. В этом же году в раскоп вошли и конструкции другого большого здания, построенного позднее, видимо, уже после запустения усадьбы.

Целью доклада является описание одного наиболее интересного сооружения, являвшегося частью здания II периода. В южной части раскопа, у обрыва, была выявлена *яма прямоугольной формы в плане*. Она имела размеры 4,2 м Х 2,8 м и была вытянута по линии СЗЗ – ЮВВ. Поверхность ямы представляла собой ровную площадку, образованную слоем (5-10 см) известкового раствора с добавлением мелко битого кирпича. Площадка лежала на глубине 40-45 см ниже уровня материка. После снятия известкового слоя обнаружилось, что яма была заполнена меловыми камнями крупных и средних размеров (до 40 см величиной). Выборка камней в восточной части ямы выявила интересный способ её устройства и заполнения. Глубина ямы составляла 2,3-2,35 м относительно уровня материка, стенки её сужались книзу. Дно котлована было уложено меловыми камнями (толщина слоя 40 см). Выше шел слой (10 см) битого кирпича, залитого известковым раствором. Далее опять – слой камней и снова - слой раствора. Такое чередование слоев повторялось 4 раза.

Поверх четвертого слоя известкового раствора шел слой глиняного раствора толщиной 2-3 см, на котором когда-то лежала кладка из жженых кирпичей. В СЗ части ямы сохранился небольшой участок нижнего слоя этой кладки. Вдоль северного борта ямы шла кладка шириной в 2-2,5 ряда кирпичей и высотой в 4 слоя на глиняном растворе. Обломки кирпичей в этой кладке были использованы для заполнения пространства между краем ямы и рядом целых кирпичей. А у СВ угла котлована сохранился участок кладки угла постройки в 11 слоев. Начиная с пятого кирпича снизу, северный край кладки отступал от края ямы и от северного края предыдущих слоев кладки на 45 см, т. е. на 2 кирпича. Пространство между новым северным краем кладки и краем ямы было засыпано слоем материковой глины (5 см), лёгшим поверх четвертого слоя кладки, а выше - слоем строительного мусора толщиной 15 см. Отступ же был сделан для выравнивания северного края постройки и состыковки её фасада с *фасадом стены*, которая отходила от СВ угла сооружения. От выбранной стены осталась траншея длиной 5,9 м и шириной 75-90 см (толщина остатков кладки – 50-55 см), идущая по направлению ЮЮЗ – ССВ.

У СВ и СЗ углов постройки были обнаружены *две столбовые ямки* диаметром 30 см, куда, вероятно, были вставлены бревна строительных лесов.

К СВ от ямы был расчищен *блок упавшей стены*. Внешняя её сторона, лежащая на земле, была закруглена. Стена, являющаяся частью упавшей башни, была сложена из целых и обломков кирпичей на известковом растворе. Предполагаемый диаметр башни – 2,8-3 м. Также на раскопе во множестве были найдены подточенные лекальные кирпичи от кладки этой башни.

По-видимому, яма с меловыми камнями являлась фундаментом кирпичной постройки. Судя по небольшой площади и довольно большой глубине ямы, постройка имела значитель-

[1] Автор благодарит Э. Д. Зиливинскую за предоставленный материал.

ную высоту. По мнению Э. Д. Зиливинской и автора публикации, это, вероятно, был *цилиндрический минарет с прямоугольным в плане цоколем.*

Чуть севернее котлована находился *завал (2,5 Х 2,0 м) ещё одной рухнувшей стены*. Стена была сложена из обожженных кирпичей на известковом растворе. После разборки верхней части завала, представлявшей собою толщу стены, выявилась её внешняя облицовка, сложенная из красноглиняных отшлифованных кирпичей и поливных кирпичиков (16 Х 10 Х 4,5 см) бирюзового и ультрамаринового цветов. Изразцы образовывали узор из ромбических фигур (для большей наглядности кирпичики были перевернуты). Вероятно, это была облицовка северной стены прямоугольного цоколя минарета.

От СЗ угла постройки отходила *стена*, и шла по линии ЮВВ – СЗЗ. Кладка сохранилась в длину на 1,4 м и в высоту на 7 слоев. Она была сложена из обожженных кирпичей (целых и половинок) на глиняном растворе и имела ширину около 50 см. Далее на З сохранился лишь первый слой кладки, уложенный в канавку, выкопанную в материке. Длина всей стены равняется 3,2 м. Западный ее край соединялся с *прямоугольной в плане ямой*. Ширина ямы – 3,2 м, длина неизвестна, т. к. большей частью она разрушена обрывом. Дно этого котлована лежит на 45 см ниже уровня материка. На дне было найдено несколько плоско лежащих кирпичей. Вообще эта яма симметрична фундаменту башни, но не имеет такой же глубины и заполнения.

К Ю от этой стены зафиксирован *материковый выступ* размерами 3,2 Х 2,2 м, поверхность которого находилась на 45 см выше уровня материка к С от стены. На его поверхность была положена кладка в 1-2 слоя из битых жженых кирпичей. Причем с Ю выступ имел ровный отвесный край. К Ю от него находилась *ровная площадка*, лежащая на 25 см ниже уровня материкового выступа. На ней, возле южного края выступа, были обнаружены отпечатки кирпичей. Это говорит о том, что материковый выступ был со всех сторон ограничен кирпичными стенками. Восточнее фундамента минарета обнаружен *круглый фундамент колонны* диаметром 80 см, сложенный из обломков кирпичей на глиняном растворе. Он был заглублен в материк на 13 слоев кладки.

Большая часть остатков здания II периода, к которому относился минарет, сползла в обрыв. *Это сооружение, вероятно, являлось соборной мечетью.* Причем, здание имело богатый архитектурный декор: на раскопе в огромном количестве найдены фрагменты мозаичных панно, кашинные изразцовые вставки разных форм и цветов, поливные кирпичики и фигурные кирпичи.

Алексейчук С.Н. (Москва)

ОПЫТ ТРЁХМЕРНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ В АРХЕОЛОГИИ НА ПРИМЕРЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ УСАДЬБЫ

В современной археологии все более широко применяется компьютерная обработка данных, получаемых во время археологических исследований. В российской археологии, к сожалению, подобные реконструкции не столь распространены, как в археологии западных стран. Мы пытаемся восполнить этот пробел в отечественной науке.

Одним из методов такой обработки является реконструкция сооружений и построек в трехмерном пространстве. В качестве материала для реконструкции нами были использованы материалы Поволжской Археологической экспедиции по раскопкам на Селитренном городище (раскоп №15). Большую часть раскопа занимала богатая усадьба, центром которой являлся большой многокомнатный дом из сырцового кирпича. К дому примыкал ряд хозяйственных построек. Территория усадьбы была обнесена оградой из сырцового кирпича. Все

выявленные постройки и сооружения разделяются по четырем периодам. Центральный дом, ставший объектом реконструкции, относится ко второму периоду существования всей усадьбы. В то же время все внутренние конструкции помещений главного дома, в свою очередь, разделяются на четыре строительных периода.

Первым этапом реконструкции было воссоздание капитальных стен дома. Затем в эти стены поочередно, согласно строительным периодам, вставлялись и реконструировались внутренние сооружения помещений дома. Целью данной работы было получение трехмерной модели построек, максимально приближенной к сооружениям, исследованным во время раскопок. Для получения объемной модели из двухмерного чертежа применялась третья величина – высота. Высота рассчитывалась исходя из нивелировочных отметок. Для лучшей визуализации также применялось наложение различных текстур на каркас сооружений.

Технически виртуальные модели позволяют строить целый ряд CAD-программных продуктов. В данном случае применялся AutoCAD 2000 – инженерно-техническая программа широкого профиля применения. Ее графическая среда позволяет строить трехмерные модели любого уровня сложности. Также эта программа позволяет применять к модели различные текстуры, которые максимально приближены к строительным материалам, применявшимся в прошлом. Кроме этого, возможно моделирование освещения за счет размещения источников света с необходимой стороны и под нужным углом.

Такая реконструкция, во-первых, дает возможность людям, которые не являются специалистами в данной области и не умеющим читать археологические чертежи, представить себе предмет археологических изысканий. Во-вторых, подобная модель, не искажающая реального положения вещей, будет интересна и для специалистов.

В будущем возможно создание на основе таких трехмерных моделей полной реконструкции сооружений в том виде, в каком они существовали в далеком прошлом. Также возможно создание ГИС-моделей, то есть моделей, сочетающих в себе графическую трехмерную модель и базу данных по находкам.

Скисов С.Ю.(Астрахань)

ЛИТАЯ ЗЛОТООРДЫНСКАЯ МОНЕТА С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Во время экспедиции ПАЭ 1998 года (нач. отр. Голод А.А.) на южной стороне охранной зоны Селитренного городища, примыкающей к селу, была обнаружена золотоордынская монета хорошей сохранности.

Диаметр монеты – 15 мм. Лицевая сторона: шестилепестковый стилизованный цветок . Оборотная сторона: надпись по-арабски – Чекан Сарая ал- Джедид. На месте даты – горизонтальный прочерк. После изготовления в монете с лицевой стороны было пробито круглое отверстие. Во время удара монета слегка деформировалась.

Монеты такого типа хорошо известны (1.стр.441№67), они составляют значительную часть монетных сборов Селитренного городища и датируются 60 –ми годами четырнадцатого века. Их массовая эмиссия началась во время правления Джанибека и продолжалась после его смерти, в так называемую «Замятню», когда в экономике Золотой Орды в силу разных причин возникли кризис и инфляция.

Данная монета не отличается по внешнему виду от сотен себе подобных, за исключением одного качества – она сделана из золотисто- жёлтой бронзы в технике литья. Качество литья для столь маленького предмета весьма высокое – рельеф с обеих сторон пролит полностью, без изъянов. Монета отливалась в разборную форму из двух полуформ. Полуформы были соединены точно, без смещения. Литник входил в гурт монеты. По всему периметру

гурта видны следы небольшого залива металла. Судя по тому, что рельеф на лицевой стороне проработан значительно слабее, монета отливалась горизонтально, оборотной стороной вниз.

Очевидно, что данная монета отливалась людьми, профессионально владеющими тонкостями литейного дела и не является простым повторением чеканных монет.

Чеканные пулы в силу определённых технологических особенностей не имеют правильных геометрических форм. Центр изображения на них смещён (иногда значительно), сам контур чеканной монеты имеет форму весьма неправильного овала.

Публикуемая монета имеет форму геометрически правильного круга, причём центр изображения (цветка) точно совпадает с центром круга. Изображения на обеих сторонах окружены рамкой в виде полувалика. Такое решение чисто технологическое: утолщение края отливки способствует улучшению литейных качеств формы.

Применение литейных технологий в золотоордынском монетном деле – неизвестно, в средневековье в целом встречается редко и нерегулярно за одним исключением: литьё монет было широко распространено в древнем Китае (2.стр.61 – 67) и, судя по находкам китайских монет и кладов в золотоордынских городах (3.стр.50), такая практика была известна в Нижнем Поволжье. Следы участия китайцев в становлении золотоордынской монетной системы косвенно проявляются в появлении на ряде ордынских монет типично китайских изображений. (4.стр.62)

Сейчас трудно судить, была ли публикуемая монета изначально предназначена для украшения или же мы столкнулись с попыткой перехода на другую (более дешёвую) технологию, тем не менее, автор считает необходимым введение этой находки в научный оборот.

Литература:

Янина С.А. Джучидские монеты из раскопов и сборов куйбышевской экспедиции в Болгарах 1946 – 1952 гг.

Мир художественного литья. История технологии. М. 1977 г.

Фёдоров – Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды. – сб.« Материалы и исследования по археологии Поволжья.» И-О. 1998.г.

Сингатуллина А. Джучидские монеты поволжских городов Х111 века.« Татарская археология» №1. 1998г. Казань.

Васильев Д.В.(Астрахань)

ГОРОДИЩЕ АК-САРАЙ

Городище Ак-Сарай (так оно официально именуется в охранных документах, устоявшееся же среди исследователей название – городище Лапас) располагается на левом берегу протоки р. Ахтубы Большой Ашулук к северу от села Лапас в Харабалинском районе Астраханской области. Привлекает к себе внимание также и комплекс развалин мусульманских мавзолеев, расположенный здесь же, к востоку от городища.

Охранная зона городища начинается непосредственно от северной окраины с. Лапас и тянется вдоль по берегу на север на расстояние около 1,5 км. Самое северное местонахождение подъёмного материала зафиксировано в 3250 м к северу от с. Лапас. На восток охранная зона памятника, включающая городище и мавзолеи, протянулась на расстояние около 2250 метров от берега р. Большой Ашулук. В природном отношении территория, занимаемая городищем и комплексом мавзолеев, представляет собой всхолмлённую слабозадернованную песчаную полупустыню. С ССЗ на ЮЮВ территория городища пересекается автодорогой Волгоград-Астрахань. С запада на восток по территории городища проложены два газо- и

нефтепровода высокого давления, технические службы которых (два домика обходчиков, задвижки, дороги и пр.) располагаются на территории городища.

Впервые в XX веке городище и развалины мавзолеев были обследованы В.А. Филипченко – директором Астраханского государственного краеведческого музея, который составил глазомерный план местности и подготовил необходимые документы для постановки на государственную охрану территории "посёлка строителей" и самого крупного мавзолея под названием "Городище Ак-Сарай и развалины феодального замка Давлет-хана". Именно так памятник именуется в охранных документах до сих пор. Лишь в 90-х гг. отряд Поволжской Археологической экспедиции ИА РАН под руководством В.В. Дворниченко приступил к планомерным рекогносцировочным работам на памятнике. Были сняты топографические планы как отдельных мавзолеев, так и местности в целом. Была начата съёмка территории "посёлка строителей". Помимо 4-х крупных мавзолеев, обнаружено ещё несколько меньших по размерам. По результатам работ ПАЭ была значительно расширена охранная зона, мавзолеи и городище были объединены в одну охраняемую территорию. Однако, сложные отношения астраханской Госдирекции охраны историко-культурного наследия с археологами помешали завершению этой большой работы.

В 2000 году на городище производились археолого-этнографические исследования комплексной экспедиции ГНПУ "Наследие" под руководством автора статьи. В работах приняли участие также специалисты из Астраханского краеведческого музея, этнографы из Центра этнополитического изучения народов Астраханского края, Института Востоковедения РАН.

В раскопе №1, заложенном в центральной части охранной зоны городища, культурного слоя выявлено не было Стратиграфия бортов раскопа весьма однообразна. Непосредственно на дневной поверхности залегает слой песка эолового происхождения. Мощность этого слоя – от 20 см до 2 – 2, 5 метров. Слой меняет мощность в соответствии с повышениями или понижениями поверхности материка – плотной светло-коричневой супеси с речной ракушкой. Детальный осмотр имевшихся вблизи от раскопа №1 нарушений поверхности также не обнаружил культурного слоя. Тем не менее, известно, что в 1994 году, при строительстве домика обходчика газопровода, который расположен чуть ближе к берегу, чем раскоп, в котловане были обнаружены под слоем песка остатки дома из сырцового кирпича. Большая протяжённость раскопа №1 и отсутствие в нём и в шурфах культурного слоя позволяет сделать вывод о том, что городище в древности располагалось в непосредственной близости к воде, будучи вытянуто вдоль реки узкой полосой (около 100 метров), а не составляло единого комплекса с мавзолеями.

Раскоп №2 размерами 10х10 м был заложен на береговом обрыве дюны к западу от домика обходчика газопровода. Как показали исследования, дюна на берегу имеет искусственное происхождение и возникла она в 80-е гг., когда выравнивались трассы нефтепровода и газопровода высокого давления – культурный слой был сдвинут бульдозерами в южную и северную стороны от будущей трассы. Поэтому в насыпи встречались разновременные находки – кости ископаемых животных, золотоордынские монеты, фрагменты керамики, сарматская трёхгранная бронзовая стрела – совершенно безо всякой привязки к слоям и горизонтам. Под навезённым техникой слоем песка и остатками культурного слоя залегала прослойка погребённой почвы (на глубине 290 см от поверхности). Мощность самого культурного слоя, находившегося под погребённой почвой, составляла от 1 м до 1 м 20 см.

В ходе раскопок на берегу был частично исследован дом из сырцового кирпича с остатками подворья. Дом в плане квадратной формы, ориентирован по сторонам света с небольшим отклонением. В раскоп попала северная половина дома с прямоугольным помещением №1, пол и стены которого были побелены. В северо-западном торце суфы устроены 2 тандыра из обожжённого кирпича с боковой загрузкой. Топки открывались на внешнюю сторону дома, для растопки необходимо было выходить из помещения. В одном из тандыров

был обнаружен дымоход для повышения тяги, составленный из фрагментов двух кувшинов - тулова и горла. Возможно, тандыры имеют технологическое назначение. Подтверждением этому служит тот факт, что печи примыкают к лежанке-суфе без канов-дымоходов. Вдоль северо-восточной стены дома снаружи была расчищена узкая, но мощная зольная полоса – может быть, остатки внешнего кана – видимо, здесь к сырцовому дому примыкала какая-то легкая деревянная конструкция, для отопления которой и был сооружён кан. Слой золы фиксируется к северу от дома в профиле. Деревянная конструкция, если она существовала, могла погибнуть в огне. Дом пережил несколько перестроек – имеются следы заложенного входа, нескольких надстроек и обмазок суфы. На последнем этапе существования дома помещение №1 было забутовано глиной, обмазана и превращена в пол суфа, в неё врезан дополнительный тандыр (печь №2). Западная часть дома частично перекрыта отложениями прибойной полосы реки и размыта. (Предположительно, подтопление дома произошло около середины XIV века, в период высокого подъёма уровня воды в Каспии и Волге). В настоящее время уровень залегания дома находится на 2 метра выше уровня воды в реке Большой Ашулук. В северной половине раскопа обнаружена обширная хозяйственная яма – вероятно, она сначала служила для выборки глины, а затем была засыпана мусором.

Помимо археологических исследований, сотрудниками экспедиции, Э.Ш. Идрисовым и А.В. Сызрановым проводились этнографические исследования в селе Лапас (Идрисов Э.Ш., 2001, стр. 119). У жителей села ими зафиксирован ряд легенд относительно этих мест. Одна из них гласит, что из города Давлет-хан есть подземный ход, где могли два всадника рядом проехать на водопой к реке Ахтубе. "Давлет-хан" – это местное название развалин самого крупного мавзолея золотоордынского времени к северо-востоку от Лапаса. По преданию, город Давлет-хан был построен как крепость для защиты Сарай-Бату. Как гласит другая легенда, в этом городе жил Джангир-хан со своей красавицей-дочерью. Однажды они подверглись нападению вражеского войска. Хан приказал спрятать всё своё богатство в подземном ходе, затем они вместе с дочерью укрылись там же, приказав закрыть вход. После этого их никто больше не видел. Эти предания бытовали в форме песен, которые исполняли лапасские жители. Возможно, в этих легендах мы видим контаминационные наложения поздних событий XVIII-XIX веков (связанные с именем казахского хана Джангира) на более ранние, уходящие в золотоордынские времена. В рассказах старожилов есть сведения об археологических находках (монеты, наконечники стрел, обломки изразцов и глиняной посуды). На берегу р. Ашулук, протекающей вдоль села, раньше было бугровое место, которое прозвали "Тас Бурын" (ногайск. "Каменный Нос") из-за того, что здесь были видны многочисленные кирпичные кладки. По словам местных жителей, руины стен мавзолеев ещё в начале 30-х гг. возвышались над землёй (они были разобраны жителями с. Хошеутово для строительства противопаводковых сооружений).

Необходимо сказать несколько слов об интерпретации памятника. Особый интерес представляет отмеченное на карте братьев Пицигани 1367 года место, где находятся "гробницы императоров, умерших в районе Сарайской реки" (Чекалин Ф.Ф., 1889, стр. 21, карта в приложении; Рудаков В.Г., 1999, стр 103, 106, карты). Это пояснительная надпись к условному знаку в виде мусульманского мавзолея. На карте Фра-Мауро, созданной в 1459 году также обозначено место, названное им "Sepultura imperial" (императорские захоронения). Плано Карпини пишет о том, что в земле "татар" существует кладбище, "на котором хоронят императоров, князей и всех вельмож, и, где бы они ни умерли, их переносят туда, если это можно удобно сделать…" Кладбище знатных особ и кладбище "тех, кто был убит в Венгрии" являлись запретными территориями и охранялись стражей, не пропускавшей никого под страхом наказания или смерти (Путешествия... 1993, стр. 29).

Городище Лапас описывается В.Л. Егоровым в его экскурсе по золотоордынским городищам. Основываясь на вышеприведённых фактах, автор с уверенностью утверждает, что "именно здесь воздвигались фамильные усыпальницы Джучидов, принявших ислам", а

именно Берке, Узбека, Джанибека и Бердибека, не исключая существования в этом же месте захоронения самого Бату и других ханов-язычников (Егоров В.Л., 1985, стр. 117-118). Он связывает это с давним обычаем монголов отведения запретных территорий ("курук") для захоронения особ правящей династии, который описан В.В. Бартольдом (Бартольд В.В., 1966, стр. 383-384). Само же городище В.Л. Егоров правильно интерпретирует как посёлок строителей мавзолеев, ибо на его территории явно прослеживаются следы производства кирпича, архитектурных украшений, мозаик и майолик.

Среди находок сезона 2000 года, помимо типичной золотоордынской керамики, необходимо отметить остатки керамического производства (сопла, шлаки, тигли и пр.) Найдено 85 монет, из них 37 – в раскопе, остальные - в виде подъёмного материала. Датировка монетного материала была произведена сотрудником Института востоковедения Е. Гончаровым. Все монеты, в основном, укладываются в период с 1312 по 1342 гг. В целом, по его заключению, можно сказать, что городище существовало именно во времена правления хана Узбека и обеспечивало строительство и охрану мавзолеев. Таким образом, можно с большой степень вероятности связать развалины большого мавзолея (№1) с именем хана Узбека.

Основываясь на вышеупомянутых сообщениях Карпини и картографических сведениях, а также на зафиксированном обычае отвода для захоронения особ ханского рода запретных территорий – "куруков", можно предположить существование в районе с. Лапас подобного ханского кладбища. Необходимо оговориться, что нет точных неопровержимых доказательств в пользу этого. Вопрос о том, кому принадлежат менее крупные мавзолеи и как они датируются, остаётся открытым.

Литература:

Идрисов Э.Ш. Материалы по этнографии ногайцев-карагашей. В сб.: "Материалы XXXIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции". Ижевск, 2001

Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным. – Труды СУАК, 1889, т.2, вып.1,, стр. 21, карта, данная в приложении

Рудаков В.Г. Вопрос о существовании двух Сараев и проблема локализации Гюлистана. В сб.: "Учёные записки татарского государственного гуманитарного института". Вып. 7, Казань, 1999

Путешествия в восточные страны Плано Карпини Гильома де Рубрука. Алматы, 1993

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985

Бартольд В.В. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. Соч., т. IV, М., 1966

Кутуков Д.В. (Астрахань)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НИЖНЕВОЛЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ВРЕМЯ

Исследования погребального обряда народов различных эпох помогают создать более полное и четкое представление о материальной и духовной культуре людей в древности. Не является исключением и население Великой Степи золотоордынского времени и, в частности, нижневолжского региона. Однако, необходимо отметить, что, несмотря на огромное количество работ по золотоордынской тематике, проблемы погребальной обрядности освещались в них далеко не всегда, а, если эти вопросы и затрагивались, то лишь эпизодически. Это приводит к тому, что многочисленные особенности духовной жизни населения Золотой Орды остаются неизученными.

В то же время, с помощью традиционных методов обработки археологического материала не всегда можно составить полное представление об исследуемой проблеме, и статистические методы изучения могут удачно дополнять уже апробированные временем методики.

Особенно, на наш взгляд, это оправданно в том случае, когда речь идет о таком объемном и зачастую унифицированном материале как погребальные памятники.

Целью данной работы является освещение одной из особенностей погребального обряда населения Нижней Волги золотоордынского времени. Обработка материала проводилась при помощи статистического пакета STATISTICA для Windows`95/98.

Исходным моментом при использовании формализованных процедур в археологических исследованиях является наличие машиночитаемой базы данных, созданной на основе определенного количества закодированных признаков, по которым проводится дальнейшая обработка. Составленный нами код состоял из 167 альтернативных признаков с числом категорий 2 (1- 0, «да» – «нет», наличие/отсутствие признака), объединенных в 24 совокупности.

Перед проведением статистических анализов непосредственно всего массива захоронений обработке подверглись сами признаки с целью выявить наиболее значимые из них. Для этого у каждого признака был вычислен коэффициент энтропии, после чего отобраны те, что имели значение, равное или выше установленного порога – 0,04 (14 % от min = 0.002 и max = 0.301); таковых оказалось 88. Затем у каждой пары оставшихся признаков был вычислен коэффициент степени взаимосвязи (коэффициент Крамера), и для дальнейших анализов отобраны признаки, имеющие положительное значение коэффициента, равное или больше 0,19 (31 % от 0,000 до 0,61), т.к. для альтернативных номинальных признаков возможно вычислить не только силу связи, но и ее знак. Между оставшимися 63 признаками был построен граф связей, выявивший наличие 3 блоков и 4 отдельных пар признаков.

Первые два блока включают в себя признаки, описывающие погребения, совершенные по языческому и мусульманскому обрядам. Признаки третьего блока описывают захоронения, в которых естественное сочленение костяков было нарушено.

В целом, не принимая во внимание материалы нашей выборки, подобные комплексы можно разделить на две группы: с обрядом обезвреживания погребенных (ООП; термин В.С. Флерова) и «упакованные» (термин И.С. Каменецкого).

За ООП стоит сложное миропонимание и мировоззрение, которое обязательно предполагало наличие минимум двух миров: верхнего мира живых и нижнего – умерших, между которыми имеются реальные связи. Цель ООП определенна: лишить умершего возможности встать и выйти из могилы непосредственно в своем, еще не исчезнувшем, человеческом обличии, но уже в другом качестве, как выходец из загробного мира; т.е., неразрушенные останки родственников были постоянным источником опасности. Уже само воздействие непосредственно на тело или его останки говорит об относительно примитивных представлениях о мироздании. Они характеризуют тот уровень религиозного мировоззрения, на котором еще четко не оформилось представление о чисто духовной субстанции. Вероятно, для духа человека этого уровня еще было недоступным полностью абстрагировать понятие «душа», «дух», представить их вне любой материальной оболочки. Естественно, мотивировки необходимости обезвредить тело или скелет, представления о потустороннем мире и путях к нему могли быть многообразными, но суть их оставалась одна, а соответственно, близкими были методы обезвреживания. ООП зафиксирован в погребениях различных народов разных эпох: возможно, ритуальному разрушению подвергались скелеты на могильнике Подкумский I-III вв. н.э. на Кавминводах, на могильнике в Кисловодске «Директорская горка» конца VII-середины VIII в., в курганах усуньского времени в Чуйской долине, в катакомбных подкурганных захоронениях кугайско-карабулакской культуры III-IV вв. в Фергане, в Бамутском курганном могильнике XIV-XVI вв. (Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963, с. 224, 228, 230), в могильниках зарубинецкой культуры; ВВ. Седов отмечает расчленение скелетов в славянских курганах, видя в этом «бесспорный фино-угорский элемент» и ссылаясь на Хотимльский, Малышевский и Муромский могильники. Однако, наиболее ярко ООП проявляется в катакомбных и ямных погребениях салтово-маяцкой культуры: Нетайловский, Клин-

Яр (Флеров В.С., 1998, с.138, 139), Дмитриевский, Маяцкий, Подгоровский, Верхне-Салтовский могильники, некрополь Саркела-Белой Вежи (Плетнева С.А., 1996, с. 64), грунтовые погребения в дельте Волги на бэровских буграх Степана Разина, Казенном, Бараньем, могильники на территории Волжской Булгарии (Больше-Тарханский, Танкеевский) и Придунайской Болгарии (Флеров В.С., 1993, с. 42-60).

Таким образом, ООП представлен довольно широко как хронологически, так и территориально. Но особенно ярко этот обряд проявляется у болгарских племен как в районе собственно салтово-маяцкой культуры, так и за его пределами – в Волжской Болгарии, где он, видимо, сохранялся достаточно длительное время и откуда попал на Нижнюю Волгу уже в золотоордынское эпоху. В Среднем Поволжье ритуальная нарушенность костяков зафиксирована на мордовских могильниках IV-XIV вв. в Окско-Сурском междуречье (Осипова Т.В., 2000, с. 108, 109), на грунтовом могильнике в урочище Мартышкино (Моржерин К.Ю., 1996, с. 63), а также на Комаровском грунтовом могильнике (Моржерин К.Ю., 1997, с. 98). Интересно, что обряд (несколько символичного характера), призванный помешать выйти из могилы злонамеренной душе, а фактически самому погребенному, наблюдается уже в новое время у восточноевропейских калмыков: вместо копий и мечей (что было довольно распространено у многих племен, в том числе и славянских) калмыки втыкали в могилу три иглы (Флеров В.С., 1993, с. 59-60).

Однако, погребения с обрядом обезвреживания в данной работе не рассматриваются, вяляясь самостоятельной темой для изучения.

К группе «упакованных» захоронений, описываемых признаками третьего блока, мы относим семь комплексов, шесть из которых исследованы на грунтовом могильнике Маячный бугор-I, (№№ 55, 60, 136, 142, 143, 144 – раскопки А.С. Котенькова за 1991-1992 гг.) и один – на некрополе Селитренного городища (№ 265, раскопки 1978 г.). К «упакованным» относятся погребения не с ритуальным разрушением костяка, а с захоронением (или перезахоронением) очищенных от мягких тканей длинных костей, черепа, ребер и костей таза; останки, независимо от размеров могильной ямы, укладывались, в основном, вплотную друг к другу. В обряде «упакованных» погребений ясно прослеживается влияние зороастрийских погребальных традиций. Аналогичные захоронения исследованы на некрополе Миздакхана (Б-б-I-1 – погребения в грунтовых ямах) (Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К., 1970, с. 30). Различие между миздакханскими и маяченскими захоронениями заключатся лишь в том, что могильные ямы последних были изнутри обложены кирпичом и имели сырцовые заклады; на Селитренном городище границы ямы не обнаружены. Миздакханские захоронения относятся к VII- первой половине VIII в.; аналогичные погребения имеются на городище Ак-Бешим в Киргизии, где они также датированы VII-VIII вв.; на некрополе древнего Тараза (г. Джамбул, Южный Казахстан; дата устанавливается в пределах IX-X вв.), в Хорезме (Калалы-гыр I, где кости, как предполагается, первоначально были завернуты в ткань – принимая это во внимание, можно отметить, что возможно, термин «упакованные»отражает определенную сторону обряда, а именно, заворачивание костей в ткань при отсутствии оссуария или какого-либо сосуда, его заменяющего) (Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К., 1970, с.113). На протяжении второй половины VIII в. в Хорезме происходит замена старых типов вторичных погребений предварительно очищенных костей новыми типами погребений с трупоположениями, что было результатом смены религиозной идеологии, замены маздеизма и христианства новой единой религией – исламом, принесенном в Среднюю Азию арабскими завоевателями. Но, естественно, это не исключало сохранения отдельных общин приверженцев прежней религии в условиях уже мусульманского Хорезма, в пользу чего свидетельствуют сообщения Бируни о существовании общин магов в Хорезме, а также обнаруженный во Фринкенте оссуарный могильник XIII в. (Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К., 1970, с. 152-153). Известно, что в монгольское время во многих городах Нижнего Поволжья появились переселенцы из Средней Азии и, в частности, из Хорезма, всячески способствовавшие укреплению ислама в Зо-

лотой Орде. Но, вполне вероятно, что среди них были представители сохранившихся зороастрийских общин, которые и оставили «упакованные» погребения. Однако не следует считать, что, сосуществуя в одном регионе, обе религии (ислам и маздеизм) оставались неизменными; шла обоюдная трансформация религиозных представлений, отражавшаяся на погребальном обряде. «Ислам сумел срастись со всем комплексом доисламских верований и обрядов» (Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К., 1970, с. 153-154). Этот тезис находит подтверждение далеко за пределами и Нижней Волги и Средней Азии: в одном из мавзолеев (№ 1) начала XV в. города Мохши исследовано 3 погребальных места, заполненных плотно уложенными кирпичами, т.е. здесь был наземный способ захоронения, что противоречит мусульманскому и соответствует зороастрийскому погребальным обрядам. Г.П. Снесарев говорит о том, что в мусульманской Средней Азии, особенно в Хорезме, склепный способ трупоположения с мерами изоляции от земли местами даже являлся господствующим (Алихова А.Е., 1973, с. 230-233).

Таким образом, изучение представленной выборки свидетельствует о наличии различных составляющих компонентах погребального обряда золотоордынского населения Нижней Волги. Среди прочих религиозных представлений, оказавших влияние на складывание во многом синкретичного погребального обряда, был и зороастризм, но, вероятно, уже не в «чистом» виде, а испытавший серьезное влияние ислама, что иллюстрируют погребения с Маячного бугра-I: пять из них не только имели кирпичную выкладку бортов, но и были перекрыты закладами, в подавляющем большинстве своем использовавшимися при захоронении мусульман.

Необходимо также отметить, что наше, далеко не полное, изучение затрагиваемой проблемы свидетельствует о возможности эффективного применения статистических методов обработки массового археологического материала.

Литература:

1. Алихова А.Е.1973. Мавзолеи города Мохши-Наровчата / СА, № 2.

2. Грачева Г.Н., 1972. Народные названия, связанные с погребениями и погребальными сооружениями (по материалам Западной Сибири) / Этническая история народов Азии. М.

3. Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М., 1963. Бамутский курганный могильник XIV-XVI вв. / Древности Чечено-Ингушетии. М.

4. Моржерин К.Ю., 1996. Раскопки грунтового могильника XIV в. в урочище Мартышкино / Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов.

5. Моржерин К.Ю., 1997. Камаровский грунтовый могильник XIII-XIV вв. на р. Сердобе / Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып.2. Саратов.

6. Осипова Т.В., 2000.Семантика костюма из погребений с обрядом вторичного захоронения на территории Окско-Сурского междуречья / Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Международной археологической конференции 14-18 марта 2000 г. Самара.

7. Плетнева С.А., 1996. Саркел и «Шелковый путь». Воронеж.

8. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука, 1993. Алматы.

9. Флеров В.С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий комплекс). Волгоград.

10. Флеров В.С., 1998. Обезвреживание погребенных в Северном Предкавказье и на Дону в I-VIII вв. / Проблемы археологии Юго-Восточной Европы (тезисы докладов VII Донской археологической конференции). Ростов-на-Дону.

11. Хисматулин А.А., Крюкова В.Ю., 1997. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПБ.

12. Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К., 1970. Некрополь древнего Миздакхана. Ташкент.

Павленко Ю.А. (Астрахань)

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ СУФИЗМА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ.

Среди актуальных проблем изучения культурного наследия народов Нижнего Поволжья, исповедующих ислам, едва ли не самой важной остается проблема суфизма. Начиная со

средних веков, ислам, который не только был религией, но и порождал определенный образ жизни, во многих странах выступал по большей части в виде сети суфийских орденов, или, точнее, братств. Немалое значение имело и то, что суфизм оказался причастен к освоению культурных ценностей, которые внесены были в формировавшуюся мусульманскую культуру доисламскими цивилизациями.

В 1989 г. объектом полевых исследований археологического отряда Астраханского музея-заповедника под руководством Плахова В.В. явился участок средневекового золотоордынского городища у пос. Комсомольский (г. Орду Муаззам) в Красноярском районе Астраханской области.

В результате проведенных работ были выявлены остатки архитектурного комплекса второй половины XIII в. - кирпичного мавзолея с остатками сырцовых стен вокруг него. Мавзолей (или усыпальница) представлял собой прямоугольное сооружение, состоящее из квадратной в плане курханы (погребальная камера) и выступающего от неё на юг пештака (портала) с зийаратханой (комната для духовного общения).

От курханы сохранились остатки массивной цокольной части и кирпичный пол. Кирпичи цокольной части были выбраны во время разрушения комплекса, поэтому цокольная часть сохранилась лишь частями. Цоколь был сложен из обожженного кирпича на известковом растворе. Кирпич имел, в основном, размеры: 25-26 х 25-26 х 5-6 см. Сохранившаяся цокольная часть мавзолея опиралась на песчаную подушку. Под подушкой располагался двухслойный ленточный фундамент. Верхний слой был представлен фрагментами битого бракованного кирпича при обжиге и простого битого обожженного кирпича. Нижний слой фундамента состоял из белого камня: светло-серого песчаника с известковыми включениями. Пол курханы был выложен из обожженного кирпича. Кирпичная кладка пола была сделана на кыре, представлявшем собой плотную зеленоватую глину с включением алебастра.

Пештак с зиаратханой сохранился в виде цоколя с длиной в плане 9,38 м. (з./в.), шириной 3,2 м (С-Ю), представляя собой П-образную конструкцию, примыкавшую к южной стене курханы. Цоколь пештака был сложен из обоженного кирпича с размерами: 25-26 х 25-26 х 5-6 см., также встречались кирпичи с размерами 25 х 12-13 х 5-6 см., кладка велась на алебастровом растворе. Центральная часть пештака имела остатки дверного проема в виде фрагмента пола прохода в зийаратхану. Пол зийаратханы представлял собой светло-серую глину с известью, поверх которой была положена зеленоватая масса кыра. Зийаратхана непосредственно примыкала к курхане.

Мавзолеи квадратные в плане с шатровым перекрытием на барабане, как архитектурный тип, воплощены в разных регионах в традиционных для них материале и формах, широко распространены по всему Востоку. В литературе этот тип мавзолеев включен в группу условно называемых «кубическими» и иногда к ним применяется термин «шатрово-башенные мавзолеи» или "портально-шатровые мавзолеи". В организации внутреннего пространства таких мавзолеев внешний объем барабана и шатра структурно не выявлены, а композиция и архитектура их интерьеров традиционны: переход от квадрата стен и окружности внутреннего сфероконического купола создают ярусы тромпов и многогранников.

Внутри курханы мавзолея, в северной половине площадки пола, располагалась сдвоенная мастаба (надгробие), что свидетельствовало о наличии двух захоронений в склепах.

Погребение № 2 представляло собой склеп со сводом, выложенный из сырцового кирпича (43-44 х 21-23 х 8-9 см.) и ориентированный по линии запад-восток. При его расчистке выявились контуры стенок деревянного гроба, внутри которого находился скелет мужчины. Гроб (ширина в западной части - 83 см., в восточной - 43см., длина - 220см., высота - 40 см.) был охвачен снизу и с боков железными пластинами. При погребенном находился железный нож с бронзовым перекрестием, фрагменты кожаных сапог, куски ткани, железный шишак, две золотые серьги, 11 золотых пластин и золотой динар ал-Мелика аз-Закыр Рукн-ад-Дин

Бейбарса (султана Египта 1260-1277 гг.),чекан Каира. Погребение относится ко второй половине XIII века.

Погребение №3 также представляло собой склеп со сводом, ориентированный по линии запад-восток. На дне склепа был гроб (ширина в западной части - 73 см., в восточной - 41 см., длина 184 см., высота - 35 см.), в котором находился скелет женщины порядка 17-18 лет. В стенках гроба, как в торцовых, так и в длинных находились кованые гвозди. При погребенной обнаружено: маленький железный нож с бронзовым пластинчатым перекрестием, серебряный дирхем, а в области черепа лежали шесть золотых кружков и фрагменты берестяной бокки Погребение относится ко второй половине 13 века.

К северо-востоку от мавзолея располагались жилые помещения (гостиный двор). Дома имели стены на кирпичных сырцовых цоколях и внутренние кирпичные сырцовые сооружения – суфы-лежанки и печи с горизонтальными дымоходами, т.н. каны.

При структурном анализе данного комплекса выявляются особенности культовой архитектуры мусульманского средневековья, определенно связанных с суфизмом и наиболее близких к завийа.

Завийа – (суфийская обитель), имеет общие для всех её разновидностей определяющие элементы: во-первых, это, прежде всего, комплекс построек, окруженных стеной; во-вторых, смысловой и композиционный центр каждой завийа – гробница либо основателя, либо святого; в-третьих, небольшая мечеть для сокровенных молений, тогда как хадра (собрание суфиев для песнопения) обычно устраивалась во дворе; в четвертых, бесплатная гостиница или постоялый двор (зачастую постройки рядового типа). Часто может быть еще один признак – примыкающее к завийа небольшое кладбище.

Самое широкое распространение завийа получила в Магрибе (северная Африка) в эпоху мамлюков (13-15 вв.), благодаря необычайному развитию в этом регионе культа святых, обусловлено это было, прежде всего, особыми социально-политическими условиями, требовавшими консолидации средств и сил.

Почему завийа - уникальный институт ислама, появляется в Нижнем Поволжье во второй половине 13в.

Уже в 13 веке правящая верхушка Монгольской империи повела политику, перехода от набегов и грабежей оседлого городского населения к его систематической мирной эксплуатации. К этому времени в Золотой Орде стала очевидной необходимость объединений, которые бы заботились не только о религиозных запросах людей, но и сохранили бы социально-политическую структуру сложившегося государственного образования; таковыми, в силу сложившихся обстоятельств, стали мусульманские общины, точнее, суфийские братства. Религиозный дух разноверного населения невозможно было ограничить рамками одной религии, а суфизм в такой форме (общины) проявлял удивительную социальную пластичность. Религиозные общины и семья (в широком смысле) были самыми крепкими связующими звеньями общества. Если в основе семьи лежит родство, то суфийские братства объединяли религиозные узы. Возникнув вне официальной религии и обслуживая глубокие духовные потребности верующих, суфизм объединял широкую разнообразную религиозную практику - от примитивного натурмистицизма, ведовства духа и народных культов божественной силы до тончайшего разработанного философского монизма. Старые сакральные места были исламизированы, превратившись в гробницы мусульманских святых, предания из более ранних религиозных пластов приспособлены и подогнаны под мусульманские нормы, а упражнения йоги и ритуальные танцы включены в разные виды зикра (достижение состояния духовной сосредоточенности с целью ощущения внутри себя божественного присутствия).

Шнайдштейн Е.В.(Астрахань)

ХАДЖИТАРХАН
(Источники)

Данные письменных источников о Хаджитархане скудны и носят отрывочный характер. Золотоордынских письменных источников не сохранилось. Наиболее подробный рассказ оставил известный арабский путешественник Ибн Батута, лично побывавший а Поволжье и посетивший Хаджитархан в 1333 году, куда он прибыл к зиме и сказался тут в непривычных климатических условиях. Волгу сковал лед, холод казался совершенно невыносимым после тропического зноя Африки, откуда прибыл Абу-Абдаллах Мухамед Ибн Батута. Но это не помешало ему оставить благоприятные впечатления о городе, он записал также объяснения названия города, на которое ссылаются все авторы, писавшие позднее о нем.

«Когда праздник кончился, то мы отправились в путь с султаном и со ставкой и прибыли к городу Хаджи-Тархану. Тархан- значит у них место, изъятое от платежей, … город этот получил название от тюркского хаджи (паломник) – одного из благочистивцев, поселившегося в этом месте. Султан отдал ему это место безпошлинно, и оно стало деревней; потом оно увеличилось и стало городом». Ибн Батута утверждает далее, что это – "один из лучших городов с большими базарами" (Тизенгаузен В.Г., 1884).

Большинство текстов арабских и персидских авторов собрал и издал в прошлом веке востоковед В.Г. Тизенгаузен, первая часть «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» издается в 1884 году, где и публикуется рассказ Ибн Батуты, посетившего города Поволжья, в том числе и Хаджитархан.

Изданный в 1941 году второй том «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» составили извлечения из сочинений персидских авторов, подробно осветивших войну Тимура с Тохтамышем в последнее десятилетие XIV века, которая коснулась и Хаджитархана и привела к гибели Золотоордынское государство, (Тизенгаузен В.Г., 1941).

Тимур подошел к Хаджитархану суровой зимой 1395 года. Город готовился к обороне. Со стороны степи высокие стены хорошо его защищали, а со стороны Волги зимой прибрежная полоса делалась самим уязвимым местом; жители их кусков толстого льда, заливая их водой, построили мощную стену, но русливые правители решили сдаться Тимуру без сопротивления. Тимур отдал город войскам на разграбление, затем поджег его и разрушил. Никогда еще войско Тимура не было так нагружено добром, как в зиму 1396 года, (Тизенгаузен В.Г., 1941), после чего Хаджитархан, по словам Барбаро, представлял собой «почти разрушенный городишко», (Барбаро, Контарини, 1971).

Когда Амброзио Контарини – посол «Светлейшей Венецианской республики», в 1476 году, проехал мимо этих мест, он заметил город, лежащий на берегу Волги, не очень обширный и окруженный низкой стеной; «дома же в нем почти все мазанные, хотя кое-где видны еще свежие остатки больших зданий, (Барбаро, 1971).

Большую работу в области изучения памятников старины и городов Золотой Орды в Нижнем Поволжье проводил Василий Никитич Татищев – выдающийся ученый и крупный государственный деятель, назначенный в1741 году губернатором Астраханского края. Его письма, как считают исследователи В.Л. Егоров и А.И. Юхт, «являются первым в русской историографии описанием остатков городов Золотой Орды в Нижнем Поволжье», (Егоров В.Л., 1986). Далее приводятся сведения о крупном районе градостроительной культуры, который находился в низовьях Волги и Ахтубы, где «с двадцать верст видимо, что было каменное укрепление», (Егоров В.Л., 1986), возможно, центром этого района, предполагают авторы, был город Хаджитархан, остатки которого сейчас полностью уничтожены Волгой, (Егоров В.Л., 1986).

Знаменитый натуралист и путешественник Петр Симон Паллас в 1769 году путешествовал по Волге и в своем труде «Путешествие по разным провинциям Российской импе-

рии» оставил описание кирпичных куч и взрытой селитренной земли, доказывающих «что здесь был некогда город», (Алексеев В. 1936).

Описал «развалины старинного города» и начальник астраханской экспедиции Самуил Георг Гмелин в своем труде «Путешествие по России для исследования трех царств природы» опубликованном в Санкт-Петербурге в 1777 году, (Алексеев В., 1936).

Упоминает о татарском городе Астрахани, прежде стоявшем по «течению реки Волги на правой стороне, в 60 верстах – ниже от Ахтубинской станицы, поблизости целительных грязей», (Ключаревская летопись, 1887) и Ключаревская летопись составленная ключарем Астраханского кафедрального собора Кириллом Васильевым, жившим в конце XVIII- начале XIX века.

В 1872 году в Астрахани учреждается Петровское общество исследователей Астраханского края, по Уставу которого предусматривалось всестороннее изучение родного края. В 1887 году создается историко-этнографическая секция, члены которой составили программу для собирания археологических, нумизматических и этнографических сведений по Астраханскому краю. К этому можно отнести начало археологических исследований на Шаренном бугре, где располагались следы Хаджитархана. Неоднократно общество обсуждало сообщения своих членов о состоянии остатков Хаджитархана, составляется план Шаренного бугра, производится фотофиксация местности, (Отчет, 1894, 1896).

По ходатайству Петровского общества Российская Археологическая Комиссия командировала в 1893 году А.А. Спицина в окрестности Астрахани, который обследовал на Шаренном бугре следы золотоордынского города, тянувшегося по берегу Волги «полосою до 70 сажен ширины» и нашел характерные для золотоордынских вещи и монеты (двести монет медных и серебряных 1312-1394 г.г.), (Астрахань в кармане, 1925).

Обладая полномочиями от археологической комиссии и Открытым листом А.А. Спицин «производил на бугре разрытия в трех местах… Раскопка производилась в течении двух дней в глубину не более двух с лишком аршин. Результатами ее было нахождение нескольких костяков, множество старинного крепкого кирпича, битой посуды, разных отдельных металлических вещей нескольких бронзовых стрел, медных и серебряных монет…», (Отчет, 1894). Попались и «следы правильного кирпичного сооружения могильника, массы пепла, угля» (Отчет, 1894), оставшегося, видимо, после нашествия Тимура.

Неоднократно члены Петровского общества посещали Шаренный бугор и собранные находки сдавали в Астраханский краеведческий музей, среди находок 1900 года большой интерес представляли водопроводные трубы из обожженной глины, одним концом труба выходила к Волге, (Отчет, 1900).

В 1913 году императорская Археологическая комиссия выдает Открытый лист на раскопки на Шаренном бугре шведскому археологу Арна, который отчета о раскопках не представил и вывез весь собранный материал за границу, (Астрахань в кармане, 1925).

В 1921 году Шаренный бугор посетил В.Ф. Баллод, но раскопок он не производил. Члены Петровского общества исследователей Астраханского края продолжали обследование Хаджитархана и в 1920 годах.

В исследовании В.Л. Егорова «Историческая география Золотой Орды XIII-XIV вв.» приводятся данные о более чем ста золотоордынских городах, и упоминается Хаджитархан, находящийся на правом берегу Волги на Шаренном бугре, причем, совершенно верно утверждается, что «в настоящее время городище почти полностью смыто Волгой», (Егоров В.Л., 1985). Проведенные во второй половине XX века археологические раскопки на оставшихся незастроенными участках этого городища, подтвердили и дополнили данные письменных источников.

Гузейров Р.А. (Казань)

.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ КРАСНОГЛИНЯНОЙ ПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ ХАДЖИ-ТАРХАНА

Одним из крупнейших городов Золотой Орды, построенных на Нижней Волге в конце XIII века, был город Хаджи-Тархан. Предметом нашего исследования в данной статье является комплекс красноглиняной поливной керамики этого золотоордынского города.

Красноглиняная поливная керамика на городище Хаджи Тархан является одной из самых многочисленных групп керамики. Она составляет 18,8 % от всей керамики городища. Систематизация красноглиняной поливной керамики городища Хаджи Тархан основана на классификации красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов Н.М.Булатова (1, с. 73-107).

Отдел 1. Керамика с прозрачными поливами.

Группа 1. Керамика с бесцветной поливой и подглазурной росписью по ангобной подгрунтовке.

Этот тип керамики аналогичен большой группе кашинных изделий с полихромной безрельефной росписью под прозрачной бесцветной глазурью (2, табл.2). Керамика имеет подглазурную роспись теми же красками, а именно серо-зеленой и синей. Встречаются растительный и геометрический орнаменты. Растительный орнамент представлен рисунками листьев, ветвистых кустов, «яблок». Все эти сюжеты даны на фоне густо расположенных мелких коричневых точек. У сосудов открытой формы, украшенных геометрическим орнаментом, днища разделены на четное количество секторов, а внутренняя поверхность также делится на сектора и пояса с изображением в них треугольников, кругов, зигзагообразных линий. Фрагменты керамики этого типа встречаются и на Царевском городище с теми же мотивами росписи.

С городища Хаджи Тархан известен фрагмент донышка керамики этого типа (Астраханский краеведческий музей-заповедник(далее АКМЗ), инв.№ 35). В центре его изображен шестилепестковый цветок: сердцевина цветка и лепестки даны синей краской и обведены коричнево-зелеными линиями. Из места стыка лепестков поднимаются сильно стилизованные растения другого варианта, изображенные коричневой краской, на самом стебле нанесены три синие точки. Еще выше по белому полю раскиданы изображения синих цветов, похожих на васильки.

Такие изображения цветов не раз встречены на кашинной керамике тимуридского типа в золотоордынских городах Поволжья и в Хорезме (3, рис.4 и рис.34,2). Встречаются они и в поливной керамике Байлакана XI-XIII вв. (4, с.274, рис.6). Формы сосудов, судя по имеющимся в наличии фрагментам, представляли собой в основном пиалообразные чаши на высоких кольцевых поддонах. Фрагмент с городища Хаджи Тархан имеет полукольцевой поддон, т.е. поддон, характерный для красноглиняных поливных изделий хорезмской керамики XII-XIII вв.

Группа 2 Керамика с опаковой бирюзовой поливой. Без росписи. По форме эти сосуды, в основной своей массе относятся к плоскодонным кувшинам и горшкам.

Кроме того, к керамике этого типа можно отнести и красноглиняный светильник с округи городища Хаджи Тархан (городище Красный Яр) (АКМЗ, сборы Нестеренко Б., инв.№ 4831). Полива на нем, сильно потрескавшаяся и частью отслоившаяся, имеет неровный бирюзовый цвет, местами с синеватым отливом, но она непрозрачна. Тулово сосуда, имеет в плане правильный двенадцатигранник. Сверху в центре выступает на 1 см цилиндрическое горло- отверстие с длинным прямоугольным сливом сбоку.

Отдел 2. Керамика со свинцовыми поливами. Красноглиняная керамика со свинцовыми поливами является самым многочисленным отрядом поливной керамики золотоордынских городов. По цвету поливы она делится на две большие группы- с зеленой поливой и с желтой поливой, и на три немногочисленные – с бирюзовой, бесцветной, и оранжевой поливами. Так

же, как и в кашинной керамике, здесь существует определенная зависимость между составом поливы и ее цветом, впрочем, постоянно нарушаемая.

Группа 1 Керамика с прозрачной зеленой поливой.

Тип 1. Керамика с зеленой поливой и подглазурной росписью ангобом. Встречен фрагмент стенки сосуда, где с внешней стороны полива зеленоватого цвета, с внутренней – бесцветная полива с красной росписью ангобом. Толщина 8 мм, длина 68 мм, ширина 28 мм (5; 6).

Подобная техника росписи хорошо известна в Крыму, на Кавказе и в Передней Азии в XI-XIV вв. (1, с. 79). На золотоордынских городищах подобный фрагмент сосуда встречен только в Маджарах (1, с.79). Найдены фрагменты поливных сосудов, внутренняя или, чаще, наружная поверхность которых украшена беспорядочной росписью белыми ангобными пятнами.

Часто внешняя сторона чаш или кубков орнаментирована арочками, но лишь по верхней части, так как слой поливы, а следовательно, и ангобная роспись часто не опускаются на таких изделиях ниже половины их высоты.

С территории городища (АКМЗ. Инв.№ 4641) происходит почти целиком сохранившаяся пиалообразная чаша на кольцевом поддоне с отогнутым венчиком. Высота чаши 7,5 см, диаметр по венчику 16,5 см. Дно расписано узкими ангобными полосами, образующими клетки. Окаймляют этот клетчатый орнамент два широких концентрических круга из ангобных полос. Далее следуют три орнаментальных пояса из широких, вплотную поставленных друг к другу, мазков в виде запятых. Эти орнаментальные пояса отделены друг от друга концентрическими коричневыми кругами неангобированных полос.

Аналогии данной чаши мы находим в поливном производстве средневекового Херсонеса (7, с. 193), Кавказа и Передней Азии (1, с. 79-80). Встречен еще один фрагмент подобной техники. Это фрагмент стенки пиалообразной чаши. На белом фоне у придонной части - детали растительного орнамента, выше – фриз с лепестками-глазками, выше – фриз с сеткой. На оборотной стороне – арки. Орнамент выполнен грязно-зеленым цветом, арки зеленые. Толщина стенки 8мм. Длина фрагмента 96мм, ширина 93мм. На золотоордынских городищах фрагменты керамики с росписью подглазурными ангобными кругами обнаружены на Азакском, Маджарском и Царевском, Увекском городищах (1, с.79).

Тип 2. Керамика с зеленой поливой по ангобной подгрунтовке.

Кувшины. Приземистый тяжеловесный сосуд, имеющий в верхней части форму широкого цилиндра, а в нижней – форму резко расширяющегося горшка. Массивная овальная в сечении ручка тоже покрыта зеленой поливой. Фрагмент данного кувшина происходит с городища Хаджи Тархан. Тесто рыхлое с большими примесями шамота.

Аналогичные фрагменты сосудов обнаружены на Селитренном городище (1, с.82) и такая же форма встречена в неполивной керамике Болгар XII-XIV вв. (8, с.131, рис.9,8).

Чаши. Пиалообразная чаша, полусферическая с прямым венчиком на кольцевом поддоне. С зеленой поливой и ангобной подгрунтовкой.(АКМЗ. Инв. № 4783.)

Аналогичная целая чаша встречена на Болгарском городище (1, с.83). Также встречены фрагменты подобных чаш (6, оп. №71, 96).

Светильники. Круглый в плане, с небольшим выступом слива, с невысоким вертикальным бортиком по краю, иногда бортик загнут во внутрь. Дно у них почти всегда плоское, дисковидное. Такие светильники часто встречаются и среди неполивной керамики (АКМЗ. Инв. 4639).

Аналогии известны на Селитренном (АКМЗ. Инв. №2027) и Маджарском городищах (9; 10; 11).

Тип 3. Керамика, орнаментированная техникой «резерва» и гравировкой.

Фрагмент пиалообразной чаши на кольцевом поддоне с плавно округленными стенками и чуть отогнутым наружу венчиком, дно которого украшено рельефным растительным орнаментом на темном фоне «резерва». Этот орнамент двумя концентрическими линиями

гравировки, выше которых на равном расстоянии расположены радиально поднимающиеся побеги растений (АКМЗ. Сборы Новикова П.М. в 1966 г., Инв. № 1786.). Орнамент на дне чаши аналогичен растительным орнаментам с кашинных изделий.

Аналогичный фрагмент был найден на Увекском городище (Саратовский областной музей краеведения(далее СОМК), инв. № 730). Фрагменты подобных сосудов встречены и на Царевском городище (Государственный Эрмитаж, инв.сар.№138).

Тип 4. Керамика, украшенная гравировкой и частичной оранжевой подцветкой поливы. Археологически целое большое красноглиняное блюдо. Размеры: высота 8 см, диаметр 50 см, толщина стенок до 2 см. На кольцевом поддоне с широким, почти горизонтальным венчиком. Сохранившиеся фрагменты дают возможность полностью восстановить декор внутренней поверхности изделия. В центре дна располагается нанесенный линиями гравировки многолепестковый стилизованный цветок. Лепестки расположены вокруг окружности, нанесенной двойной линией гравировки, и все они поочередно окрашены в оранжевый и темно-зеленый цвет. Цветок расположен на светло-зеленом фоне остальной поверхности дна. От дна поднимаются несколько концентрических поясов, окрашенных то в светло-, то в темно-зеленый цвет. Выше этих поясов идет пояс из прямоугольников, образованных вертикальными двойными линиями гравировки. Внутри изображены (гравировкой) концентрические круги, окрашенные в оранжевый цвет. Этот пояс сверху окаймляется узкой полосой с изображением гравировкой непрерывно вьющейся спирали на темно-зеленом фоне. Стенка блюда украшена широкими концентрическими линиями гравировки. Весь этот орнамент завершается широким горизонтальным венчиком, на котором изображен непрерывный ряд арок одинарной линией гравировки. В каждой арке на светло-зеленом фоне помещено широкой гравировкой по одной арабской букве (5, рис.34. Яма 68). Фрагменты с такой техникой орнаментации встречены на Царевском и Селитренном городищах (1, с. 92).

Тип 5. Керамика с гравировкой по ангобу под прозрачной зеленой поливой. Это гравировка острым предметом по покрытой ангобом глине. После покрытия изделия прозрачной поливой линии орнамента приобретали коричнево-бурый или черный цвет, удачно контрастирующий с общим фоном.

При раскопках найдены следующие предметы этой категории: 1) фрагмент сосуда с частью нарезного растительного орнамента черного цвета на зеленом фоне. Толщина 11мм, ширина 27мм, длина 35мм (6, оп.№ 79); 2) фрагмент донца сосуда, где на донце нанесен нарезной геометрическо-растительный орнамент с заполнением линий черной краской. Фон – зеленый. Диаметр поддона 66мм, длина фрагмента 97мм, высота 34мм (6, оп.№137); 3) фрагмент пиалообразной чаши. Придонная часть. Внутренняя поверхность имеет нарезной растительный орнамент, линии которого коричневого цвета. Фон светло-зеленоватый. Оборотная сторона полита зеленого и болотистого цвета поливой. Толщина стенки 5 – 6 мм. Длина фрагмента 143 мм, ширина 62 мм (6, оп.№192). Аналогии встречены в поливной керамике Херсонеса и Закавказья XIII-XIV вв. (7, таблицы 7, 12, 21), а также на городищах Золотой Орды (1, с. 85-90).

Тип 6. Керамика с пятнистой зеленой поливой по ангобной подгрунтовке. Пятнистая окраска поливных изделий достигалась путем обрызгивания поверхности сосудов перед глазурованием красящим окислом - окисью меди (1, с.84). Встречен подобный фрагмент и на городище. Фрагмент стенки сосуда (6, оп.№136). Среди золотоордынских городищ аналогии встречены на Маджарском городище (1, с.84). Также она встречается в XIII XIV вв. на территории Средней Азии (12, с.87).

Группа 2. Керамика с прозрачной желтой поливой.

Тип 1. Керамика с желтой поливой, подсвеченная в зеленый и коричневый цвета и с гравировкой. В поливной керамике этой техники на золотоордынских городах этот тип представлен орнаментацией, характерной для Крыма и Западного Кавказа (13, с. 184; 1, с.95). На городище встречен фрагмент донца пиалообразной чаши на кольцевом поддоне, где с внут-

ренней стороны зеленые кружочки, сделанные техникой гравировки, перемежаются резервированными полями. Длина 45мм, ширина 44мм, высота 20мм. Точно такие же фрагменты были найдены на Увекском городище (СОМК № 729/13; 1, с.95).

Группа 3. Керамика с прозрачной коричневой поливой.

Тип 1. Керамика с коричневой поливой и ангобной подгрунтовкой. На городище встречено: 1) фрагмент венчика пиалообразной чаши. Полива коричневого цвета. Толщина 6мм, длина 25мм, ширина 17мм. 2) Ручка сосуда с коричневой поливой С-образной формы. Диаметр сечения 14мм, длина 39мм. Вся подобная керамика в основном найдена на Маджарском городище (11, с.114). Встречается она и на Селитренном, Царевском и Водянском городищах (1, с.97).

Группа 4. Керамика с прозрачной бирюзовой поливой.

Тип 1. Керамика с черной росписью по ангобной подгрунтовке под бирюзовой поливой. Этот тип очень немногочислен и целиком, во всех деталях, является подражанием кашинным изделиям.

На городище встречено два фрагмента с данной техникой: 1) Фрагмент венчика пиалообразной чаши, где на бирюзовом фоне нанесены мелкие черные крестики. Толщина фрагмента 6мм, длина 34мм, ширина 25мм (6, оп. №88); 2) фрагмент венчика пиалообразной чаши, на бирюзовом фоне нанесены черно-кобальтовые линии. Толщина 6мм, длина 21мм, ширина 12мм. (6, оп. №104). Аналогии встречаются в основном на Селитренном и Увекском городищах (1, с.97).

Исследование всего комплекса золотоордынской поливной красноглиняной керамики Хаджи Тархана говорит о том , что он сложился, как и весь в основном комплекс красноглиняной поливной керамики Золотой Орды (1, с.98) под влиянием керамического ремесла средневековых государств Кавказа и Крыма (14; 15; 12; 16; 17; 18). Но позднее керамическое производство Золотой Орды (в том числе и Хаджи Тархана) создало свою школу, впитавшую традиции вышеперечисленных государств и создавшую многообразие своих традиций керамического производства.

Литература:

1.Булатов Н.М. Классификация красноглиняной поливной керамики золотоордынских городов // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976, с.73-107.

2.Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов (По материалам Царевского, Селитренного и Маджарского городищ) // СА. 1968. № 4, с.95-109.

3.Вактурская Н.Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М. 1959. Т.4, с.261-342.

4.Якобсон А.Л. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала)// МИА. 1967. №67, с.269-281.

5.Мандельштам А.М. Отчет о полевых работах Первого отряда Астраханской археологической экспедиции.// Архив ИА РАН. 1966. Р.-1. Д. 3358, 43 л.; 3358/а, 36 л.

6.Плахов В.В. Текстовой отчет по раскопкам усадьбы XIV в. на городище Хаджи-Тархан Астраханской области.// Архив ИА РАН. 1984. Р.-1. Д. 11416, 80 л.; Д. 11416/а, 63 л.

7.Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17, 256 с.

8.Смирнов А.П. Волжские булгары// Труды ГИМ.-1951.-Вып.XIX.-263 с.

9.Волкова И.Г. Маджары: Из истории городов Северного Кавказа// Кавказский этнографический сборник. М. 1972. Вып.5, с. 311-325.

10.Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В. Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // СА. 1971. № 1, с.127-139.

11.Дудко О.А. Поливная золотордынская керамика по материалам городища Маджар.// Сборник докладов на VI и VII ВАСК. М. 1963, с.103-121.

12.Агеева Е.И. Опыт классификации керамики городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Кара-Тау// КСИИМК. 1949. XXXVIII, с.54-95.

13.Банк А.В. Керамика из Дманиси и Херсонеса.// Памятники эпохи Руставели. Л. 1938, с. 181-192

14.Бойко А.Л. Спасательные раскопки в г.Азове в 1989г. // Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. АКМ. 1990. Вып.9, с.3-8.

15.Волков И.В. Керамика Азова XIV-XVIII вв. (Классификация и датировка). Автореф. канд. дис. М. 1992, 24 с.

16.Керамика средневекового Отрара. Алма-Ата: Изд-во «Онер», 1991, 211 с.
17.Романчук А.И., Перевозчиков В.И. Глазурованная керамика из Азова (херсоно-азакские параллели в орнаментике) // Античная древность и средние века: Византия и сопредельный мир. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1990, с.94-136.
18.Финогенова С.И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // СА. 1987. № 2, с.192-211.

Яворская Л.В. (Волгоград)

ГОРОД В СТЕПИ: НЕКРОПОЛИ ОКРУГИ ЦАРЕВСКОГО ГОРОДИЩА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Города, возникавшие в степях, в традиционно кочевой зоне, представляли собой уникальное явление. Их роль и функции в жизни кочевых обществ невозможно недооценить. К проблемам и перспективам, связанным с изучением подобных городов, неоднократно обращались исследователи средневекового Востока, в частности, Южного и Центрального Казахстана. Ими выделяются три основные функции городов по отношению к степному населению, часто совмещающиеся друг с другом: административные, торговые и производственные. Города снабжали степь изделиями городского ремесла, без которых не могли обойтись кочевники, земледельческой продукцией, так как каждый из них имел обширную сельскохозяйственную округу с мощными оросительными системами. Кроме того, эти города, как например Сыгнак, были “торговыми гаванями” - транзитными пунктами на караванных путях. Укрепленные города были стратегическими объектами, местом зимовки и центром административного управления для крупных кочевых феодалов. За длительное время существования средневековых городов, например в бассейне средней Сырдарьи, роль каждого из них могла изменяться.

В течение XIII-XIV вв. в Нижнем Поволжье в центральной части Улуса Джучи, вдоль берегов Волги и Ахтубы росли и активно развивались города. Первым по величине степным городом на этой территории была столица - г. Сарай, вторым - по праву считается город, располагавшийся на месте современного Царевского городища. Для изучения функций нижневолжских городов в жизни степных кочевников нет иных источников, кроме археологических. Наиболее информативными из археологических объектов в этом смысле являются обширные кочевнические некрополи в окрестностях Царевского городища, а также небольшие поселения в округе, расположенные не более чем на 20 км в обе стороны от городища вдоль левого берега р. Ахтуба в Ленинском районе Волгоградской области.

В вопросе исторического названия города, располагавшегося на месте Царевского городища, а также периодизации его истории в настоящий момент полной ясности нет. Однако, следует признать, что если Царевское городище все же не является остатками второй столицы Золотой Орды, то никаких других доказательств его возникновения в 30-е гг. XIV века просто нет. Археологические данные и, в частности, нумизматический материал свидетельствуют о возникновении этого города не ранее 40-х гг. XIV века и именно эта дата была поставлена мною рубежом между существованием и отсутствием крупного города на данной территории. Типологизация и статистическая обработка предметов материальной культуры из некрополей выявила пласт погребений, которые можно уверенно датировать преддверием 40-х годов XIV века, то есть временем, когда город еще не был построен. По-видимому, эту территорию какая-то группа кочевников в золотоордынское время использовала как зимовку.

Северная часть левобережья Ахтубы относится к природному району “северной лугово-лесной поймы”, растительные ассоциации которого в наибольшей мере подходят для зимнего выпаса скота. Пойменные леса в низинах, а также наличие большого количества

пресной воды соответствуют всем параметрам, необходимым для организации здесь постоянной кочевнической зимовки. Кроме того, тектоническое строение и почвы этой территории предоставляют возможности к занятиям земледелием с использованием искусственного орошения, к выращиванию бахчевых, огородных и плодовых культур. С середины XIII по конец XIV века уровень увлажненности в Волго-Уральском междуречье был необыкновенно высок. Таким образом, исследуемая территория действительно соответствует меткому замечанию А.Ю. Якубовского, который писал о специфике Нижнего Поволжья, где можно сочетать кочевой и оседло-земледельческий типы хозяйства.

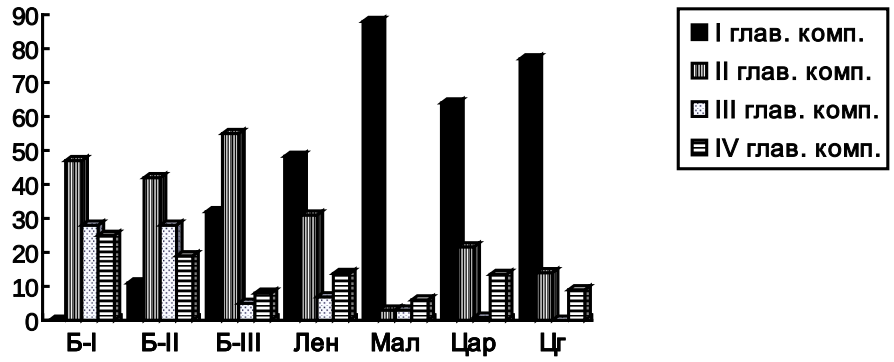
В археологической литературе имеется две точки зрения на состав и занятия населения окрестностей Царевского городища - либо это кочевники (Т.В. Гусева), либо оседлое население, занимающееся поливным земледелием (В.Л.Егоров).

Статистическая обработка погребального обряда кочевнических погребений из некрополей позволила разделить памятники на 4 основные обрядовые группы - главные компоненты (I - близкая к мусульманской, II - женская кыпчакская, III -всадническая с захоронением коня, IV - мужские всаднические погребения без коня). Анализ наиболее значимых признаков обряда каждой из выявленных групп даёт основание говорить о весьма пестром составе населения, оставившего некрополи в окрестностях Царевского городища: представители кыпчакского кочевого конгломерата племен, выходцы из Центральной Азии, возможно, среднеазиатские кочевники, а также оседлое население - переселенцы из Средней Азии. В связи с этим, появляется необходимость разобраться, как распределялось это население по округе, какие типы погребального обряда преобладают в том или ином некрополе, насколько близки или отличны эти некрополи по типам погребального обряда от грунтовых могильников городского населения и нижневолжских степных, каковы занятия населения, оставившего конкретный некрополь: скотоводство, поливное земледелие, ремесленное производство.

По данным исследователей XIX и первой половины XX века, а также в результате обследований экспедиций второй половины XX века было выявлено, что такие поселения золотоордынского времени, как Заярское, Заплавное и Бахтияровское первоначально были кочевническими зимниками, а позднее, синхронно с существованием крупного города, приобрели ремесленную специализацию. Другие поселения (Колобовское, Зубовское), скорее всего, разрослись из усадеб кочевых феодалов. Второе положение подтверждают и раскопки Поволжской археологической экспедиции, которые свидетельствуют, что ранняя застройка Царевского городища - это усадьбы кочевых феодалов, к которым позднее был пристроен торгово-ремесленный “посад”.

Распределение обрядовых групп с использованием факторного анализа позволило найти основу для сравнения исследуемых некрополей с уже известными нижневолжскими степными, а также с городскими некрополями и определить статус некоторых из них. Традиционно городскими считаются погребения на кладбищах без сооружения курганных насыпей и расположенных на территории, непосредственно прилегающей к городу. Решено было сравнить распределение обрядовых групп в некрополях окрестностей с их распределением на городских кладбищах. Спецификой Царевского городища может считаться наличие некоторого количества языческих захоронений на городских мусульманских кладбищах. Потому они также распределились по компонентам, что дало возможность сравнения.

Гистограмма 1.



Условные обозначения:

Б-I	Бахтияровка-I	Б-III	Бахтияровка -III	Мал	Маляевка-I	Цг	Царев. городище
Б-II	Бахтияровка - II	Лен	Ленинск-I	Цар	Царев-I		

Очевидно, что наиболее близкие к городищу некрополи - Царев и Маляевка, имеют наибольшее сходство с погребениями собственно в городе. По основной массе погребений их следует признать городскими. Наличие в них и в других городских некрополях языческих кочевнических захоронений иллюстрирует специфику образования и функционирования Царевского городища как одного из центров кочевого мира Нижней Волги.

Некрополи, более удаленные от границ городища, нежели Царев-I и Маляевка-I, содержат гораздо меньше погребений первой главной компоненты. Погребений с сооружениями из сырцового и жженого кирпича в них крайне мало: по одной оградке в Бахтияровке-II и Ленинске-I, малочисленны надгробия.

Сравнительно высокие значения на гистограмме в этих некрополях имеют языческие захоронения II, III, IV главных компонент. Если проследить динамику мусульманских захоронений по Бахтияровским некрополям, то их количество возрастает пропорционально хронологическим изменениям, кроме того, этот рост обратно пропорционален количественному изменению мужских языческих захоронений III и IV главных компонент.

При сравнении этих некрополей с другими, расположенными по правому и левому берегам Нижней Волги, то есть по территории, составлявшей ханский “домен”, выявляется ряд сходных и ряд специфических черт, выделяющих их из всего массива нижневолжских некрополей.

С другими нижневолжскими исследуемые памятники объединяет: во-первых, группировка их вокруг или вперемежку с курганами более ранних эпох. То есть, их способ образования обычен для кочевнических некрополей эпохи средневековья и даже более ранних эпох.

Во-вторых, соотношения групп погребальных памятников внутри нижневолжских некрополей, выраженные в процентах, иногда довольно близки к исследуемым в данной работе могильникам.

Таблица 1.

Компоненты	Скатовка	Бережновка-II	Быково-III	Бахтияровка-I	Бахтияровка-II	Бахтияровка-III	Ленинск -I	Солодовка-II
I	44%	0%	8%	0%	11%	28,3%	48,3 %	11%
II	18%	62,5%	19%	50%	42 %	56,7 %	31 %	33%
III	6%	12,5%	69%	28%	28%	6,7%	6,9 %	45%
IV	32%	25%	4%	22%	19%	8,3%	13,7%	11%

Можно отметить сходство по основным показателям таких некрополей как Скатовка и Ленинск-I, Быково-III и Солодовка-II, Бережновка-II и Бахтияровка-I.

Отличия некрополей округи Царевского городища от степных нижневолжских состоят в первую очередь в том, что среди последних часто встречаются могильники с ярко выраженной “чистотой” обряда. То есть некрополи, оставленные группой близких родственников. Примерами таких некрополей могут служить Бережновка-I и Быково-III. Близким к этому типу из исследуемых некрополей можно считать группу Солодовка-II, но, видимо, некрополь все же перестал функционировать, когда рядом возник столь крупный город. Восточная группа погребений некрополя Бахтияровка-III также имеет в качестве ярко выраженной черты обряда юго-западную ориентировку, однако в целом могильник насыщен погребениями весьма разнообразных типов.

Соединение разноэтничных групп в одной кочевой единице - характерная черта монгольской системы кочевания - аильной, когда завоеванные кочевнические семьи включаются в состав семьи-победительницы, образуя кочевую общину - “унаган-богол”. В этом состоит специфика золотоордынского государственного образования, где наибольшую часть населения, проживавшего под властью монголов, составляли кочевники. Но столь пестрое смешение разных этнических компонентов в крупных некрополях, сосредоточенных на сравнительно небольшой территории, быстрое взаимопроникновение мусульманских и разнообразных языческих традиций в самой консервативной области культуры древних народов - в погребальном обряде, является одной из специфических черт некрополей окрестностей Царевского городища.

Другой отличительной особенностью некрополей округи Царевского городища является явное количественное преобладание насыпей золотоордынского времени над курганами более древних эпох.

Таким образом, картина функционирования округи Царевского городища в золотоордынское время несколько проясняется:

Начальный этап образования курганных могильников в окрестностях Царевского городища ничем не отличается от обычных степных некрополей - они функционируют там, где есть более древние памятники. Некоторая часть некрополей начала функционировать еще до образования крупного города на месте Царевского городища. Город возник на территории кочевнических зимников. Основным занятием населения на этой территории до возникновения города было кочевое скотоводство. С возникновением и развитием города совпадает трансформация хозяйства кочевников ближе к полукочевому. В качестве вспомогательного занятия население поселков, может быть, практиковало земледелие, что подтверждают находки серпа в погребении у Маляевки, а также сложная система гидротехнических сооружений, зафиксированных возле Колобовского поселения. Видимо, город на месте Царевского городища вырос, в первую очередь, как административный центр кочевнической территории и лишь затем принял на себя функции торговые и производственные, хотя произошло это довольно быстро.

Город стал катализатором хозяйственных изменений в жизни кочевой округи. Беднейшее, оседающее на зимниках, население степи находит себе занятия в городе или приобретает ремесленную специализацию по его обслуживанию.

Период взаимовыгодного сотрудничества города и кочевой периферии оказался недолгим: затяжные “смуты” в улусе подорвали важнейшие функции города - торговую, производственную и административно-политическую. Некрополи прекращают свое функционирование одновременно с городом.

Блохин В.Г. (Волгоград)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ У с. КОЛОБОВКИ В ЛЕНИНСКОМ РАЙОНЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Для понимания урбанизационной структуры Золотой Орды, разработки критериев, позволяющих разграничить различные социально-пространственные структуры и др. весьма перспективным представляется изучение малоизвестных населенных пунктов. Одним из таких памятников является поселение у с. Колобовка в Ленинском районе Волгоградской области.

Первые документированные сведения о поселении были получены в середине XIX в. В 1884 г. А.В. Терещенко в районе с. Колобовщина (Растегаевка) раскопал "большой курган", заполнение которого представляло собой известь, целый и обломки обожженного кирпича. В результате этих раскопок был обнаружен свод обширного помещения, опиравшегося на кирпичные столбы. Внутри помещения располагались три кирпичных склепа с безинвентарными погребениями в деревянных гробах. Костяки были обернуты в парчу, бархат и шелковую материю. Этот курган был обведен четырехугольным валом со стороной 140-160 м. При его расчистке А.В. Терещенко было отмечено наличие кирпичных полов, стен, изразцов. В западном углу вала находилась каменная "сторожка" (башня). В пределах вала вокруг основного "кургана" располагались более мелкие насыпи, расчищен ряд погребений. Остатки построек были разбросаны на двухверстном пространстве вдоль Ахтубы. На берегу р. Царевочка (в 2 км от Колобовки) А.В. Терещенко были зафиксированы остатки 11 горнов, а также пережженный кирпич и слитки железа. Пространство между Царевочкой и "главным курганом" было изрезано каналами и водоемами. По мнению А.В. Терещенко, здесь располагался загородный ханский дворец (Григорьев В.В., 1998, с.6-7; Веселовский Н., 1907, с.6).

Позднее Н.И. Веселовский развивая тезис А.В. Терещенко, отождествлял Колобовское поселение с Гюлистаном, который, по его версии, также представлялся загородным ханским дворцом со значительным поселением в округе (Веселовский Н.И., 1907; Веселовский Н.И., 1912).

В.К. Трутовский, полемизируя с Н.И. Веселовским о статусе Гюлистана, полагал, что "колобовские курганы" являются частью Сарая, где жили купцы (Трутовский В.К., 1911).

А.А Спицын, проводивший в 1893 г. исследования нижневолжских золотоордынских памятников, отмечал, что вблизи с. Колобовка и в самом селе находятся "курганы, подъемный материал с которых тождественен материалам с Царевского городища" (Спицын А.А., 1895, с.89-91).

В 1929 г. А.Ильиной и П.Шишкиным в районе д. Колобовка фиксировались остатки золотоордынских построек (Ильина А., Шишкин П., 1929, с.12).

После этого поселение у с. Колобовка надолго выпало из поля зрения исследователей. В 1998 г. автором были проведены разведочные работы, а в 2000 г. начаты раскопки под руководством В.В. Дворниченко.

Поселение расположено на террасе левого берега Ахтубы на северо-западной окраине с. Колобовка. Юго-восточная часть памятника полностью застроена современными постройками села. С юго-западной стороны памятник ограничивает высокий обрывистый берег Ахтубы, с западной -- три глубоких оврага. Северо-западная и северо-восточная границы проходят по целинному участку степи. Судя по сплошному и насыщенному распространению подъемного материала (фрагментов керамики, обломков обожженного и ошлакованного кирпича), большой частотности невысоких (до 0,3 м) всхолмлений и неглубоких западин (до 0,5 м), представлявших собой остатки построек, данный сектор являлся нуклеарной частью памятника. Общая ее площадь -- около 50 га. К северо-западу от этого сектора вдоль обрывистого берега Ахтубы располагались курганные насыпи могильника и ряд курганообразных насыпей с уплощенными вершинами и подобранными полами. На их поверхности наблюдались выходы крошки и обломков обожженного кирпича, кусочков извести, редких фрагментов красноглиняной керамики. Данные объекты располагались бессистемно, образуя иррегулярную, сильно рассредоточенную застройку отдельными усадьбами, и представляли периферийный сектор поселения. Отдельные комплексы подобных объектов располагались также к юго-востоку от с. Колобовка. Таким образом, памятник являлся вытянутым вдоль водной артерии типом поселения.

На северной окраине селища и вдоль его северо-восточной кромки зафиксирован участок скопления большого количества ошлакованного кирпича. Длина участка -- 400 м, ширина -- 60-70 м. С северо-восточной и юго-западной сторон этот участок ограничивали западины округлой и овальной формы диаметром 10-15 м, глубиной до 1,5 м. Западины образовались скорее всего в процессе добычи глины, использовавшейся в качестве производственного сырья. Данный сектор поселения представлял собой крупный ремесленный комплекс. Отсутствие в подъемном материале керамики, большое количество фрагментированного ошлакованного кирпича позволяет предполагать функционирование здесь кирпичеобжигательных печей.

Раскоп общей площадью 60 кв. м., заложенный в центральной части памятника, позволил сделать следующие наблюдения.

Мощность культурных напластований составляет 0,2-0,3 м. Были выявлены 5 ям и тандыр. Тандыр представлял собой кольцевую кирпичную кладку. Внутри кладки обнаружено большое количество крупных кусков обожженной глиняной обмазки тандыра, орнаментированных в виде горизонтальных волнистых и прямых линий.

Среди ям наибольший интерес представляют ямы № 3 и 4. В северо-восточной части ямы № 3 прослежена прослойка, представлявшая собой скопление стекловидных шлаков, кусков пережженной глины, извести, углей и золы. Данная прослойка являлась выкидом отходов производства. Яма № 4 была заполнена большим количеством крупных фрагментов и четвертинок кашинных поливных кирпичиков. Здесь также обнаружены несколько фрагментов кашинных заготовок для поливных кирпичиков со снятыми фасками.

Вещевой материал типичен для поселенческих памятников золотоордынского времени. Красноглиняная керамика представлена фрагментами кувшинообразных, горшкообразных сосудов, тарелок, плошек, хумов; красноглиняная поливная -- фрагментами чаш, покрытых светло-зеленой поливой; кашинная керамика относится к сосудам типа пиал и кос. Общее соотношение фрагментов керамики следующее: красноглиняная -- 1719 фр. (93,88 %); красноглиняная поливная -- 52 фр. (2,84 %); поливная кашинная -- 47 фр. (2,56 %); сероглиняная -- 10 фр. (0,55 %); белоглиняная штампованная -- 3 фр. (0,16 %). Кроме того были найдены фрагменты чугунных котлов, фрагменты стеклянных сосудов и круглых оконных дисков, пряслице из дна красноглиняного сосуда, оселок, костяная ручка, бронзовая накладка. Нумизматический материал представлен 4 медными монетами: 2 анонимных пула, чеканенные в Сарай ал-Джедиде с цветочным орнаментом 50-х гг. XIV в., 1 пул Хызра 762 (?) г.х., 1 нечитаемая монета.

Судя по монетному материалу, небольшой мощности культурного слоя поселение у с. Колобовка функционировало недолго -- в пределах 50-60 гг. XIV в. В целом, определяются некоторые функциональные характеристики. Достаточно высока насыщенность культурного слоя и заполнения ям стекловидными шлаками, встречающиеся фрагменты оплавленных поливных кашинных предметов, кашинные заготовки под поливные кирпичики позволяют предположить функционирование здесь мастерской по производству кашинных изделий. Эти данные, а также наличие на северной окраине поселения крупного производственного участка, горны и шлаки, отмеченные А.В. Терещенко на берегу Царевочки, дают основание предполагать, что одной из функциональных характеристик являлось ремесленное производство.

Обширный архитектурный комплекс, раскапывавшийся А.В. Терещенко в середине XIX в., обычно определяется как укрепленный дворец, замок или усадьба. Однако с подобной трактовкой нельзя согласиться. Весьма сомнительно, чтобы основной объем главного жилого здания занимали погребальные комплексы. В тоже время здесь присутствуют элементы, характерные для архитектурных форм типа завийи, выполняющей в XII-XIV вв. функции религиозной школы, странноприимного дома. Как правило, она имела центрический план с располагавшимися по периметру ограды жилыми помещениями (четырехугольный вал, вдоль которого А.В. Терещенко раскопал полы и стены). Обязательно наличие мавзолея (крупный погребальный комплекс "большого кургана") и мечети ("каменная башня" в западном углу вала). Внутри ограды размещались также помещения для шейха завийи и его семьи, странноприимный дом, помещения для обучения мюридов (более мелкие насыпи), рядом располагалось небольшое кладбище (погребения за валом). А.В. Терещенко, А.А. Спицын, А.Ильина и П. Шишкин отмечали, что остатки данного архитектурного комплекса доминировали в структуре этого памятника. Очевидно, что наличие подобного комплекса определяет еще одну функцию поселения как культурно-идеологического центра.

Литература:

1. Веселовский Н.И., 1907. О местоположении Гюлистана при-Сарайского. Киев.

2. Веселовский Н.И., 1912. Загадочный Гюлистан Золотой Орды, с.53-64 //Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т.XXI. Вып.II-III. СПб.

3. Григорьев В., 1998. Четырехлетние археологические поиски в развалинах Сарая // Татарская археология. № 1(2). Казань.

4. Трутовский В.К., 1911. Гулистан, монетный двор Золотой Орды // Нумизматический сборник. Т.I. М.

5. Спицын А.А., 1895. Отчет о поездке члена Археологической коммиссии А.А. Спицына летом 1893 года на Жаренном бугре и на некоторые приволжские Золотоордынские города // Отчет ИАК за 1893 г. СПб.

6. Ильина А., Шишкин П., 1929. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижневолжского края. Сталинград.

Валиулина С.И. (Казань)

БАЛЫНГУЗСКОЕ (ТОРЕЦКОЕ) III СЕЛИЩЕ

Балынгузское (Торецкое) III селище расположено в Алексеевском районе Татарстана в 3 км к северу от села Билярск, на правом берегу р. Малый Черемшан, между горой Хужалар Тау со "Святым ключом" и горой Балынгуз. Селище занимает плоское правобережье Торецкого ручья.

В 1983 году А.Х.Халиковым были предприняты широкие рекогносцировочные обследования правобережья р. М. Черемшан, и в том числе Балынгузского (Торецкого) III селища. (Халиков А.Х., 1984 год).

С 1998 года стационарные археологические исследования памятника осуществляются экспедицией Казанского университета под руководством автора. Раскопами № 1 и № 2 (общая площадь 168 кв. м) исследованы: жилище – бревенчатая постройка каркасно-столбовой конструкции на цоколе из сырцового кирпича (620 х 430 см), хозяйственные сооружения, открытые очаги, столбовые ямки.

Массовый материал - неполивная керамика представлена тремя группами.1 группа - так называемая "общебулгарская" красноглиняная керамика, соответствует посуде позднего золотоордынского слоя города Болгара и других синхронных памятников Среднего Поволжья. 2 группа - соотносится с XIV группой керамики (по Т.А.Хлебниковой) - древнерусская. Всего 57 экземпляров.3 группа - XVI группа по типологии посуды Болгара – «славяноидная» керамика марийско-чувашского происхождения. Всего 168 экземпляров.

Статистическим анализом установлено, что посуда селища XIV и XVI групп в сумме достигает 30% от общего количества при явном преобладании XVI группы. В целом нужно отметить, что находок глиняной посуды значительно меньше, чем на памятниках более раннего времени.

Кроме глиняной, в ходу была посуда берестяная, деревянная с медными или железными оковками по краю, металлическая - железные сковороды, черпак, чугунные котлы (более 20 осколков), использовались также кожаные бурдюки (найден костяной «носик»).

От деревянного ведра сохранилась железная дужка, концы ее вставлялись в специальные ушки в отверстиях двух клепок, клепки медные.

Кроме разнообразной повседневной посуды, найдены и сосуды дорогие, привозные, из близких и дальних ремесленных центров. Несколько фрагментов относятся к широко распространенной в Золотой Орде кашинной посуде с подглазурным рельефом и полихромной росписью, несколько фрагментов сероглиняного сосуда со штампованным орнаментом.

Целым был найден сосуд редкой формы - альбарелло (рис.1, 33). Некоторые исследователи считают альбарелло аптекарскими сосудами (Кравченко А.А., 1986). Сосуд цилиндрической формы, без ручек, на кольцевом поддоне, с широким устьем, толстостенный, изготовленный на круге, снаружи верхняя его часть украшена светло-зеленой глазурью по светлому ангобу. Черепок терракотового цвета из тонко отмученной глины, выразительно выполнен невысокий поддон. На селище найдено еще два донца от подобных сосудов. Небольшой полузакрытый сосудик (чернильница?) был сделан из красной глины, растительный орнамент был выполнен подглазурным ангобом, глазурь прозрачная зеленая (рис.1, 29).

Фрагмент китайского фарфора - селадона принадлежал большому блюду (диаметр 40 см), венчик оформлен уступом ("под крышку"), внутреннюю часть украшают радиальные и рельефные фасетки (рис.1, 30). Самый близкий блюду селища аналог по размерам и декору имеется в коллекции Казанского Кремля.

Стеклянная посуда представлена всего одним образцом - венчиком с гравированным орнаментом каннелюрами по краю. Стекло тонкое, прозрачное, бесцветное. Химический состав изделия, как по основным стеклообразующим, так и по микропримесям совпадает с составом сирийским ламп, расписанных эмалями, найденных в городе Болгаре. Лампы происходят из слоя конца XIV - начала XV вв. (Полубояринова М.Д., 1993).

Свидетельством дальних торговых связей жителей селища является и находка янтаря. На протяжении нескольких столетий в домонгольское время Биляр являлся крупнейшей в Восточной Европе перевалочной базой в торговле янтарем. Отдельные находки янтаря известны и на всех золотоордынских памятниках округи Биляра.

О торговле жителей селища говорят также два комплекта (4 экз.) бронзовых чашечек весов (рис.1, 24, 25) и находка костей верблюда в составе остеологического материала.

Основным занятием населения было сельское хозяйство. Орудий обработки почвы встречено не много. Узколопастные сошники найдены в количестве двух экземпляров (рис.1, 37), одна мотыжка. Из орудий уборки урожая найден серп. Из находок, связанных с перера-

боткой земледельческих продуктов, следует отметить более 20 обломков и два целых жернова. Судя по остеологическим материалам, важной отраслью сельского хозяйства было скотоводство, причем, кроме мелкого и крупного рогатого скота, лошадей, на селище отмечено присутствие свиньи (5 особей) - определение Г.Ш.Асылгараевой. В результате раскопок обнаружены ножницы для стрижки овец (рис.1, 38).

О занятии рыболовством свидетельствуют находки рыболовных крючков (рис.1, 26) бронзового (1, 26) и железного, крупных размеров, глиняных грузил, чешуи и костей рыб в составе кухонных отходов.

К важным подсобным промыслам в средневековье относилась и охота. В остеологических материалах присутствуют кости бобра.

Материалы раскопок содержат и свидетельства ремесленной деятельности жителей селища.

Несомненно, наличие среди ремесел прядения и ткачества. На селище найдено одно шиферное и 27 глиняных пряслиц.

Продукция косторезов представлена несколькими изящными рукоятями для мелких инструментов (шильев, резцов), с тонким нарезным и циркульным орнаментом (рис.1, 27-28), пестиком (рис.1, 31), кистенем (рис.1, 32) и несколькими астрагалами.

Очень широк ассортимент бытового инвентаря: топоры, пробои, скобы, ножницы, ножи, ложкари, гвозди, металлические детали, возможно, деревянного ларца - железные ручки и накладки, светцы с одной парой пружин (Рис. 1, 8, 9). Для булгарской традиции более характерно использование в быту масляных керамических светильников и стеклянных ламп в освещении монументальных сооружений (Полубояринова М.Д, 1993; Валиулина С.И., 1999). Светцы являются редкой находкой в булгарских древностях и часто встречаются на древнерусских памятниках.

Найдено два целых и четыре во фрагментах цилиндрических пружинных замка с торцевым ключом (Рис.1, 3-5, 12, 13, 18-20). Замки на селище представлены типами Д, Е по Новгородской типологии. Тип Д датируется XIV - первой половины XV вв., тип Е датируется серединой XIV- XV вв. (Древняя Русь..., 1997).

Об активной хозяйственной деятельности на усадьбе говорят находки 47 точильных брусков, преимущественно сланцевых. Размеры оселков сильно варьируют от крупных и массивных (до 20 см), до миниатюрных, очевидно, для заточки игл и шильев, о чем свидетельствуют ложбинки на их поверхности.

Предметы конского снаряжения представлены арковидными стременами с широкой полоской и овальной подножкой - 2 экз. (рис.1, 34, 35), двусоставными удилами с широкими подвижными кольцами на концах, подковой, цепями-путами, многочисленными подпружными пряжками (рис.1, 14, 5), бронзовым налобным умбоном (рис.1, 21).

Раскопками обнаружена небольшая, но выразительная коллекция вооружения: наконечники стрел, железный вток для копья, боевые топоры, каменные ядра диаметром до 6 см, кистень. Как и булавы, кистени были наиболее распространены с X по XIII века (Медведев А.Ф., 1959). Иногда этот вид оружия встречается и на золотоордынских памятниках (Кравченко А.А., 1986).

Одежда и украшения представлены двумя глиняными с зеленой поливой пуговками, повторяющими форму и размеры костяных, получивших широкое распространение в домонгольское время; деталями поясного гарнитура: железные пряжка, и обойма-бегунок и 3 бронзовых накладки со шпеньками. Миниатюрные накладки имеют удлиненную фигурную форму и клиновидные завершения с двух сторон. Наиболее близкой аналогией является накладки пояса из Симферопольского клада. В яме №3 вместе с зеркалом (Рис.1, 11) и конской упряжью найдена серебряная серьга колечком.

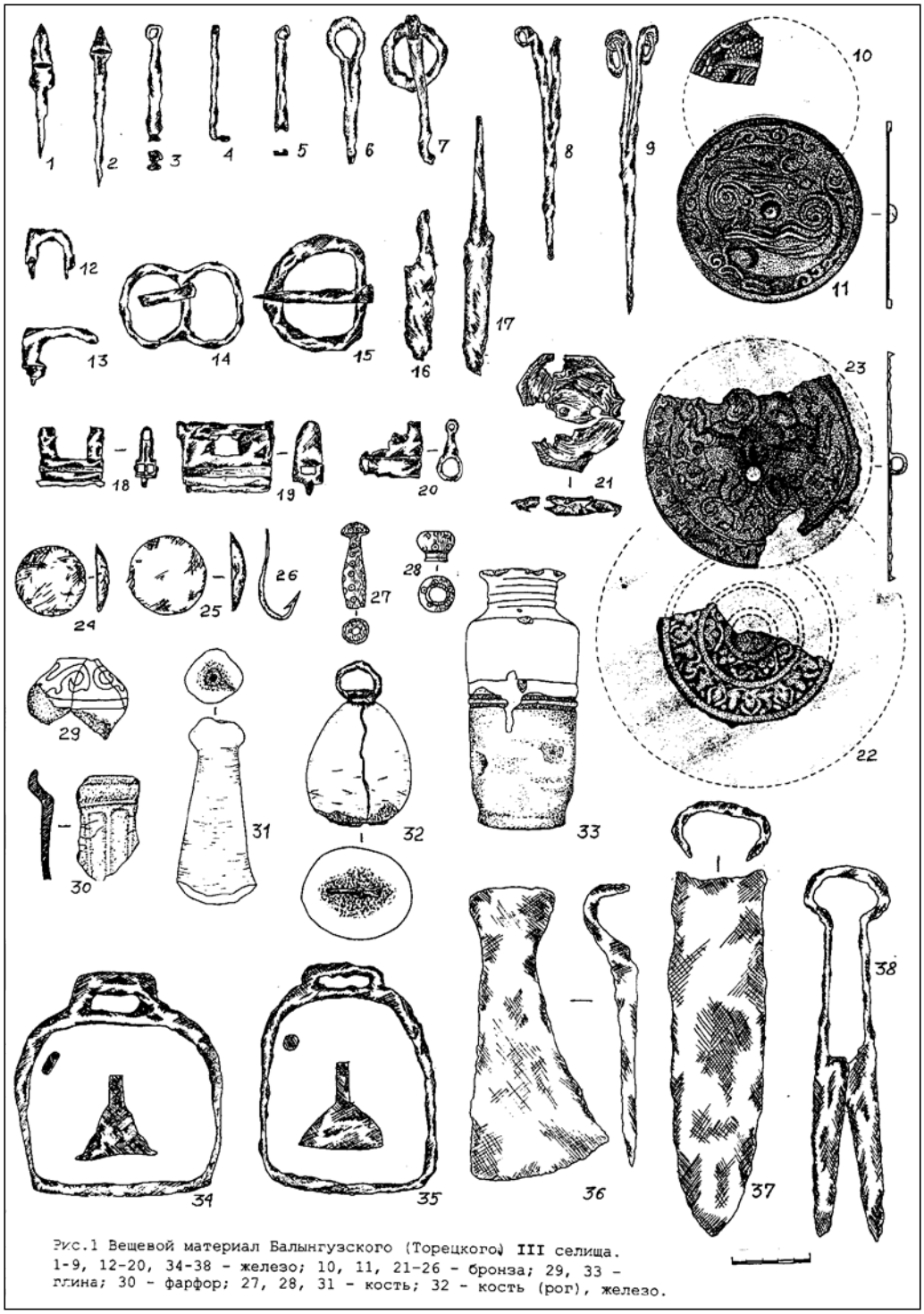


Рис.1 Вещевой материал Балынгузского (Торецкого) III селища.
1-9, 12-20, 34-38 - железо; 10, 11, 21-26 - бронза; 29, 33 - глина; 30 - фарфор; 27, 28, 31 - кость; 32 - кость (рог), железо.

Из ямы №6 происходят стеклянный перстень и две бусины зонной формы - темная глазчатая и синяя полупрозрачная. Обе бусины сварены из стекла одного состава и, очевидно, происходят из одной мастерской. От бронзового пластинчатого браслета сохранились только мелкие фрагменты.

На селище обнаружено 4 бронзовых зеркала по классификации Г.Ф.Поляковой (Полякова Г.Ф., 1996) 3 из них относятся к отделу В II:тип В II-10 (Рис.1, 22) - подъемный материал, 1 экз.; тип В II-15 - (1 экз. сборы Ф.А.Ахметгалина рис. 1,10); тип В II-16,подтип 16-б (рис. 1,23). Отдел В III – (рис. 1,11) зеркала могли быть привозными или изготовленными на месте. Следы бронзолитейного производства как будто бы фиксируются в северо-восточной части селища, где материалы раскопа №2 и подъемный материал включают в свой состав шлаки, огнеупоры, сфероконусы.

В золотоордынских городах широкое распространение получил архитектурный декор, в частности, мозаика на кашине (Федоров-Давыдов Г.А., 1994). На селище обнаружено несколько небольших плиток, сформованных из кашина и покрытых непрозрачной поливой - бирюзовой и ультрамариновой. Толщина плиток - 1,5-2 см. Некоторые имели сверленые отверстия для более надежного крепления.

Из объектов происходят 5 монет (одна серебренная, обрезанная и бронзовая). Д.Г.Мухаметшиным были выполнены определения трех монет: Джанибек, 1340 г. Сарай ал-Джедид; Мюрид, 1326-1363 гг., Гюлистан; Мухамад (?) 1420 г., Болгар.

Всем комплексом находок и, прежде всего, нумизматическим материалом, памятник датируется второй половиной XIV - первой половины XV века.

Усадьба и, возможно, все селище погибли в «одночасье», став жертвой неожиданного нападения. Все вещи хорошей сохранности и в комплекте, горшки и сковороды в печи, жернова «на ходу» и все перекрыто слоем со следами пожара и разрушения, в котором обнаружены отдельные человеческие кости. В XV веке бассейн реки М. Черемшан оказался в зоне ногайских кочевий.

Недашковский Л.Ф. (Казань)

РЫБОЛОВНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИЗ УКЕКА И ЕГО ОКРУГИ[1]

В данной работе анализируются рыболовные крючки, лодочная скоба и грузила золотоордынского времени, найденные в центральных районах Саратовской области. Все приведенные на иллюстрациях изделия являются подъемным материалом.

Рыболовные крючки представлены двумя типами. Оба типа имеют приспособления для крепления крючка в форме «лопаточки» - расплющенного окончания; такие крючки, как правило, применялись для оснастки переметов.

Тип 1 (9 экз.). Прямоугольные в сечении с четко выраженным жалом (рис.1,*1-3*). Шесть изделий с выраженным жалом, но два из них округлые в сечении, происходят с селища у с. Подгорное в округе Укека[2]; одно из изделий из Подгорного, возможно, служило для удочки, а еще одно - для ловли на «живца». Аналогичные изделия с четко выраженным жа-

[1] This work was supported by the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, grant No: 1001/2000.

[2] Автор благодарит С.И.Четверикова за предоставление информации о всех упоминаемых в данной работе неопубликованных предметах рыболовного инвентаря с селища Подгорное; материалы раскопов 1991-1992 гг. на этом поселении датируются находками джучидских пулов 1330-х - 1360-х гг.

лом, но иногда округлые в сечении, были известны на Руси с домонгольского времени до XVI-XVII вв., бытовали в Булгаре, Суваре, Джукетау; имеются находки с Водянского городища, с булгарских селищ и из окрестностей Билярска. Округлые в сечении крючки с четко выраженным жалом были известны и в Западной Европе XIV-XV вв.

Тип 2 (11 экз.). Округлые в сечении без выраженного жала (рис.1,*4-13*). Подобный крючок известен с поселения Подгорное. Аналогии имеются с древнерусских памятников, с Болгарского и Билярского городищ, из Сувара, с Лаишевского селища, из одного из золотоордынских курганов на Хопре и из окрестностей с. Старая Яблонка Хвалынского района Саратовской области[1].

Рыболовные крючки были найдены и на поселении у с. Квасниковка в округе Укека.

В фондах СОМК имеется изделие, вероятно являющееся лодочной скобой (рис.1,*14*). Такие изделия бытовали в золотоордынском Поволжье, на Руси в XIII-XIV вв. и в Западной Европе в XIII-XV вв.

Рыболовные грузила представлены шестью типами. Типы 1, 3 и 4, вероятно, служили для оснастки небольших волоковых сетей. Тринадцать из имеющихся изделий (рис.2,*1-13*) - керамические коричневого (рис.2,*1-11,13*) или серого (рис.2,*12*) цвета с примесью песка в тесте[2], а одно - каменное (рис.2,*14*). Обжиг большинства керамических предметов (рис.2,*2-10,13*) хороший, но есть и образцы плохого обжига (рис.2,*1,11-12*). Найденные на Увекском городище грузила неоднократно упоминаются в документации Саратовской ученой архивной комиссии.

Тип 1 (3 экз.). Шарообразные (рис.2,*1-3*). Аналогии известны на Руси и в Волжской Булгарии[3].

Тип 2 (1 экз.). Дисковидное малое с небольшим отверстием у края (рис.2,*4*). Можно предполагать, что подобный предмет служил грузилом удочки. Аналогия более крупных размеров известна из Белоозера.

Тип 3 (3 экз.). Подцилиндрические (рис.2,*5*). Два изделия были найдены при раскопках хозяйственных ям поселения Подгорное, одно - на селище в урочище «Подстепное» в округе Укека. Аналогии имеются в Древней Руси и Волжской Булгарии.

Тип 4 (8 экз.). Усеченно-биконические или подовальные в продольном сечении (рис.2,*6-8*). Четыре грузила были найдены на селище Подгорное, два - на поселении «Плотина», а одно - на Алексеевском городище в округе Укека. Аналогии имеются с древнерусских памятников, из Волжской Булгарии, как в материалах домонгольского, так и золотоордынского времени[4], а также с Царевского городища - с раскопа IV-1964, датированного монетами 40-х - начала 80-х гг. XIV в.

Тип 5 (2 экз.). Уплощенные подовальные, с отверстиями у края (рис.2,*9-10*). Это грузила для ставных сетей типа неводов. Близкое по форме керамическое грузило, но имеющее меньшие размеры, было найдено в Пскове; там же, в Старой Рязани и Белоозере известны находки известняковых грузил сходной формы. Известна также аналогия из Волжской Булгарии.

Тип 6 (5 экз.). Крупные дисковидные уплощенные с отверстием в центре (рис.2,*11-15*). Два из изделий каменные - из известняка (рис.2,*14-15*); одно из них - с процарапанными знаками (рис.2,*15*). Такие предметы служили грузилами для крупных волоковых сетей. Аналогичные изделия из известняка известны в слоях Пскова XIV-XV вв.

Количественное распределение имеющихся находок по памятникам округи Укека следующее:

---

[1] СОМК № 52020/А-2306 (АО 1250).
[2] В одном случае (рис.2,*4*) зафиксирована и примесь шамота.
[3] ГОМРТ № 5369-3, ин. 5596.
[4] ГОМРТ № 16283-22.

Таблица 1. Предметы рыболовного инвентаря из Укека и его округи.

Памятник	крючки	грузила	лодочные скобы
Увекское городище	13 экз., 2 типа	14 экз., 6 типов	1 экз., 1 тип
селище Подгорное	7 экз., 2 типа	6 экз., 2 типа	-
селище «Плотина»	-	2 экз., 1 тип	-
селище Квасниковка	2 экз. (?)	-	-
Алексеевское городище	-	1 экз., 1 тип	-
Хмелевское I селище	-	1 экз., 1 тип	-
селище «Подстепное»	-	1 экз., 1 тип	-

Предметы, связанные с рыболовством встречены лишь на 7 (13,2%) из 53 известных в настоящее время поселений округи Укека. Шесть из этих поселений располагаются на берегах Волги (Увекское и Алексеевское городища, Хмелевское I селище - на коренном правом берегу, а селища Подгорное, Квасниковка и «Подстепное» - на надпойменной террасе левого берега), а одно (поселение «Плотина») - на берегу Саратовки, левого притока Волги.

Примечательно отсутствие в имеющейся выборке орудий лова ударного действия - острог и «гарпунных» стрел. Этот факт не позволяет пока говорить, что данный способ рыбной ловли применялся в Укеке и его округе. Мало крючков и грузил для удилищ, что говорит о небольшом распространении этого способа лова по сравнению с сетевым, приносившим гораздо больший улов. Интересно также, что явно выступает факт количественного преобладания керамических грузил над каменными, в материалах Пскова же, например, зафиксировано обратное.

Список сокращений

ГОМРТ - Государственный Объединенный музей Республики Татарстан,
СОМК - Саратовский Областной музей краеведения.

Иллюстрации:

Рис.1. Железные рыболовные крючки (**1-13**) и лодочная скоба (**14**).
1 - селище Подгорное, **2-14** - Увекское городище.
1 - Энгельсский краеведческий музей № 7737.
2-3 - ГОМРТ № 5365-70, ст. № 12723.
4-14 - СОМК №/№ СМК 53339/А-2422 (АО 309), АО 309, НВСП 29904 (АО 316/5).

Рис.2. Керамические (**1-13**) и каменные (**14-15**) рыболовные грузила.
1-14 - Увекское городище, **15** - Хмелевское I селище.
1-3, 5-13, 15 - СОМК №/№ НВСП 18121 (СУАК 170), АО 307, СМК 38575/А-68 (АО 305), 53337/А-2420 (АО 304), 53338/А-2421 (АО 308), НВСП 31471 (СУАК 2042/5, АО 910), АО 303, СМК 53336/А-2419 (АО 302), разведки автора 1998 г.
4, 14 - ГОМРТ №/№ ст. № 12807, 5365-34.

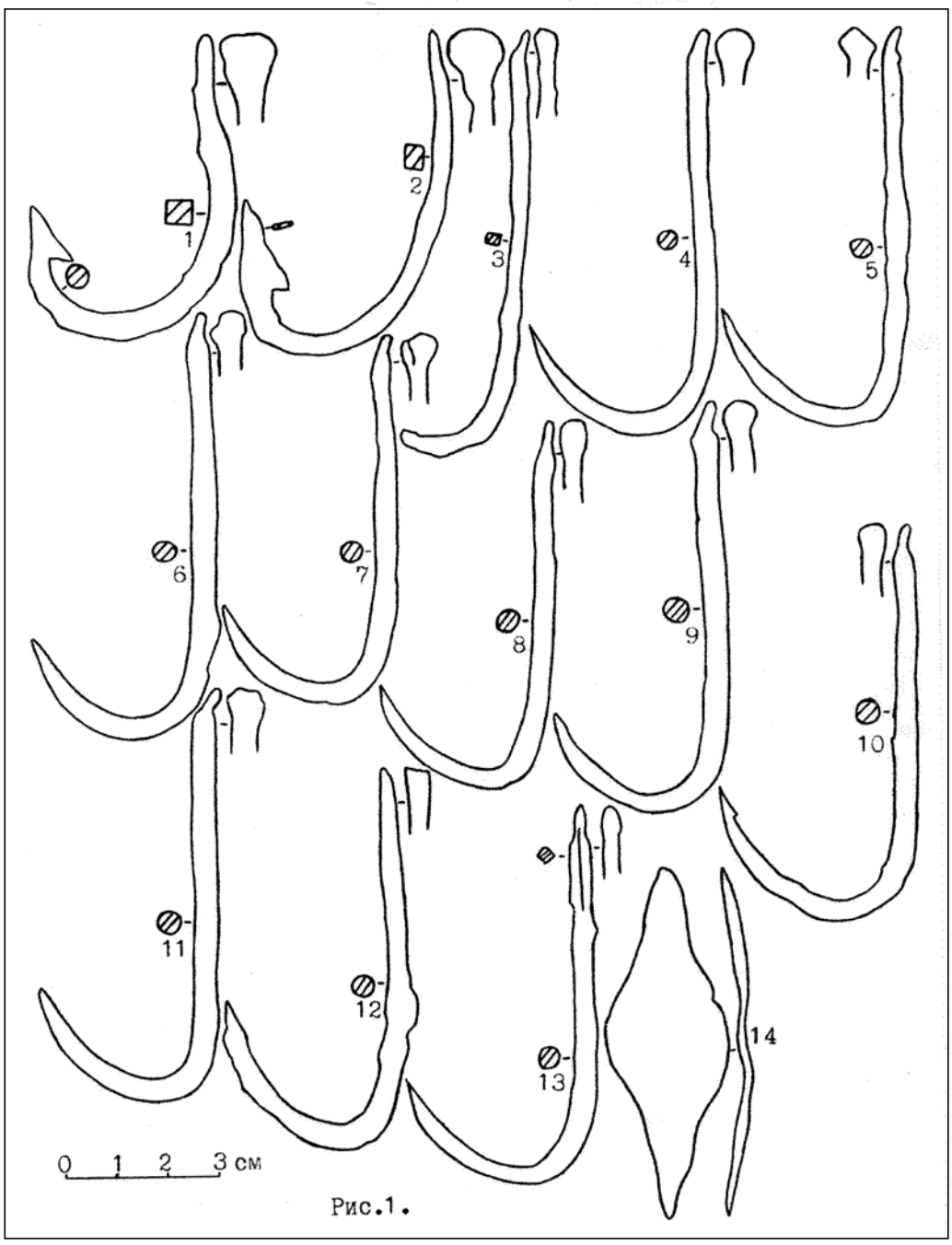


Рис.1.

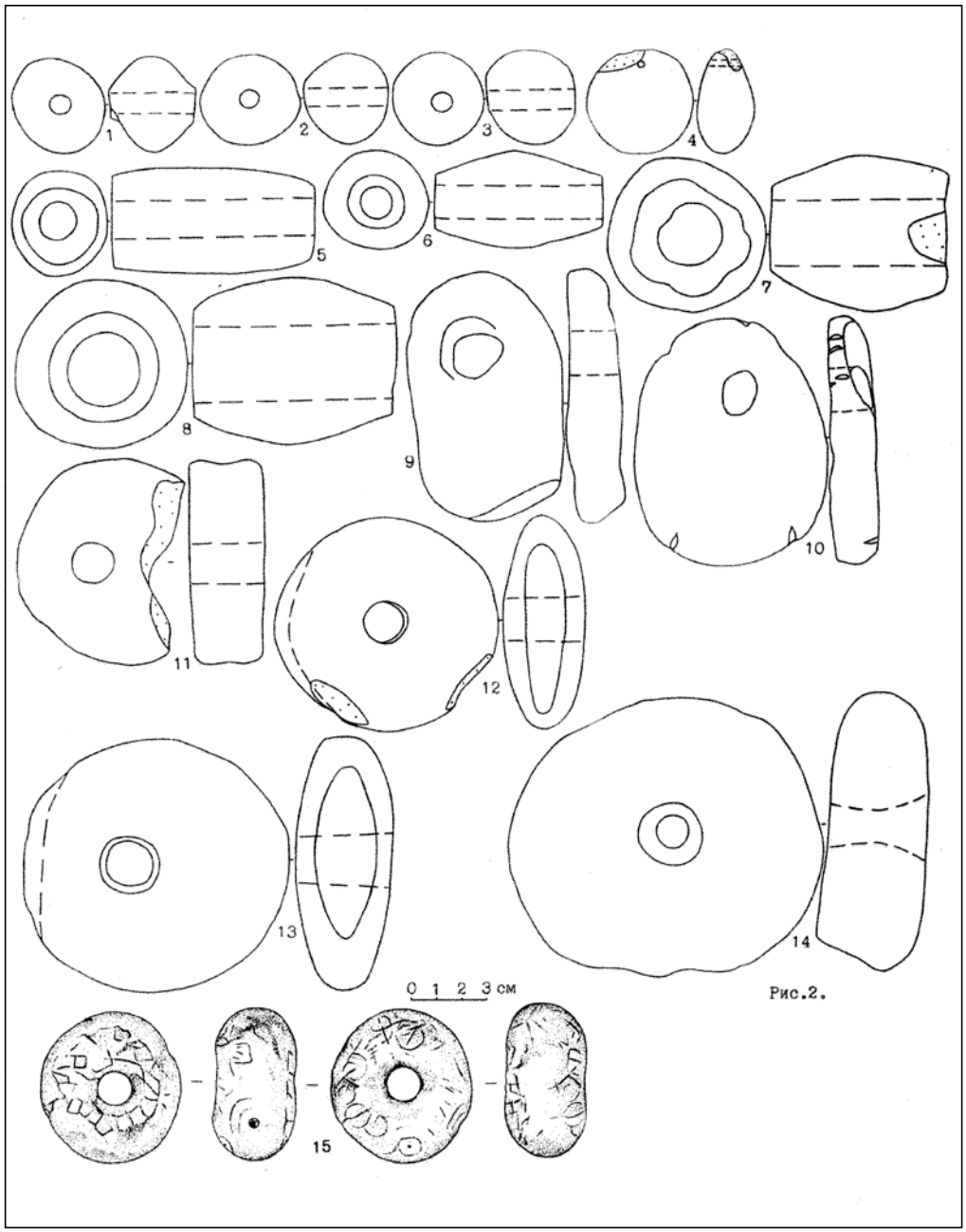


Рис.2.

Юдин А.И., Балановский А.В. (Саратов)

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ РУССКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕЙ ВОЛГИ

Лесостепное Правобережье Волги в позднем средневековье входило в состав Золотой Орды, и здесь находился один из крупнейших городов того времени - Укек. Полиэтнический состав населения Золотой Орды обусловил культурное многообразие оставленных археологических памятников. Собственно золотоордынские памятники за сто с лишним лет изучены относительно подробно и дают основной объем информации о позднем средневековье. Другие этнокультурные объекты исследованы в меньшей степени. В частности, о средневековом мордовском населении мы знаем только по результатам раскопок могильников.

Менее всего в регионе исследованы памятники с древнерусскими материалами. До недавнего времени собственно русские средневековые поселения на Правобережье Волги были неизвестны, а археологическое подтверждение пребывания русского населения в Золотой Орде основывалось на изучении поселений, где русский культурный компонент не являлся доминирующим. Только в последние годы выявлен ряд памятников с преобладанием русской керамики в культурном слое.

Наиболее исследованный памятник этого типа - Алексеевское городище. Городище расположено в Волжском районе г. Саратова, примерно в 4 - 5 км вверх по Волге от исторического центра города. На памятнике хорошо сохранился культурный слой, содержащий находки от средней бронзы до позднего средневековья (Юдин А.И., 2000). Наибольшую известность Алексеевское городище получило как памятник раннего железного века и упоминается практически во всех сводных работах по городецкой культуре. Материалы средневековья в литературе практически не отражены, чаще всего они упоминаются как золотоордынские.

В результате исследований 1998-2000 гг. впервые удалось обнаружить остатки двух средневековых построек, хозяйственные ямы и находки, в основной своей массе, имеющие русское происхождение.

Исследованные остатки полуземляночных построек были широко распространены в южнорусских землях, начиная с X века. Лучше сохранилось жилище 1. По классификации П.А. Раппопорта оно относится к планировочной схеме типа II с левосторонним вариантом размещения печи.

Жилище невелико по размерам: длина котлована 2,9-3 м, ширина 2,7-2,9 м, глубина в материке 0,3-0,42 м. Вход в жилище был устроен в виде коридора, примыкавшего к юго-восточной стенке (со стороны Волги) и плавно опускающегося в котлован.

По дну котлована, вдоль стенок имеются семь столбовых ямок. В левом дальнем от входа углу располагалась устьем к выходу глинобитная печь с деревянным каркасом. В другом углу в дно жилища вкопана крупная корчага. Вторая землянка сохранилась хуже, но была возведена по аналогичному принципу. Жилище 2 впущено в культурный слой, в материк врезался только северный угол котлована с глинобитной печью.

С жилищами связано несколько хозяйственных ям, круглых в плане, устроенных как в материке, так и в культурном слое более раннего времени. Все ямы включали одинаковое заполнение: обломки костей животных и рыб, фрагменты гончарной средневековой керамики, остатки железных предметов плохой сохранности, золу и угли.

Основная масса находок представлена керамикой. Всего в культурном слое обнаружены фрагменты от, приблизительно, 270 сосудов, из них 236 или более 87 % - древнерусских и 34 или менее 13 % - золотоордынских. Русская керамика отличается от золотоордынской по формам и составу теста. Преобладает черная и сероглиняная, встречается красноглиняная (серая в изломе). Есть несколько черепков из беложгущейся глины, а также с неравно-

мерным обжигом, когда цвет поверхности на одном сосуде плавно изменяется от черного до красно-кирпичного.

По форме сосуды, в основном, представляют собой различных размеров горшки, так называемого, курганного типа. Но изредка встречаются остатки сосудов с прямым венчиком, миски, а в одном случае - уже упоминавшаяся корчага. Керамика орнаментирована волной (чаще всего однорядной) - 45 %, линией - столько же, волной и линией - 10 %. Всего орнаментирована, приблизительно, одна треть сосудов.

Золотоордынская посуда немногочисленна и тяготеет к верхней части культурного слоя, залегая, в целом, выше русской. Вся керамика красноглиняная, неполивная, за исключением фрагментов придонной части кашинного сосуда с голубой и изумрудной поливой.

Из других средневековых находок найдены: цилиндрический замок типа А; ключ от замка типа Г; железный наконечник копья; однолезвийные, черешковые в сечении ножи; гвозди; стеклянная, желтого цвета, двухчастная бусина; крупная круглая бусина из горного хрусталя; обломок стеклянного браслета коричневого цвета; керамическое грузило со знаком-тамгой; обломок жернова из песчаника.

Средневековые русские жилища перекрывает грунтовой могильник. Исследованные 79 погребений составляют один комплекс с найденными здесь ранее захоронениями, известными со времён исследований П.С. Рыкова. Они также залегают рядами в направлении север - юг или (реже) северо-запад - юго-восток. Ориентировка погребенных относительно стабильная - головой на юго-запад или запад. Все умершие положены на спину, вытянуто, руки - на груди, на тазе (иногда одна рука положена под таз) или на плечах. В нескольких случаях удалось установить форму могильной ямы - подпрямоугольная с округлыми углами. Часть погребений совершена в гробовищах, некоторые погребения только накрывались досками. Детские погребения могли обкладываться крупными каменными плитками, изредка такими плитами перекрывали и взрослые захоронения. Небольшие плитки из того же камня (аргиллита) иногда клались под ступни умерших или рядом с головой. В нескольких погребениях обнаружены остатки кожаной обуви. Погребения грунтового могильника можно соотносить с позднесредневековым христианским населением Золотой Орды по аналогии с таким же погребениями на Водянском городище, где были выполнены палеоантропологические определения, установившие захоронения славян (Полубояринова М.Д., 1978, с. 79).

Средневековый поселок на Алексеевском городище, очевидно, был основан русскими людьми, переселенными сюда монголо-татарами из захваченных русских княжеств. Поселок продолжил свое существование и в XIV веке. Это подтверждает ключ от замка типа Г, а также находка в центральной части городища в раскопе Т.А. Хлебниковой (раскопки 1971 г.) обломка чугунного котла, появление которых в южнорусских землях относится ко второй половине XIII-XIV вв. (Пряхин А.Д., Винников А.З., Цыбин М.В., 1987, с. 32).

Еще одно средневековое поселение с преобладающими русскими материалами известно в урочище Мартышкино, в 6 километрах к югу от с. Ахмат Красноармейского района Саратовской области. Средневековая керамика Мартышкино, в подавляющем большинстве, представлена типичными сероглиняными русскими горшками с линейным и волнистым орнаментом. Аналогичная керамика часто встречается на памятниках XIV века. Золотоордынская керамика включает фрагменты красноглиняных кувшинов и крупных толстостенных сосудов (Лопатин В.А., 1997).

Рядом с этим поселением исследовался грунтовой могильник того же времени. Погребальный обряд полностью соответствует Алексеевскому могильнику: на спине, вытянуто, головой на юго-запад, руки в области таза или на груди (Моржерин К.Ю., 1996). Аналогичный могильник на берегу Волги известен в Вольском районе. Могильник находится в 1 км к югу от окраины г. Вольска, занимает небольшой мыс, возвышающийся, приблизительно, на 15 метров над уровнем Волги и включает взрослые и детские погребения, совершенные по христианскому обряду.

Еще в нескольких километрах от урочища Мартышкино, ниже по Волге, в окрестностях бывшего села Кондаково известно 4 пункта со средневековой керамикой и на двух из них имеется русская. На поселении Кондаково I ее немного меньше золотоордынской, а на Кондаково II русская керамика преобладает (Четвериков С.И., 1994; Недашковский Л.Ф., 2000, с. 122-123).

Все это показывает, что прибрежная полоса Правобережья Волги в пределах Саратовской области была достаточно плотно заселена русским населением в золотоордынское время. Существование Укека, третьего по величине торгового, ремесленного и культурного центра Золотой Орды в Нижнем Поволжье, мало сказывалось на культурном облике небольших сельских поселений с русскими поселенцами: здесь продолжали сохраняться основные этнокультурные черты, которые археологически особенно хорошо прослеживаются в типах жилищ, керамике и погребальном обряде. Причем, наиболее ярко это проявляется именно на небольших поселениях.

На крупных городищах, типа Увекского или Водянского с пестрым этническим составом русский компонент выступает не так ярко, хотя прослеживается достаточно отчетливо (Полубояринова, 1978; Недашковский Л.Ф., 2000, с. 106-112).

Все названные памятники с преобладающим русским культурным компонентом находятся непосредственно на берегу Волги. К западу, в лесостепном Волго-Донском междуречье поселенческие археологические памятники, за исключением Прихоперья, практически не изучались. Небольшие раскопки проводились на средневековом селище и могильнике у с. Калмантай. Имеются отрывочные сведения о поселениях с русской керамикой на левом берегу р. Медведицы (северо-западная окраина пгт. Лысые Горы) и на левом берегу р. Широкий Карамыш (левый приток Медведицы) у с. Песчанка Лысогорского района

Русское селище и могильник у с. Калмантай расположены в бассейне р. Терешки (правый приток Волги) в Вольском районе, на севере Саратовской области. На исследованном участке культурного слоя встречена только русская керамика (по большей части горшки курганного типа), украшенная многорядной волной и линиями. По набору типов горшков и орнаментации наблюдается определенное сходство с керамикой Прихоперья. Рядом с селищем исследована часть могильника этого же времени. Погребения безынвентарные, умершие лежали головой на запад, на спине, вытянуто, руки на груди или животе. Следует подчеркнуть, что в культурном слое встречена только русская керамика, предметы золотоордынского времени были найдены на поверхности в окрестностях селища (Баринов Д.Г., 2001).

Русский компонент на памятниках проявляется более отчетливо по мере продвижения еще далее на запад. В отличие от поселений прибрежной волжской полосы, они изучены намного полнее. Здесь, в лесостепном Прихоперье А.А.Хрековым выявлена и исследуется группа русских средневековых памятников, на части которых выделены домонгольские комплексы. Это городище Никольевка 1, поселения Шапкино 2, Подгорное, Инясево, Рассказань, Алмазово 1 и 2 в бассейне р. Хопер (Хреков А.А., 1994). Причем, многолетние раскопки в этом регионе - лесостепном Прихоперье, а в более широком плане и Верхнем Подонье - позволили определить их место среди других населенных пунктов юго-восточных земель Древней Руси как в домонгольское время, так и во второй половине XIII - XIV вв.

Примечание [АК1]:

Слабая исследованность территории между Волгой и Прихоперьем пока не позволяет решить вопрос о соотношении русских поселений этих двух регионов. Несомненно, что начальный этап их формирования проходил совершенно разными путями. Лесостепное Прихоперье было освоено русским населением в результате естественной колонизации в XII-первой половине XIII вв., после монгольского нашествия жизнь на поселениях возродилась вновь, скорее всего, без постороннего принуждения. В золотоордынское время здесь произошло не только повторное заселение, но даже приводятся данные об увеличении численности населения в XIII-XIV веках (Цыбин М.В., 1997, с. 339-340).

Поселения с русскими материалами по берегу Волги не имеют культурных слоев домонгольского времени, их возникновение целиком связано с образованием Золотой Орды в середине XIII века и переселением людей из покоренных областей, в том числе и Руси.

Сложнее по имеющимся материалам определить время возникновения русских населенных пунктов на обширной территории, разделяющей Прихоперье и побережье Волги. В физико-географическом отношении это южная окраина лесостепи с пойменными лесами и остепненными водоразделами. Русское население могло появиться здесь не обязательно насильственным путем, а постепенно переселялось в буферную зону, занимая наиболее залесенные участки. Такую вероятность нельзя исключать для северных районов Саратовской области, иначе сложно объяснить появление таких поселений, как Калмантай, в верховьях небольшой речки, вдали от торговых путей и не имеющих в культурном слое золотоордынскую керамику. Но хронологическую позицию таких памятников можно будет определить только после широкомасштабных раскопок.

Археологические материалы дают основание считать, что социальное положение русского населения не ограничивалось двумя категориями - рабами и полузависимыми ремесленниками (Полубояринова М.Д., 1978, с. 36-37). Русское население небольших сельских населенных пунктов, скорее всего, находилось в какой-то форме феодальной зависимости, сохраняя свой традиционный уклад жизни и культуру на протяжении длительного времени благодаря компактному поселению в чужеродной среде.

Литература

Баринов Д.Г. 2001. Средневековые селище и могильник у с. Калмантай // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998 - 2000 гг. Саратов. Вып. 4. (в печати)

Лопатин В.А. 1997. Исследование Смеловского грунтового могильника и поселения в урочище Мартышкино // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Саратов. Вып. 2.

Моржерин К.Ю. 1996. Раскопки грунтового могильника XIV века в урочище Мартышкино // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов. Вып. 1.

Недашковский Л.Ф. 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.

Полубояринова М.Д. 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.

Хреков А.А. 1994. Древнерусские поселения лесостепного Прихоперья // Материалы научно-практической конференции по проблемам сохранения археологического наследия. Саратов.

Четвериков С.И. 1994. Раскопки грунтовых средневековых могильников в Саратовском Поволжье // АО 1993 г. М.

Юдин А.И. 2000. Алексеевское городище в г. Саратове: итоги и перспективы исследования // Поволжский край. Саратов. Вып. 11.

АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Назаров А.А., Захаров П.Е. (Волгоград)

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В 1997-2000 гг. НА ТЕРРИТОРИИ г. ВОЛГОГРАДА

Целью археологических исследований при реставрации памятников или нового строительства в местах расположения исторического культурного слоя является воссоздание исторического облика архитектурного памятника и окружающей его территории, проведение охранных мероприятий. Ценность информации получаемой из культурного слоя при сопоставлении ее с данными историко-архивных, камеральных, других исследований, заключается в том, что извлекается, и анализируется информация недоступная другим способом, как с помощью археологических раскопок.

Архитектурно-археологический комплекс, которым является культурный слой исторических населенных мест, включает в себя искаженные или утраченные части зданий (на которые нет проектной или другой архивной информации); особенности цоколей, фундаментов, нижних частей стен, элементов декора; конструкционные особенности постройки в целом, утраченные элементы ансамбля; хронологические периоды «жизни» здания – стратиграфические горизонты строительных периодов, информацию о технологии строительного производства; а также информацию о предшествующих исторических эпохах содержащих остатки материальной культуры – свидетельства духовной, хозяйственно-бытовой, производственной деятельности, имеющие музейно-экспозиционную ценность.

В настоящей работе описываются результаты архитектурно-археологических исследований проведенных в пределах исторического культурного слоя царицынской крепости при ремонтно-реставрационных работах памятника архитектуры Х1Х в. 1-я Пожарная часть и работах по воссозданию первого царицынского храма церкви Иоанна Предтечи; а также в пределах исторического культурного слоя крепости немецкой колонии Сарепта на землеотводе под жилой дом в пределах территории музея-заповедника «Старая Сарепта».

1. Исследования культурного слоя «Пожарная часть-1997».

Задачами исследования являлись определение хронологических параметров культурного слоя, его мощности, информативности, степени сохранности, характера остатков архитектурных сооружений, выявление строительных горизонтов и архитектурных особенностей, относящихся к истории строительства этого памятника, выявление и исследование позднейших культурных горизонтов связанных с существовавшим здесь одним из первых царицынских кладбищ и возможность увязки царицынской планировки разных периодов с современной градостроительной планировкой. Следует учесть, что на территории г. Волгограда подобные работы проводились впервые. Было заложено 16 раскопов. Интерес представляет материал из шурфов, прорезавших погребения. Кладбище возникло в начале ХУШ в. на 3 окраине Преображенского предместья, на нем была построена Скорбященская церковь; после окончания функционирования кладбища, созданный здесь парк значительно снивелировал участок перед началом строительства Пожарной части. Выявленные горизонты погребенной почвы (ХУШ - Х1Х вв.) кладбища и XIX в. - строительства здания, позволили расчленить описываемый материал и хозяйственные остатки по хронологическим слоям; отделить их от позднейших перекопов. Из находок определенный интерес представляет керамическая плитка Харьковского завода Бергенгейма из шурфа № 7 заложенного у СЗ стены пилястра каланчи, (первоначальная декоративная отделка здания) с аппликацией на лицевой стороне темным пастовым заполнением в виде геометрического и стилизованного растительного орна-

ментов. Из других находок, имеющих отношение к архитектурной истории памятника, интересна описанная система канализационного слива в шурфе № 4 у ЮВ стены. Из материалов, связанных с кладбищем и г. Царицыном, следует выделить описание II погребений и устройство дренажной канавы XX в. из бутового камня, царицынской трамвайной линии, известной по архивным фотографиям и сам путь трамвайной линии, погребенный под позднейшими слоями.

В итоге следует отметить новизну проделанной работы: - выявленные строительные и хозяйственные горизонты поддаются датировке и дают материал, который невозможно получить из других источников; - дано описание кладбища и территории ХУШ вв.; - исследованный объем шурфов дал описание цоколя и фундаментов здания, выявил позднейшие переделки, позволил реконструировать первоначальный облик здания. Накопленный в ходе работ опыт полностью опровергнул мнение о том, что подобный вид исследований в условиях г. Волгограда не может дать результатов. Главным итогом работ явилось сформировавшееся мнение о том, что все виды земляных работ (особенно в пределах царицынской крепости) должны производится с подключением к надзору над ними квалифицированных археологов, что позволит найти и описать не потревоженные культурные слои более раннего времени.

2. Исследования культурного слоя царицынской крепости «Храм Иоанна Предтечи-1998 г.»

Котлован нового храма заложен в 100 – 115 м к СЗ от прежнего месторасположения церкви Иоанна Предтечи, обрамлявшегося улицами Царицынской (Краснознаменская), Петровской (Краснопитерская, ул. Маршала Чуйкова), Предтеченской (им. Троцкого, Исполкомская, ныне отсутствует) и Набережной (им. Ст. Разина, им. Сталина, им. 62-й Армии). Квартал располагался в старой части бывшей Царицынской крепости и претерпевал изменения в ходе всех перестроек города.

В ходе земляных работ на участке котлована выявлены остатки 4-х жилых домов царицынской застройки конца Х1Х – нач. XX в: одноэтажного каменного жилого с пристройкой в ЮЗ части; двухэтажного каменного жилого с Г-образной пристройкой в СВ части, фасадом на ул. Краснознаменскую; пристроенного к нему с СЗ трехэтажного каменного жилого дома и одноэтажного деревянного жилого дома, южным углом соприкасавшегося с Г-образным двухэтажным домом. Последние три строения образуют внутренний дворик с большими выгребными ямами, заполненными массой бытовых отходов, прежде всего, фрагментами стеклянной, фаянсовой и фарфоровой посуды конца Х1Х – начала XX вв.

В восточной части раскопа обнаружены остатки двух деревянных домов с заглубленным в грунт полуподвалом, более ранних периодов застройки, взаимосменявших друг друга. Наибольший интерес представляют раскопки, проведенные на участке выявленных деревянных строений ранних периодов застройки.

Верхние слои представляют собой развалины разрушенного дома рубежа Х1Х-XX вв., свалку мусора, воронки от снарядов периода войны и нивелировку набережной послевоенного периода, ниже располагается дневная поверхность Х1Х в. с остатками деревянного строения Х1Х в.

Ниже фиксируются прослойки истлевшего дерева (потолочные балки и тес крыши в поперечном разрезе, а также просевший в подвальную яму пол). Брусья пола под тяжестью грунта со временем оказались вдавлены в нижележащий слой, до уровня которого был сооружен подвал. Судя по сохранившимся фрагментам тесовой ЮЗ стенки дома, просевшей в яму, дом представлял собой строение барачного типа, служившего казарменным или складским помещением, построенным еще в ХУ111 веке и обрушенным по обветшалости в Х1Х в. Ширина его в поперечнике составляла около 7 м. Дном подвала являлся нижележащий слой, сформировавшийся при его сооружении и выходе на слой углей заполнения предшествующей подвальной ямы. На дне подвала фиксируются остатки подвала более ранней деревянной постройки с фрагментами лагов пола, бревен, слоем углей, очевидно здание погибло в

одном из пожаров царицынской крепости. В слое углей обнаружены: фрагмент тонкого, очень плохого качества изготовления стекла, 2 глиняных биконических грузила от рыболовных сетей (?), а также многочисленные обломки неглазурованных керамических сосудов.

В восточной части котлована зафиксированы остатки подвала 1-этажного каменного дома с деревянной пристройкой из бутового камня рубежа Х1Х-ХХ вв. К югу от стенки подвала находится пласт исторического культурного слоя крепости. В нижней части слоя фиксируется прослойка углей мощностью 5 – 15 см- след одного из ранних царицынских пожаров.

В юго-восточной стенке котлована прослежена яма, представляющая собой подвал еще одного строения ранних периодов существования царицынской крепости, с остатками бутовой кладки фундамента у СВ стенки, заполненная низкого качества кирпичом, фрагментами гончарных сосудов и других бытовых остатков. Рядом найден железный кованый топор с широким лезвием, оттянутым к низу и небольшим узким вислым обушком. В 2 м к СЗ от среза подвала, в отвалах грунта собраны 3 глиняных биконических грузила от рыболовных сетей, происходящие из заполнения ямы подвала. Результатом работ явилось: привязка современной градостроительной ситуации к планам г. Царицына ХУ111-Х1Х вв., описаны деревянные постройки периода существования царицынской крепости.

Исторический культурный слой г. Царицына, несмотря на значительную переотложенность его верхней части в ходе перепланировок центра города в ХХ веке имеет значительную степень сохранности. Нивелировка поздних строительных горизонтов сыграла консервирующую роль для ранних слоев. Особенно информативным для научных исследований являются сохранившиеся фундаменты, подвалы строений, позволяющие установить особенности планировки города на разных этапах застройки, характерные черты строительной техники разных периодов. Скопления в ямах значительного числа бытовых предметов и их фрагментов, наряду с нахождением их в самом слое, имеет значение, как для хронологических определений, так и для пополнения музейных фондов.

В целях сохранения уникального для г. Волгограда материала, которым является совокупность напластований культурного слоя необходима нормативная регламентация порядка ведения земляных работ на участках старой части города и осуществления надзора за ними, закрепление указанных участков в генплане города, определение порядка ведения научно-исследовательских работ по изучению культурного слоя.

3.Исследования культурного слоя крепости колонии Сарепта «Сарепта-2000 г.»

Архитектурно-археологические исследования на территории музея-заповедника «Старая Сарепта» проводились с целью выявления, привязки к генплану зданий ХУ111-Х1Х вв., которые в настоящее время утрачены.

На территории проектируемого строительства жилого дома (северо-западный сектор бывшей Церковной площади - пл. Свободы) ранее размещались землевладения и постройки сарептской винокурни, пивоваренного завода, аптеки, дома форштеера, позже - пастората и караульного помещения. Согласно археологическим, а также историко-архитектурным изысканиям, проводимым МЗСС в 1992-1999 гг., указанная территория имеет мощный историко-культурный слой, датируемый концом XVIII - второй пол. Х1Х вв. Известна переписка с российским правительством (1762 г.) о предоставлении льгот на право варить пиво и курить водку и Указ Екатерины II (1767 г.), дающий это право сарептянам. Первая винокурня была построена в Сарепте в 1771 г. возле постоялого дома. В 1778 г., в здание постоялого двора была переведена вторая винокурня, был построен второй этаж, и постройка приобрела Г-образную в плане форму. Заложенные шурфы дали следующий материал: Зачистка обнажения свода подвала бывшей общинной винокурни проводилась в западном углу котлована проектируемого дома. Стены подвала сложены из бутового камня на известковом растворе, толщиной достигая 0,8 м, верхний срез их находится на уровне верхней части свода. Пятка свода находится ниже уровня дна котлована. Свод полуциркульной формы имеет толщину

1,5 кирпича, сложен из красноглиняного кирпича на известковом растворе. Нижние края арки свода поверх него заложены кирпичом, перекрытым бутовым камнем. В настоящее время юго-восточная часть подвала разрушена. Раскопками также раскрыта часть кладки поперечной стены подвала с верхней частью дверного проема, соединявшего подвальные помещения, перекрытого лучковым сводом в 1 кирпич и часть свода в 1 кирпич, перекрывавшего юго-восточное подвальное помещение. Раскопана также поперечная стена подвального помещения, сложенного из красного кирпича с применением смешанной техники кладки и часть арочного свода юго-восточного подвального помещения. Свод толщиной в 1 кирпич сохранился на протяжении 1,35 м к ЮВ от поперечной разделительной стенки подвала. Время сооружения юго-восточной части подвала, судя по отсутствию перевязки кладки свода и поперечной стенки, относится ко времени между 1835 и 1861 гг., когда к зданию бывшей винокурни были пристроены кирпичные помещения к юго-востоку.

Результатами исследований на участках культурного слоя музея-заповедника «Старая Сарепта» в зоне строительства жилого дома явилось: культурный слой Сарепты, представляющий систему напластований, отражающих историю строительства, существования построек колонии, вследствие его консервации строительными остатками при реконструкции территории колонии, имеет хорошую сохранность; содержащиеся в культурном слое фундаменты, нижние части стен зданий, перекрытые грунтом подвалы, представляют ценный источник как для изучения истории колонии Сарепта, так и для общей истории архитектуры и строительного дела ХУ111 – Х1Х вв.; вещевой материал слоя способен существенно пополнить музейные фонды; при проектировании любых земляных работ требуется предусматривать обеспечение обязательного надзора специалистов за их ведением, и, при необходимости, производить предварительные архитектурно-археологические исследования; при проектировании благоустройства территории музея-заповедника и прилегающих к ней жилых кварталов целесообразно рассмотреть возможность использования уцелевших подвалов зданий Сарептской застройки с их приспособлением для музейных, культурно-бытовых целей.

Пигарев Е.М. (Астрахань)

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ КАЗАХСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНО-КУЛЬТОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Современные мусульманские кладбища Астраханской области до сих пор еще мало изучены. Между тем, они являются важными источниками при изучении этноистории края, в известной степени, они отражают идеологию населения, характеризуют социальную его сущность, определяют этнический состав. Особенно информативны сельские кладбища, отличающиеся большей архаикой, благодаря чему здесь можно увидеть некоторые черты доисламской погребальной обрядности.

В течение ряда лет нами проводилось изучение казахского кладбища у сел Хошеутово и Ахтубинка Харабалинского района Астраханской области. Кладбище расположено на вершине бэровского бугра, вытянутого по линии запад-восток. Размеры кладбища 220х260 м. Какой-либо четкой планировки не наблюдается, могилы расположены достаточно хаотично. В то же время кладбище условно делится на три части: западную, восточную и центральную. В западной и восточной частях расположены захоронения 1960-90-х гг., обе эти части постоянно расширяются. В центральной части (местные жители называют ее «старым кладбищем») находятся могилы 1920-60-х гг. В этой части царит запустение, большая часть могильных сооружений разрушена временем. Захоронения в этой части кладбища не совершаются.

Наибольший интерес представляет архитектура кладбища, корнями своими уходящая в эпоху средневековья. Наше исследование включало в себя: опросы местных жителей, визуальное обследование, обмеры и фотофиксации сооружений. Для упрощения изложения материал разбит на группы и разряды, типология, предложенная нами, может оспариваться.

Группа 1. Курганообразные насыпи. Рис. 1.1.

Надмогильная насыпь овальной в плане формы, высотой до 0,6 м. Поверхность насыпи обмазана цементным раствором, образующим панцирь. Панцирь в центральной части пробит. Это сделано, по словам местных жителей, для скорейшего разрушения могилы, что служит сигналом успокоения души усопшего.

Могилы этой группы находятся только в центральной части кладбища, датируются 1930-40-ми гг. Стелы (кулпытасы) плоскостные эпиграфические расположены с западной стороны насыпи.

Группа 2. Ограды.

Ограды являются наиболее архаичным и преобладающим архитектурным типом. Встречаются одиночные и семейные.

Разряд А. Рис. 1.2. Глинисто-земляные ограды.

Ограды этого разряда встречаются только в центральной части кладбища и датируются 1930-50-ми гг. Характерные признаки: прямоугольная планировка, выкладка на глинистом основании, сочетание с кулпытасами. Ограды сооружены из сырцового кирпича на глинистом растворе. Стены оплывшие, сохраняются на высоту не более 0,4-0,5 м. Кирпич крупный, но нестабильных размеров.

Разряд Б. Рис. 1,3, Деревянные ограды.

Ограды этого разряда встречаются в основном в центральной части кладбища, датируются 1940-60-ми гг. Ограды набраны из штакетин, нередко с пиленым фигурным окончанием. Стела с западной стороны.

Разряд В. Рис. 1.4. Кирпичные ограды.

Наиболее многочисленная и разнообразная группа памятников. Встречаются и в восточной и в западной частях кладбища, датируются 1940-80-ми гг. Выполнены из различных видов кирпича - красного, белого и т. п. Выкладка на фундаменте. Размеры оград различны: от небольших (2х2 м.) , до очень крупных, в зависимости от количества захоронений (рис. 1.9). Стелы с западной стороны как внутри, так и снаружи ограды.

Группа 3. Рис. 1.5. Сагана.

Памятник единственный на кладбище, находится в западной части. Надписи на стеле затерты, поэтому датировка не ясна, вероятно, 1970-е гг. Склеп выполнен из красного кирпича.

Группа 4. Мазары.

Группа многочисленная и очень разнообразная. Встречаются и в восточной и в западной частях кладбища, датируются 1960-90-ми гг. Выполнены из различных видов кирпича и других современных строительных материалов. Выкладка на фундаменте. Эта группа относится к типу «центрических» мавзолеев, т. е. Таких построек, у которых нет ярко выраженной фасадной стены - портала, и все четыре грани которых обработаны декоративными элементами одинаково равномерно (Бернштам А.Н., 1950, с. 66).

Разряд А. Рис. 1.6, 2.1-5. Квадратные в плане.

Композиционно они представляют собой кубический объем, завершенный куполом. Делятся на два типа: двухъярусные и одноярусные.

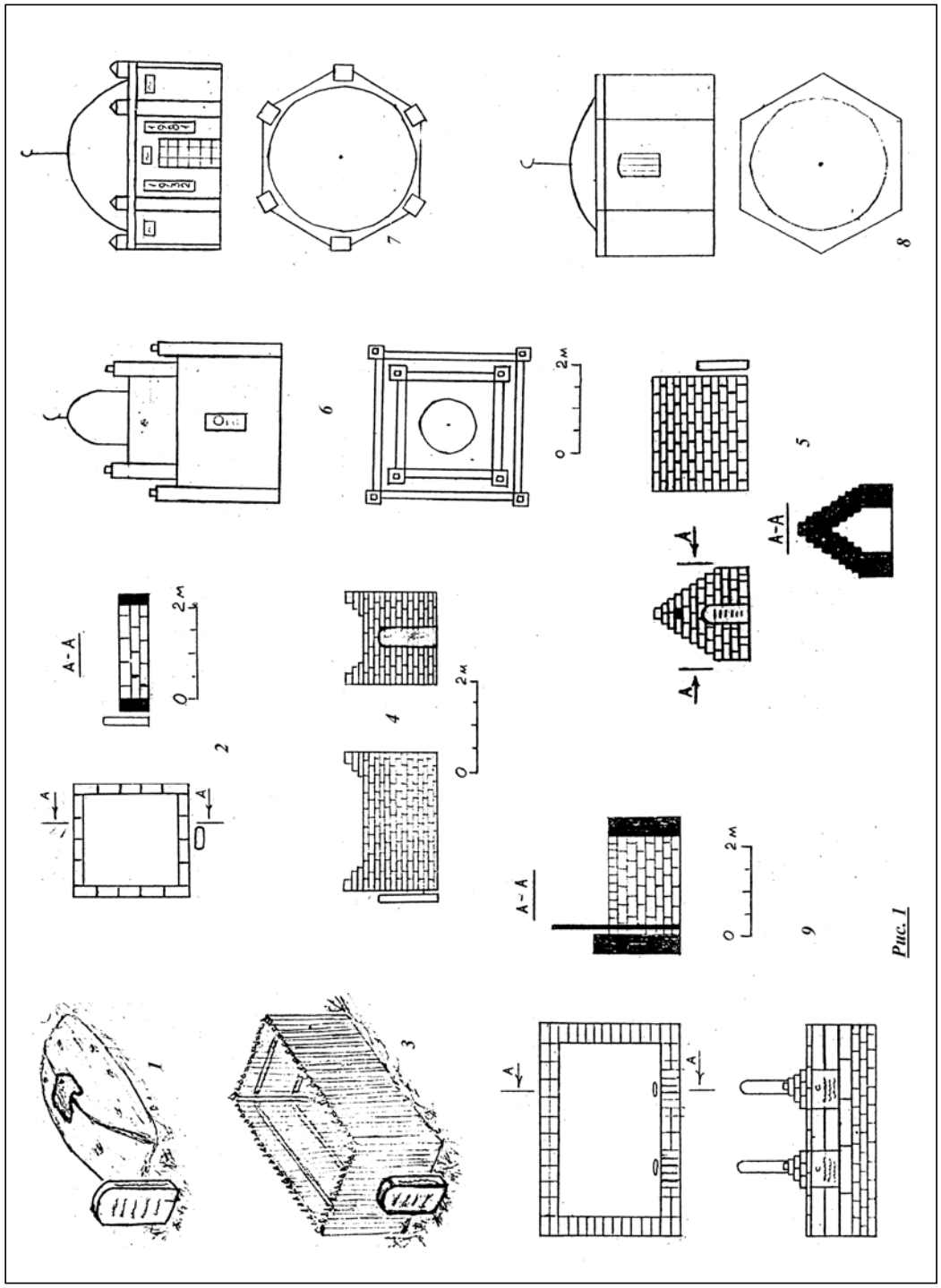


Рис. 1

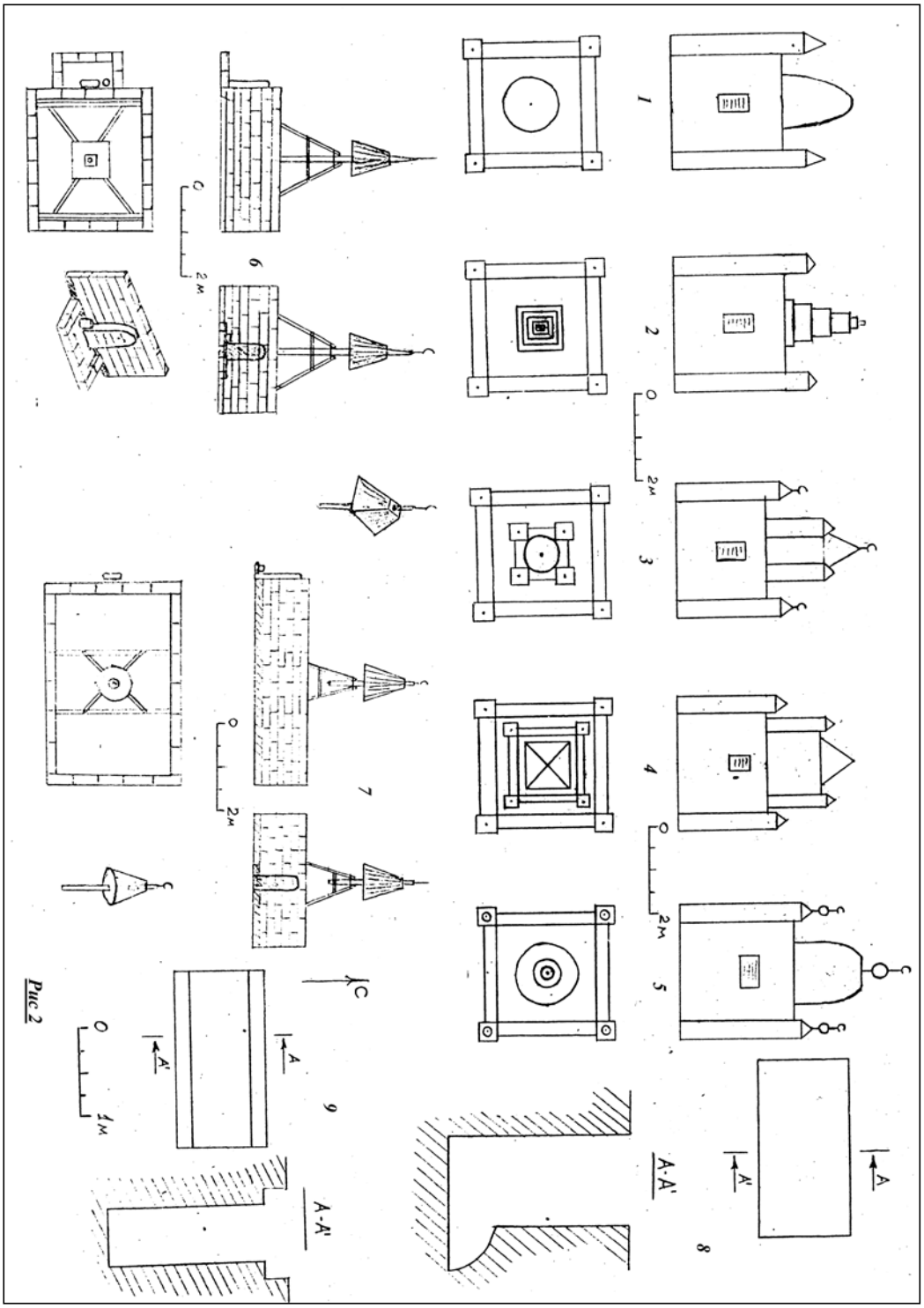


Рис 2

Тип 1. Двухъярусные. Рис. 1.6, 2.3, 2.4.

Однокамерные сооружения, состоящие из двух кубических объемов, завершающихся: а) сферическим куполом, рис. 1.6, б) коническим сводом, рис. 2.3, в) четырехгранным шатровым сводом, рис. 2.4. И первый, и второй ярусы обозначены по углам трехчетвертными колоннами, заканчивающимися конусовидными навершиями. Кулпытасы отсутствуют. На западной стене, в нише, плита с информацией об усопшем.

Тип 2. Одноярусные. Рис. 2.1, 2.5.

Однокамерные сооружения, состоящие из куба, завершающегося:

а) вытянутым вверх сферическим куполом, рис. 2.1, б) навершием в виде последовательно уменьшающихся кубических призм, рис. 2.2, в) высоким сферическим усеченным сводом, рис. 2.5.

Кубы мазаров обозначены по углам трехчетвертными колоннами, оканчивающимися конусовидными навершиями. Стелы отсутствуют. На западной стене, в нише, плита с информацией об усопшем.

Декоративная отделка этого разряда выполнена с использованием кирпича различных цветов. Своды указанной группы мазаров являются только архитектурно-декоративным украшением построек и не несут архитектурных функций, присущих настоящим куполам. Поэтому к ним может быть применен термин «псевдокупола».

Разряд Б. Шестиугольные в плане. Рис. 1.7, 1.8.

Композиционно представляют собой шестиугольную призму, завершенную сферическим куполом. Купол своим основанием опирается на небольшие арочки-тромпы, перекинутые в угловых частях сооружения (Бартенев И.А., Батажкова В.Н., 1983, с. 83). На кладбище находятся всего два памятника этого разряда.

Первый, рис. 1.8 - однокамерный, с низким сферическим куполом. С западной стороны в стене окно, закрытое решеткой. Деревянный кулпытас внутри.

Второй, рис. 1.7 - семейный, с высоким сферическим куполом. С восточной стороны дверь, по сторонам которой датирующие надписи «1932» и «1981». На стенах, в нишах плиты с информацией об усопших. По углам мавзолей обозначен трехчетвертными колоннами, заканчивающимися конусовидными навершиями.

Группа 5. Могилы святых. Рис. 2.6, 2.7.

На описываемом нами некрополе находятся две могилы, намогильные сооружения которых резко отличаются от всех перечисленных выше (Пигарев Е.М., 1995, с. 9-10). Обе могилы находятся в западной части кладбища и были совершены в 1966 году. Могильные насыпи обнесены кирпичными оградами, в центре которых возвышаются деревянные шесты с шатровыми навершиями. Подобную конструкцию можно сравнить со священным деревом. Само дерево, по мифологическим воззрениям, связывает три мира вселенной. Корни его уходят в нижний (подземный) мир, крона - в верхний (мир богов), ствол принадлежит среднему, земному миру живых людей (Тиваненко А.В., 1994, с. 127). У обеих могил с западной стороны расположены каменные стелы с информацией об усопших. Одно из этих погребений (южное) - мужское, его отличает навершие с круглым основанием, рис. 2.7а, второе погребение (северное) - женское. Женское погребение имеет два отличительных признака:

- шатровое навершие с квадратным основанием, рис. 2.6а;
- вокруг стелы погребения сложена низкая оградка - жертвенник, куда местные жители в дни посещений кладбища приносят деньги, сладости, рис. 2.6б.

По словам местных жителей, эти могилы принадлежат местным святым (знахарям). Чтобы получить помощь от духа святого, необходимо совершить жертвоприношение и прочесть молитву. Мы вели наблюдение за кладбищем в течение четырех лет и заметили, что жертвенник постоянно наполнен приношениями. Культ местных святых широко распро-

странен в Арало-Каспийских степях, могилы их обозначались знаками (шестами, ветками с полосками ткани), отличающими их от рядовых захоронений (Залесский Бр., 1991, с. 121; Мошков В.А., 1894, с. 30; Аджигалиев С. И., 1994, с. 38) .

Кроме вышеперечисленного, следует отметить еще ряд интересных наблюдений, говорящих о сохраняющихся пережитках. Так, на некоторых детских могилах, за оградами, замечены игрушки, кроватка-люлька. Попадаются могилы с лежащими рядом носилками (тобут). По видимому, последние связаны с представлением о путешествии душ в загробный мир. Известно, что в погребальном быту у мусульман носилки играют значительную роль (Аджигалиев С. И., 1956, с. 8).

Поскольку основным предметом нашего исследования являлись архитектурные надмогильные памятники XX века, то, естественно, археологического исследования их не проводилось. Специфика обряда захоронения и конструкции могил выяснялись нами путем опроса местных жителей. Погребения производились в прямоугольных грунтовых ямах глубиной до 2 м. , которые ориентировались длинной осью по линии Запад-Восток. Покойника заворачивали в саван, укладывали на правый бок головой на запад, лицом, обращенным к Мекке. Вещи в могилу не клались. Могильные ямы использовались двух видов: 1 - с полками для перекрытия по длинным сторонам ямы, рис. 2.9; 2 - с подбоем (ляхадом) вдоль одной из длинных стенок, рис. 2.8. Кроме того, если человек смертельно болен, то по желанию больного, его могут похоронить в гробу. В этом случае ни перекрытие, ни подбой не делаются.

В этой работе мы на примере одного обследованного кладбища пытались показать необходимость и перспективность дальнейшего изучения памятников погребально-культовой архитектуры тюркского населения Астраханской области по таким проблемам, как орнаментика, эпиграфика памятников, синтез искусств, эпонимия культовых комплексов (в связи с культом святых). Решение этих задач, безусловно, будет способствовать пониманию не только прошлого, но и настоящего этноразвития края

Сызранов А.В. (Астрахань)

КУЛЬТ МУСУЛЬМАНСКИХ "СВЯТЫХ МЕСТ" – "АУЛЬЯ" В АСТРАХАНСКОМ КРАЕ

Культ "святых мест, могил" ("мазар", "астана", "зийарат", "пир" и др.) является весьма распространённым в мусульманском мире. Он не приветствуется ортодоксальным исламом, являясь, по сути, внемечетным и неофициальным. Данный культ – важнейший компонент так называемого "народного" ислама и элемент суфизма-дервишизма, мистико-аскетического направления в мусульманстве, проводившего активную миссионерскую деятельность в степных и горных районах.

В Астраханском крае региональный вариант культа "святых мест", которые носят название "аулья" (мн. ч. от араб. "вали" – "святой"; у тюркских и иранских народов – "святое место"), до последнего времени оставался скрытым от постороннего взгляда и почти не исследовался. Это – малоизвестный, специфичный пласт астраханской тюрко-мусульманской культуры, требующий внимания и изучения.

Имеются многообразные материалы, связанные с данной темой, но лишь отдельные статьи освещают культ аулья непосредственно в Астраханском крае. (Викторин В.М., 1993, с. 86-91; он же, 1993(а), с.12-20; он же, 1998, с.1-10; Пятницкий В.Д., 1930, с. 157-160 и мн. др.).

На Нижней Волге культ мусульманских "святых мест" сформировался в эпоху Золо-

той Орды и Астраханского ханства под мощным влиянием суфийских традиций, пришедших из Средней Азии. Причём, некоторые аулья, на наш взгляд, сохранились ещё с домонгольских, кыпчакских времён (могилы Уряк/Урдяк-адже – "Призрак/утка – хозяин" – у села Янго-Аскер и Тукли-баба Шашлы-адже – "Заросший шерстью, волосатый дед-хозяин" – за пос. Мошаик). Большинство золотоордынских почитаемых мавзолеев было забыто, но сохранились сведения, что развалины одного из них на Селитренном городище почитались в XVII – XVIII вв. под названием аулья "Джигит-хаджи" (Рудаков В.Г, 1999, с. 92) (ныне аулья перенесено на кладбище села Килинчи).

В дальнейшем, в XVI – XIX вв., почитание нижневолжских "святых могил" было воспринято ногайцами, татарами-переселенцами, туркменами, казахами, переселенцами с Кавказа. Между этими группами населения существовала некая связь. Почти все они говорили на тюркских языках и исповедовали суннитский ислам ханифитского мазхаба, достаточно либерального для восприятия народных традиций и адаптирующего их, в частности, в форме культа "святых". Таким образом, прежние верования, традиция почитания "святых могил" и некоторые святыни сохранялись и передавались "по наследству".

Для характеристики такого рода явлений было бы полезно ввести термин "этноконфессиональная эстафета", суть которого в том, что некоторые верования и традиции почитания "святых мест" передаются от одного народа к другому, становясь исторически связующим звеном между ними.

Так как культ аулья имеет, на наш взгляд, древние истоки и достался современным тюркским народам Астраханского края от их предшественников – кыпчаков и астраханских татар времён Золотой Орды и Астраханского ханства, к которым, в свою очередь, он попал из среднеазиатского суфийского региона. Естественно, данный культ неоднократно переосмысливался мусульманскими тюркоязычными народами разных поколений и эпох. Старые святилища забывались, но сохранялась традиция культа, а потому он пополнялся почитанием "святых могил" новых народов.

Культ аулья у мусульман Нижнего Поволжья – явление довольно сложное, в котором скрыто сразу несколько историко-культурных слоёв. Так, например, он во многом характеризуется пережитками архаических верований и обрядов.

Одним из доисламских компонентов культа был кочевнический шаманизм. Шаманскую природу имеют аулья Урдяк-адже и Тукли-баба. В почитании "святых мест" нашли своё отображение древние анимистические (вера в "святых", давно умерших, но продолжающих являться верующим) и тотемистические верования. Так, ряд "святых" (Сеид-баба, Конши-баба, Урдяк-адже) связаны с животным миром. Доисламскими следует считать и ряд ритуально-обрядовых действий, в частности повязывание ленточек на оградах могил, почитание "священных" кустарников и озёр при некоторых" аулья".

Несомненно, главную роль в формировании нижневолжского культа "святых могил" сыграл суфизм (ат-тасаввуф). Суфийские миссионеры из Средней Азии, а позднее – с Кавказа (ордена ясевийа, накшбандийа), которые являлись одними из главных распространителей ислама на Нижней Волге, после смерти почитались верующими в качестве "святых", а их могилы становились объектами культа.

На суфийскую природу многих астраханских "святых" указывают добавленные к их именам слова "шайх", "ишан". Кроме того, анализ фольклорно-агиологического материала (легенд, преданий), связанного с некоторыми "святыми могилами", позволяет выявить ряд классических суфийских мотивов и сюжетов, что подтверждает вывод о суфийском происхождении этих "святых".

Несмотря на проникновение отдельных суфиев из ряда орденов, целостной суфийско-дервишеской организации в Астраханском крае так и не сложилось. Здесь распространился низший, "примогильный" суфизм в виде социального института "муджавиров" (с арабского – "страж") – хранителей и смотрителей аулья. Обычно это потомки "святого" или просто ува-

жаемые люди села, передающие свой пост, как правило, по наследству. Они ухаживают за могилами, собирают подаяния паломников, иногда ведают отправлением молитв и жертвоприношений на аулья.

Паломничество к "святым местам" включает особый комплекс ритуально-обрядовых действий, которые в немалой степени обусловливают относительную автономию культа. Это, прежде всего:

1. молитва у гробницы "святого", которой в некоторых случаях предшествуют круговые обходы вокруг могилы;
2. повязывание разноцветных (чаще – белых) лоскутков (платков) на ограде могил, установка флагов-байраков на шестах;
3. обряд "нияз" – приношение денег на могилу.

В отдельных случаях совершается ритуал омовения – таарат (водой или песком). Иногда практикуется обряд жертвоприношения (барана, птицы) и общественного пиршества на аулья для достижения желаемого результата паломничества.

Поклонение местным аулья – обязательный элемент праздников Курбан-байрам, Ураза-байрам, Маулюд. В первой трети XX века в Астраханском крае существовал ежегодный праздник "зийарат-байрам", непосредственно связанный с поклонением наиболее крупным аулья. В то время в черте города, в районе современной судоверфи, существовало большое мусульманское кладбище с почитаемым аулья – могилой "святого" Тукли-баба. Раз в год к нему съезжалось множество паломников, устраивались обряды жертвоприношений, коллективное моление, организовывалась розничная торговля ритуальными предметами и продуктами питания.

Сегодня особый интерес представляет праздничный обряд вызывания дождя (казах. "кудай джол", татар. "теляк теляген", туркм. "алла юлна садака") в ряде сёл области (Янго-Аскер, Атал, Хошеутово, Лапас и др.) Этот обряд имеет непосредственное отношение к аулья и очень часто проводится на его территории, либо посещение аулья входит в обряд. Он включает жертвоприношения, коллективное моление, пиршество и детские магические игры с водой – обливание прохожих с целью имитации дождя.

Анализ ритуально-обрядовых, фольклорно-агиографических и других аспектов культа показывает схожесть его системы с системой культа "святых мест" в Средней Азии (в частности, в Хорезме) (Снесарев Г. П., 1983). Это позволяет сделать вывод о единстве мусульманской культурной традиции в Нижнем Поволжье и в Средней Азии. В Астраханском крае культ "святых мест" не столь ярко выражен, как в других регионах ислама, имеет достаточно "скрытый" характер и складывался он здесь на протяжении веков в результате этноконфессиональных контактов многочисленных групп тюркоязычных народов.

Сегодня на территории области отмечено более 30 аулья (особенно активно действуют 7-8). Многие из них позабыты либо находятся в стадии забывания. Однако, уже сейчас очевиден всё возрастающий интерес мусульманской общественности к "святым местам", идёт процесс восстановления муджавирского сословия, активизируется культовая деятельность на 2-3 наиболее известных аулья, многие старые могилы обновляются и реставрируются. Возникают даже новые святилища.

Таким образом, культ аулья – это важное и интересное явление нижневолжского ислама, имеющее многовековую историю и перспективы развития, включая тенденцию к возрождению традиций почитания.

Литература:

Викторин В.М. Аулья и муджавират (следы доисламских верований у ногайцев окрестностей Астрахани)//Половецкая луна. № 3(7), Черкесск, 1993

Викторин В.М. Аулья и муджавират (следы доисламских верований у ногайцев окрестностей Астрахани)//Половецкая луна. № 3(7), Черкесск, 1993

Викторин В.М. Аулья Тукли-баба Шашлы-адже. Рукопись. Астрахань, 1998

Пятницкий В.Д. Карагачи (По материалам поездки в 1927 году)// Землеведение. Т. 32, вып. 3-4, М., 1930,

Рудаков В.Г. Вопрос о существовании двух Сараев и проблема локализации Гюлистана. В кн.: Учёные записки Татарского государственного гуманитарного института. Вып. 7. Казань, 1999

Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983

Викторин В.М. (Астрахань)

РОЛЬ ГОРОДОВ И ИХ ОКРУЖЕНИЯ (URDES ET ORBES) В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Археологическое (иначе – «палеоэтнографическое») изучение хазарских (М.А. Артамонов) и золотоордынских (Г.А. Фёдоров-Давыдов и др.) городов и городищ Нижневолжья и Предкавказья уже ведёт свой счёт на века. Сохранились о них и письменные свидетельства хронистов, путешественников. Известно, что население самых крупных из этих населённых пунктов было изначально полиэтничным и многоконфессиональным.

Однако не всегда дворцы владык, военные гарнизоны и торговые колонии соответствовали основному населению сельской округи, тем более, кочевой периферии – этнически и по преобладающей религии, глубине её усвоения.

На данных территориях веками происходило взаимодействие местных этнических культов с проникающими развитыми религиями, в т.ч. монотеистическими (единобожными), переднеазиатскими по происхождению, т.н. «богоооткровенными», «авраамическими»: национальной - иудаизмом и двумя мировыми - христианством и мусульманством. Отмечается влияние других религиозных доктрин - зороастризма, маздакизма, буддизма-ламаизма и т.д. События выбора, подобного летописно-эпическому рассказу X в. "Испытание вер - выбор князя Владимира", были неоднократны в прошлом других стран и народов, в т.ч. и рассматриваемого региона.

Политические события (неизбежная функция «полисной», т.е. городской жизни) нередко в корне видоизменяли этноконфессиональный, хозяйственно-культурный, а порой и антропологический облик отдельных общностей и групп, в т.ч. перемещаемых под защиту городских укреплений или в неволю крепостных стен.

Достаточно вспомнить «монголоидизацию» за столетие (труды М.Д. Полубояриновой) общин русских полонянников-христиан вокруг Сарая и Хаджи-Тархана. Либо процесс обоседления «после приезда царя Петра» (значит, в I-ой пол. XYIII в.), вокруг российской Астрахани юртовских и едисанских ногайцев, их связи при этом со средневолжскими татарами-горожанами.

В самой же Астрахани (как и в Казани по отрывочных данным Э. Челеби) этноконфессиональная группа славян-мусульман могла существовать длительное время, а в нач. XVIII в. (И.И.Неплюев) наметилась группа мусульман-калмыков.

Показательна и многотысячелетняя роль Дербента (Чоги-Чолы, Баб-ал-Абваб). К этому городу испокон веков и вплоть до современности притягивались и группировались здесь самые различные группы населения (христиане албаны и армяне, затем крещённые массагеты и гунно-болгары, полукочевые мусульмане-арабы до вхождения края в Россию, и после – полукочевые же азербайджанцы-сунниты, иначе «терекеме-карапапахи», ираноязычные таты иудейской, двух мусульманских и григорианской групп).

Нередко этноконфессионально-специфический характер приобретали военно-административные приграничные территории (и их центры-крепости). Их обобщающее наименование – «марки» (лат. «*marca*» - «межевой знак», «эталон», вообще «переходное

(«маргинальное») состояние») имело свою конкретизацию в каждой отдельной стране (провинции, «окрайны», воеводства, наместничества и пр.)

О структурах такого первичного районирования на интересующих нас территориях в хазарское время свидетельства отсутствуют (хотя военных конфедератов на границах располагали и каганат, и исламский халифат). Но ощутимые элементы таковых возникали, что интересно, уже в период Золотой Орды.

Характерна при этом топонимическо-смысловая пара городов «Хаджи-Тархан (будущ. Астрахань)» и «Тьму-Тархань (Тмутаркань, Тамань)» (См.: Добродомов И.Г. Происхождение названия «Астрахань» //Ономастика Поволжья. № 3. Уфа, 1973).

С началом борьбы за сферы влияния в 1262 г. между монгольскими государствами – улусом Джучидов (Золотой Ордой) на Волге и в Предкавказье и государством Хулагуидов-ильханов в Иране обозначились два стратегических направления: Дербентское и Дарьяльское. Здесь могли создаваться специальные пограничные округа «танма» с монгольскими наместниками – «танмачами» (см. у В.А.Кузнецова).

Под Дербентом такую службу могло нести разнообразное по происхождению и конфессиям местное население, вплоть до арабов и тюрок (см. выше). А в Центральном Кавказе роль центра можно обоснованно предполагать в известном г. Татартуп (Джулат, русск. Дедяков. См. в важной для понимания темы работе: Кузнецов В.А. Северо-Кавказские города: Верхний и Нижний Джулат в составе Золотой Орды. – В сб.: Астраханский край: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Астрахань, 26-27 ноября 1997 г. (К 280-летию образования Астраханской губернии). Астрахань, 1997 – С. 55-56).

Здесь проживали последователи горского язычества-генотеизма (условно – «главнобожия»), подвергшиеся влиянию византийско-грузинского православия из числа алан-ясов и, возможно, адыгов-касогов. Однако, это религиозно-политическое преобладание христианства на Северном Кавказе с нач. XIY в. вплоть до XYIII в. сменилось сильным и многосторонним влиянием ислама. Затем постепенно устанавливалось относительное равновесие влияния религиозных доктрин (по крайней мере, указанных двух).

На границах уже Российского государства освоение пространств Северного Кавказа происходило, в основном, со стороны Астрахани, важным было и «донское» направление, а «бештауское» («пятигорское») играло, ввиду примыкавших степных пространств, дополнительную роль.

В Астраханском воеводстве в 1567 г. были основаны Терки, или Терской городок, с ним после 1588 г. объединился Черкасский городок, где жили так же служилые кабардинцы и т.н. «окочане», или «ококи» - сборная этническая группа на основе, очевидно, чеченцев-акинцев, многие в которой принимали православие. Руководили ими выезшие кабардинские князья Черкасские, потомки князя Янгылыча, - один даже стал астраханским воеводой.

Во времена Петра I, его Азовский и затем Персидский походы послужили новым этапом проникновения России на юг. Строительство крепостей, создание Терского казачьего войска, образование в 1717 г. Астраханской губернии, активизация миссионерской деятельности Казанской епархии в Поволжье и Астраханской - на Северном Кавказе были звеньями в общем военно-политическом, этнико-конфесиональном продвижении государства на Кавказ.

Временное политическое отступление в 1739-74 гг., между Белградским и Кючук-Кайнарджийским мирными договорами с Турцией, привело к усилению конфессионально-просветительской деятельности русской православной церкви среди горцев – мусульман и т.н. «язычников» (многие из которых ещё до XIY в. испытали влияние грузинского православия). Присоединение Кабарды, Осетии и Грузии, затем вхождение в 1783 г. Крыма и Кубани в состав России, усиление влияния на Дагестан (документы Госархива Астраханской области), успешный поход против Персии в Закавказье в 1797 г. укрепили позиции Россий-

ского государства в данном регионе. Строительство крепостей и городов, основание Моздока в 1763-64 гг., последующие события зримо олицетворяло стадии этого пути.

Особый интерес представляет сюжет о последовательном создании на Северном Кавказе и в Поволжье (с 1722 по 1799 гг.) четырёх городов под общим названием «Ставрополь» (греч. «Святой Крест»): Дагестанский, Волжский, Ставрополь – уездный, областной, губернский и ныне краевой центр и, наконец, современный Прикумск-Будённовск, армянск. «Сурп Хач». Практически каждый из этих населённых пунктов создавался для вполне определённого, в этническом и конфессиональном плане, состава населения.

Возникали служилые группы христиан-казаков – осетин и калмыков, «приписных» кабардинцев (под Моздоком и в др. местах), были взяты под защиту бежавшие от набегов с юга армяне и таты-григориане («Сурп Хач" - Прикумск-Будённовск и отчасти Кизляр, сменивший в 1735 г. Ставрополь I-ый, также и в Астрахань), выведены из Крыма до его присоединения христиане – греки, остатки готов, особая группа армян (пос. Ново-Нахичевань, предместье Ростова-на-Дону), ногайцы, вступавшие в российское казачество, а после присоединения - мусульмане-калмыки («шереты/шереды», или «к(х)азлары»).

Эти и другие любопытные «этноконфессиональные группы» служили связующими элементами для этносов и конфессий. Их наличие поддерживало установленное «равновесие», играло гуманистично-культурную роль.

Иногда переселение в городскую черту из сельской местности (армено-таты в 1797-99 гг. из Мискуры и окрестностей Дербента от персидского набега, близкие им черкесо-гаи в 1846-66 гг. из-за Кубани в Армавир) или из города в степное пространство (свыше сотни купцов-узбеков, «сартов-бухарлык» около 1800 г. из Астрахани в прикаспийские «мочаги») «размывало» группу, вело к её ассимиляции.

Но главное – что и в новой общности (включая урбанизированную среду) потомки прежних самостоятельных образований сохраняли «новую специфичность», представленную оригинальными чертами из прежних традиций. Проблема, поставленная в данном сообщении, носит предварительный характер и требует дальнейших углублённых исследований.

Алиференко Е.В. (Астрахань)

ТОПОНИМИЯ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ В НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Топонимия многонационального Астраханского края включает в себя многочисленные названия природных объектов и населенных пунктов русского, казахского, татарского, калмыцкого происхождения. Генезис и бытование тех или иных топонимов помогает раскрыть историю народа и его традиций, его язык и фольклор. Они являются важным, подчас единственным, средством выявления этнической принадлежности древнейшего населения конкретной местности.

По данным топонимии можно фиксировать несколько миграций определенных этнических групп в Нижнее Поволжье, так же как и их контакты между собой. Например, русские земледельческие села средней полосы Астраханского края сохранили топонимы калмыцкого происхождения – Харабали, Досанг. В середине XVIII века они действительно возникли как первые калмыцкие становища. Однако позднее, с возвращением большинства калмыков обратно в Джунгарию, эти места были заселены русскими.

Выявлению границ и путей расселения народов способствует распространение топонимов определенного этноса за пределами его активного расположения. Это указывает не на сосредоточение народности, а, наоборот, на этническую смешанность, контактивность. Топонимы, в которых нашли отражение специфика исторической жизни и природных условий

Астраханской области, этапы заселения этой территории, этнический состав населения, встречаются в различных фольклорных жанрах. Наиболее древним и распространенным среди них, вобравшим в себя знания и представления о прошлом, можно считать топонимические предания. Именно в этих произведениях устной прозы выявляются основные признаки преданий как жанра вообще. Это и обращённость текстов в далёкое прошлое, и их прикреплённость к конкретной местности. Очевидна обусловленность топонимов историческими событиями, именами первопредков либо первопоселенцев, а также фамилиями, прозвищами известных в данной местности лиц.

Особенно популярны на Нижней Волге предания о селах Каралат (из тюрк. яз., по-казахски, по-татарски «кара-ат» - «черная лошадь»), Могой (монг., калм. яз. «змея» или же тюрк. «большое стадо»), Баскунчак (тюрк. происхожд., казах. – «собачья голова»). Много преданий о реке Ахтуба (по-казахски «белый холм»). Существует несколько сюжетных версий происхождения этих и других топонимов, многие из них приведены в работе Э.В. Копыловой «Живое народное слово: История названий Астраханских сел в рассказах старожилов» (Астрахань, 1997г.). Многообразие вариантов преданий во многом обусловлено тесными контактами разных этнических групп, что приводит к возможности нескольких «переводов» топонима.

Редуцированная форма местных вариантов и версий международного сюжета о братьях-первопредках – один первопоселенец: «Тишкова не было совсем. Где у нас тут кладбище есть, там бугорок был. Сюда сплывали рыбаки с верхов. Это был у них стан. Здесь был Тишкин. Тишкин – самый первый рыбак. Вот и стали звать: «Тишков, Тишков». Потом стали строиться. Вот и стало Тишково.» (ФА кафедры литературы АГПУ; зап. М.Ю. Гусевой, Л.Л. Ивашневой 24.07.1980г. в с. Тишково Володарского р-на от Куренковой Веры Дементьевны, 1911г. рожд.). К первопредкам можно отнести происхождение названий: с. Чаган (калмык, из старо-монг. яз.), с. Сокрутовка (казак Сокрут), с. Байбек (ногаец Баубек).

Традиционное для топонимических преданий фольклорное число три варьируется в тексте о селе Трехизбинке: «Раньше там вообще пусто было, не жил никто. А потом пришли туда люди издалека и построили три избы там, стали жить. Маленькое село получилось. И называть его с тех пор стали - Трехизбинка – от тех трех первых изб». (Зап. О. Алексеевой 30.06.1991г. в Астрахани от Кавериной Анастасии Лукьяновны, 1919г. рожд.)

Нередко исторические события, случаи с малоизвестными людьми, род занятий коренных жителей, даже слова, произнесенные в данном месте, обусловливают его название. Так, о реке Сундушной у жителей села Каралат бытует предание: «Когда-то здесь жил поп. И он, говорят, бросил в эту реку сундук с золотом. И стали речку называть Сундушной». Другие примеры: с. Килинчи – жители являются выходцами юртовских татар-ногайцев из с. Мошаик; дословный перевод на рус. яз. – «кил эче», «переселяйся». Село Тамбовка заселялось выходцами из Тамбовской губернии. Названия сел Стрелецкое и Промысловка связаны с родом занятий их первых жителей.

В персонажах топонимических преданий, особенно в образе первопоселенца, обнаруживаются следы различных эпох. Иногда более поздний по происхождению герой наследует отдельные признаки предшественников. Нередко в повествовании о далеком прошлом встречаются элементы совсем недавних времен. Смещение хронологии событий обусловлено своеобразием процессов бытования устно-поэтического творчества.

В народной прозе Астраханского края топонимы встречаются также в легендах, в быличках и бывальщинах. В отличие от преданий, которые претендуют на исторически верное изображение действительности, в легенде и быличке идейным центром повествования является необычайное, чудесное, фантастическое. Но, независимо от исторически достоверной или вымышленной основы сюжета, все жанровые разновидности несказочной прозы отличает ярко выраженная установка на правдивость, истинность описанных событий. Особенно

отчетливо это проявляется в указаниях исполнителей на конкретное время и определенное место действия.

Например: «У нас в Каралате есть бугор, высокий очень, а за ним есть еще бугор, его называют Князек», «Во время Персидского похода Степана Разина, по возвращении обратно, он остановился на несколько недель на буграх, которые впоследствии начали называться Разинскими». (Зап. Н.М. Жилкиной от М.А. Жилкина в с. Володарском).

Своеобразно представлены топонимы и в сказочной традиции края. Так, например, астраханский вариант известного сюжета «Звериное молоко» называется исполнителем «Кизань». Сказка не имеет ничего общего с историей возникновения этого топонима, но по-своему отражает своеобразие местной топонимии. Кизань – это одна из больших рек дельты Волги. В оригинальной интерпретации популярного сказочного сюжета заклинания «Кизань, Кизань, растворись на двадцать лет!» – это эквивалент известной формулы «Сезам, Сезам, отворись!».

Астраханское сказание о происхождении горы Богдо как версия международного сюжета о богатырях-великанах опубликовано в сборнике «Каспийские легенды и сказки» (Волгоград, 1969г.). Обращает на себя внимание этиологическая основа произведения: название горы и ее возникновение объясняется гибелью богатыря под глыбой уральского камня.

Особые исторические условия заселения Нижней Волги в результате переселения народов из центральных и южных областей России сказались и на специфике бытования песенного фольклора. Здесь слилось воедино устное искусство различных народностей. На первый взгляд, данное обстоятельство дает основание говорить об отсутствии самобытности астраханских народных песен. Однако на самом деле исторические условия жизни Астраханского края подготовили почву для развития и обогащения общей песенной традиции.

Наряду с известными в других регионах России жанрами, темами, сюжетами, на Нижней Волге возникли самобытные рыбацкие песни, частушки, припевки. Именно в них и встречаются топонимы, относящиеся к данной местности, к конкретному селу, например:

- Где ж ты, милый, скрылся?
  Где ж тебя, милый, сыскать?
- Я в Раздор нанялся
  Чувалы, братцы, таскать.

(«Русские народные песни Астраханской области» сост. В.П. Самаренко, М.А. Этингер. – М., 1978г., №1).

Переселившись в нижневолжские степи, русский народ не забыл песни родных мест, более того, стал ревностным хранителем архаичных традиций, редких произведений. В селах, образованных некогда казаками, как и встарь, основной тон и теперь задают мужчины, хотя в большинстве астраханских сел народные песни поют женщины.

С Астраханью связано, как известно, немало сюжетов исторических песен. До сих пор исполняются варианты о так называемом «сынке» С. Разина, например: «Как по городу Страханушке», «Астраханцы, братцы-молодцы», «вниз по Волге-реке» и др.

В образовании топонима главная роль нередко принадлежит тому или иному историческому лицу, которое в действительности либо по народным представлениям имеет непосредственное отношение к конкретному сюжету. Чаще всего на Нижней Волге встречаются образы Степана Разина и Петра I. В астраханской устной прозе образ Разина весьма сложен и противоречив. Многие исполнители утверждают, что атаман имел дурную славу. По преданию ерик Кровий был назван из-за убитых здесь разинцами богатых купцов: «Заведут по ерику Кровиму корабль с богатыми купцами да с товарами. Купцов порешат, в ерике утопят, а товары на городбище спрячут. Много людей поубивали, вот ерик и прозвали Кровий». (Зап. Мельниковой А.П. в 1982г. в пос. Оранжереи Икрянинского р-на от Шиварева Петра Ивановича, 1903г. рожд.).

В других астраханских произведениях народная фантазия наделяет Разина чудесными способностями: он может ездить по Волге на кошме, освободиться от темницы (сюжет – «нарисованная лодка»), Разин «заговорил змей на триста лет» и т.п. Название села Разино в устно-поэтической традиции ассоциируется с находившимся поблизости станом атамана.

С образом царя-реформатора Петра Великого связаны тексты о происхождении названий сел Ямное и Икряное, а также одна из сюжетных версий предания о селе Семирублевое.

В конце XVII - начале XIX века в село Семирублевое приехал один туркмен Бах, у которого был сын Темир. Вслед за ними стали приезжать и другие туркмены. В честь этой первой туркменской семьи село переименовали в Бахтемир («Живое народное слово» Э.В. Копыловой).

Этническое происхождение первопоселенцев влияет на возникновение многих топонимов. При этом появляются «парные» топонимы с этнической окраской: с. Русская Башмаковка и с. Татарская Башмаковка (переселившиеся в начале XVII века ногайцы-юртовцы). Наблюдается вариативность названий, что зачастую обусловлено разноязычностью области. Славянское оформление имеют такие топонимы, как Бараний, Яблоневый бугор; параллельно же с ними существуют и тюркские названия Ярлю-Тюбе (Осыпной бугор), Ак-Тюбе и др. Село Жан-Аул имеет также русский вариант-перевод топонима – Новое село, но поскольку его основное население составляют казахи, сохраняется и казахское название.

По данным топонимии можно фиксировать процесс заселения некоторых этнических групп в села, сохранившие прежние названия. Различного рода миграции, естественно, оставляют следы, так как при смене одного языка другим ассимилирующий язык, как правило, усваивает уже готовые географические термины. Местные топонимы, которые усваиваются новым языком, обычно подвергаются фонетическим и морфологическим изменениям. В некоторых случаях происходит перевод не всего топонима, а лишь отдельных его компонентов.

Пример звукового переоформления – возникновение названия села Камызяк. Один из рукавов Волги назывался Кам узяк, что в переводе означает «песчаная река». Возникший здесь в XVII веке небольшой посёлок получил название Камызяк. Первыми его жителями были калмыки и казахи. Сейчас на территории Камызякского района калмыков нет, но до сих пор существует Калмыцкий ерик. По другой версии слово «Камызяк» – это видоизмененное «комузек» - так казахи и калмыки называли первых русских жителей села. В результате анализа топонимов можно обнаружить объединение названий, принадлежащих разным языкам: Могой Малый и Большой, Баскунчак Верхний и Нижний и т.д.

Таким образом, в фольклорной традиции Астраханского края обнаруживаются межэтнические связи и взаимодействия уже на этапе возникновения произведений народного творчества. И поскольку Нижняя Волга – территория позднего заселения, эти исторические взаимосвязи широко представлены в местной топонимии.

Литература:

Догадин А.А. Былины и песни астраханских казаков. – Астрахань, 1911-1913, 1914гг.
Каспийские легенды и сказки /Сост. Ерымовский К.Н., Самаренко В.П. – Волгоград, 1969г.
Легенды. Предания. Бывальщины. /Сост. Криничная Н.А. – М., 1989г.
Липец Р.С. Рыбацкие песни и сказы. – М., 1950г.
Народные сказки Нижней Волги /Сост. Ивашнева Л.Л. – Астрахань, 1999г.
Очерки исследователей Астраханского края. Вып. 1-11. – Астрахань, 1997г.
Соколова В.К. Русские исторические предания. – М., 1970г.
Соколова В.К. Типы восточнославянских топонимических преданий. - М., 1972г.
Сто русских народных песен Астраханской области /Сост. Ярешко А.С. – Астрахань, 1974г.
Самаренко В.П., Этингер М.А. Русские народные песни Астраханской области. – М., 1978г.
Копылова Э.В. Живое народное слово: История названий астраханских сел в рассказах старожилов. – Астрахань, 1997г.

Астраханский край и современность /К 280-летию образования Астраханской губернии /: Материалы научной конференции 26-27 ноября 1997г. – Астрахань, 1997г.

СОДЕРЖАНИЕ

Гречкина Т.Ю., Шнайдштейн Е.В. (Астрахань)
Археология Астраханского края на рубеже тысячелетий ……. 3

Нижнее Поволжье в древности

Ремизов С.О. (Волгоград)
Новая стоянка каменного века на территории Волгоградской области ……... 9

Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, Ю. Е. Мусатов (Санкт-Петербург)
Новые поиски палеолита в Волгоградской области ……... 10

П. Е. Нехорошев, Л. Б. Вишняцкий, В. В. Герник,
Ю. Е. Мусатов, Т. В. Сапелко (Санкт-Петербург)
Новые исследования стоянки Шлях …… 13

Гречкина Т.Ю. (Астрахань)
Археологические разведки в Ахтубинском районе Астраханской области …… 17

Кияшко А.В. (Волгоград)
Локально-хронологический анализ погребального обряда эпохи средней бронзы Волго-Донских степей ……... 19

Щетенко А.Я. (Санкт-Петербург)
Хронология контактов степных племён Нижнего Поволжья с земледельцами Центральной Азии …… 21

Таркова Р.А. (Астрахань)
Представления срубных племён о мироздании …….. 24

Лопатин. В.А., Филимонова С. А. (Саратов)
Классификация керамического комплекса Смеловского грунтового могильника эпохи поздней бронзы в Саратовском Заволжье …… 27

Нижнее Поволжье в эпоху средневековья

Пантелеев С.А. (Астрахань)
Малоизвестные памятники археологии в дельте Волги …… 31

Сарапулкин В.А. (Липецк)
Некоторые аспекты алано-болгарских контактов в салтовское время …… 32

Н.А.Хан (Киров)
О поступлении куфического серебра на Нижнюю Волгу в X в. ……... 34

Гуренко Л.В., Ситников А.В. (Волгоград)
К воросу о локализации средневековых городов Атиля и Саксина …… 37

Гречкина Т.Ю., Васильев Д.В. (Астрахань)
Предварительные итоги исследований на Самосдельском городище в дельте Волги …… 40

Бронникова М.А, Зазовская Э.П., Аржанцева И.А. (Москва)
Городище "Самосделка": предварительные результаты и перспективы комплексных почвенно-ландшафтных исследований …… 43

Васильев Д.В.(Астрахань)
Новые исследования на городище Мошаик …… 48

Котеньков С.А. (Астрахань)
Погребение кон. IX-XI вв. у села Красный Яр Астраханской области …… 55

Руденко К.А. (Казань)
К вопросу об огузских древностях в Поволжье …….. 56

Круглов Е.В.(Волгоград)
О некоторых особенностях погребального обряда огузов …… 59

Зиливинская Э.Д. (Москва)
Охранные раскопки на Красном холме Селитренного городища в 1995-2000 гг. ….. 63

Рудаков В.Г. (Москва)
Раскопки остатков минарета на Селитренном городище …….. 65

Алексейчук С.Н. (Москва)
Опыт трёхмерных реконструкций в археологии на примере золотоордынской усадьбы ……... 66

Скисов С.Ю.(Астрахань)
Литая золотоордынская монета с Селитренного городища …….. 67

Васильев Д.В.(Астрахань)
Городище Ак-Сарай …….. 68

Кутуков Д.В. (Астрахань)
О некоторых особенностях погребального обряда нижневолжского населения в золотоордынское время …… 71

Павленко Ю.А. (Астрахань)
К вопросу о распространении суфизма в Нижнем Поволжье ……... 74

Шнайдштейн Е.В.(Астрахань)
Хаджитархан (источники) …… 77

Гузейров Р.А. (Казань)
Систематизация красноглиняной поливной керамики Хаджи-Тархана …….. 79

Яворская Л.В. (Волгоград)
Город в степи: некрополи округи Царёвского городища как источник для реконструкции исторических процессов 83
……..

Блохин В.Г. (Волгоград)
Золотоордынское поселение у с. Колобовки в Ленинском районе Волгоградской области ……. 87

Валиулина С.И. (Казань)
Балынгузское (Торецкое) III селище ……... 89

Недашковский Л.Ф. (Казань)
Рыболовные принадлежности из Укека и его округи …… 93

Юдин А.И., Балановский А.В. (Саратов)
Позднесредневековые русские памятники лесостепного правобережья Нижней Волги ……... 98

Археолого-этнографические исследования

Назаров А.А., Захаров П.Е. (Волгоград)
Результаты архитектурно-археологических исследований в 1997-2000 гг. на территории г. Волгограда …… 102

Пигарев Е.М. (Астрахань)
К вопросу о генезисе казахской погребально-культовой архитектуры Нижнего Поволжья …… 105

Сызранов А.В. (Астрахань)
Культ мусульманских "святых мест" – "аулья" в Астраханском крае …… 110

Викторин В.М. (Астрахань)
Роль городов и их окружения (urdes et orbes) в этноконфессиональных процессах Нижнего Поволжья и Северного Кавказа позднего средневековья и нового времени …… 113

Алиференко Е.В. (Астрахань)
Топонимия Астраханского края в народном творчестве ……... 115

Для заметок

АРХЕОЛОГИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ
Материалы всероссийской научно-практической конференции
26-28 марта 2001 г.

Редактор Е.В. Шнайдштейн
Корректор Д.В. Кутуков
Компьютерная вёрстка Д.В. Васильев

Издание ротапринтное

Уч.-изд. л. 12,5 Тираж 150 экз.
Заказ № 130 Цена договорная

Издательство Астраханского государственного педагогического университета
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а